

БОРИСО-ГЛЕБСКИЙ СБОРНИК

COLLECTANEA BORISOGLEBICA

ВЫПУСК I

БОРИСО-ГЛЕБСКИЙ СБОРНИК

COLLECTANEA BORISOGLEBICA

ВЫПУСК I

Редактор

КОНСТАНТИН ЦУКЕРМАН

Paris 2009

OCCASIONAL MONOGRAPHS - II

published by
the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies

Honorary President
IHOR ŠEVČENKO

President
PETRO TOLOCHKO

Борисоглівський Збірник

COLLECTANEA BORISOGLEBICA

ВИПУСК I

Упорядник: Костянтин Цукерман

© ACHCbyz
ISBN 978-2-916716-20-6

Distributed by ACHCbyz
achcbyz@college-de-france.fr
www.achcbyz.com

Layout & Graphic Design
Artyom Vardanyan (Ter-Markosyan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
<i>В. Зоценко</i> — Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор	15
<i>Э. С. Смирнова</i> — Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции	57
I. Древнейшие упоминания образов св. князей. Реконструкция иконографии	60
II. Сохранившиеся произведения XI – первой трети XII в.	72
III. Середина XII – первая треть XIII в.	92
IV. Образы св. Бориса и Глеба в искусстве византийского мира ..	92
<i>Е. В. Уханова</i> — Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха	117
I. Миниатюры Син. 262 и Чуд. 12: попытки атрибуции.	119
II. Храм в руке у князя: иконография борисоглебских энколпионов.	124
III. Новая датировка и локализация Син. 262 и Чуд. 12	134
IV. Художественный контекст миниатюр Син. 262 и Чуд. 12	137
V. К истории библиотеки Владимира Мономаха	148
<i>Е. Архипова</i> — Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба	157
<i>К. Цукерман</i> — Наблюдения над сложением древнейших источников летописи	183
I. Сказание 1016/7 г. – древнейший слой летописного повествования	189
II. Паримийные чтения о Борисе и Глебе в их соотношении с летописью	230
III. Киевские источники первых новгородских сводов	259
<i>Л. С. Соболева</i> — Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах	307
<i>В. Аристов</i> — Нарративная функция мотива «старейшинства» в летописной повести о Борисе и Глебе	341
<i>С. А. Иванов</i> — Несколько замечаний о византийском контексте борисоглебского культа	353

TABLE DES MATIÈRES

Préface de l'éditeur	7
V. ZOTSENKO — <i>La ville de Vyehgorod à l'époque kéïvienne: un aperçu archéologique</i>	15
E. S. SMIRNOVA — <i>Les débuts de la représentation iconographique des saints princes Boris et Gleb (†1015) : les modèles byzantins et l'émergence de la tradition russe</i>	57
E. V. UKHANOVA — <i>Les plus anciennes représentations du saint prince Boris. Un jalon pour l'histoire de la bibliothèque du prince Vladimir Monomaque</i>	117
E. ARKHIPOVA — <i>Une petite icône en pierre de saint Gleb, guerrier et martyr, provenant de Taman</i>	157
C. ZUCKERMAN — <i>Une esquisse de la stratification des premières chroniques russes</i>	183
L. S. SOBOLEVA — <i>L'incarnation de la sainteté de Boris et Gleb dans les « vers spirituels »</i>	307
W. ARISTOV — <i>La fonction narrative du motif de « l'ancienneté » dans le récit annalistique sur Boris et Gleb</i>	341
S. A. IVANOV — <i>Quelques remarques sur le contexte byzantin du culte des saints Boris et Gleb</i>	353

От редактора

Борисоглебская проблематика постоянно привлекает за последние годы и месяцы интерес и специалистов, и не, и публикации по ней многочисленны, зачастую очень полезны. «Борисоглебский сборник / *Collectanea Borisoglebica*» займет свое место в ряду этих публикаций, надеясь на внимание читателя, надеясь в свою очередь принести ему пользу. Цель его, мне кажется, четче выражает латинский элемент названия, *collectanea*, чем избитое слово *сборник*: она состоит, в первую очередь, именно в собирании материалов, освещающих становление и развитие культа св. Бориса и Глеба. Подобные предприятия затевались неоднократно, но всякий раз силами одного исследователя, а их, как показали последние такого рода подборки, уже явно недостаточно.

Собирание материала неотделимо от его критического осмысления, и это касается как традиции художественной, воплощенной в разных изобразительных жанрах, так и традиции агиографической, находящей выражение не только в произведениях специфически житийных, но также, например, и в летописи. Обе эти традиции освещаются в сборнике примерно в равной степени. Однако было бы неверно представить его как некую коллективную монографию, объединенную общим планом и общими методологическими посылками. Ведь планомерность охвата материала – лишь мечта редактора, а единство метода – преданье старины глубокой. Каждый автор выбирает свой материал и разбирает его по-своему, и все же собранные вместе работы обнаруживают некое единство, которое я открываю эмпирически как первый их читатель. Их объединяет сугубо источниковедческий подход, который порождает общий интерес к вопросам источников изучаемой традиции и хронологии ее сложения, к ее стратиграфии – ведь этот археологический термин равно приложим и к чередованию иконописных стилей и образцов, и к постепенному нарастанию слоев летописных сводов.

Однако, чем расписывать сборник в общих чертах, что гораздо лучше сделают рецензенты, и чем описывать содержание статей, которые каждый прочтет и сам, я хотел бы задержаться на нескольких деталях, которые привлекли мое внимание как читателя. Хочу надеяться, что начатый в этом вступлении диалог с авторами продолжат последующие читатели сборника.

* * *

Вышгород, город св. Бориса и Глеба, предстает перед нами в обзоре В. Зоценко во всем своем археологическом блеске... и нищете. Десятки раскопочных сезонов дали богатый материал и для истории материальной культуры, и для изучения социальной топографии древнего Вышгорода, но результаты их известны специалистам зачастую из общих обзоров, из которых последний был опубликован самим автором без малого четверть века назад (Довженок, Зоценко 1986). Мы благодарны В. Зоценко за новый обзор, который включает результаты последних лет, но как читатель, а не как редактор я хочу надеяться, что публикуемая статья не останется последним словом в этой области еще на четверть столетия. Много объективных причин препятствовало систематической обработке материала, но кому они будут интересны, когда через немного лет, летом 2015 г., город Вышгород очутится в центре массовых торжеств по поводу тысячелетия мученического подвига св. Бориса и Глеба? Полноценная монографическая публикация материалов древнего Вышгорода стала бы со стороны археологов достойным подарком к грядущему празднику.

Вышгород, открытый археологами – это город купцов и ремесленников, гончаров, кузнецов, стеклодувов, город посадов, над которыми возносился огромный Борисоглебский храм. Но перед тем как стать городом Бориса и Глеба, Вышгород, как нам напоминает автор, был городом Святополка. Мы, наверное, никогда не узнаем, почему вышгородские «болярцы» были обязаны ему верностью, но в решительный час именно к ним обратился Святополк, и они его доверия не нарушили. Им и только им Вышгород обязан своей славой. Путша, Талец, Елович и Ляшко, душегубы, но добрые христиане, не кинули тело Бориса в лесу под колодой, а везли его долгую ночь и, привезя, похоронили у церкви родного города. Как показывает судьба тела Глеба, Святополк им подобных инструкций не давал.

Широкая панорама ранней иконографии св. Бориса и Глеба в ее историческом развитии и во всем многообразии материалов и форм предстает перед нами в работе Э. С. Смирновой. Нет сомнения, что среди всех материалов сборника эта статья вызовет наибольшее воодушевление читателей, уже давно ожидающих от автора обновления ее первой публикации на ту же тему, ныне ставшей хрестоматийной. Корпус борисоглебской иконографии постоянно растет, научное осмысление составляющих его элементов углубляется, и многие из них становятся, как и следовало ожидать, предметом дискуссии среди специалистов. Часть дискуссии, проходившей параллельно составлению сборника, по воле участников отложилась на его страницах. Отдельные памятники, представленные Э. С. Смирновой, рассматриваются Е. В. Ухановой и Е. Архиповой в более монографической форме, иногда под иным углом. Однако авторов многое объединяет, и более всего бросается в глаза их общий интерес к роли византийской традиции в формировании вполне своеобразных древнерусских иконографических типов.

Особенно любопытен иконографический тип, которому уделяют немало внимания Э. С. Смирнова и Е. В. Уханова и для которого исключительно трудно подобрать византийский прототип – речь идет о фигуре святого князя с моделью храма в руке. За одним единственным исключением, такого рода изображения фигурируют на энколпионах, где каждый из святых братьев занимает отдельную створку. Любопытно, что хотя братья почитались совместно, храмы разные. Один из братьев, как правило Борис, держит в руке одноглавый храм, а другой, чаще всего Глеб, держит модель, на которой видны три купола (можно в ней усматривать, вслед за В. И. Лесючевским, условное изображение пятиглавого храма, но вряд ли это доказуемо). Согласно принятому объяснению (которое приводится и в опубликованных ниже работах), две модели отражают два строительных этапа Борисоглебского храма в Вышгороде: пятикупольную церковь Ярослава и однокупольную церковь Изяслава, или же эту последнюю и многокупольную каменную церковь, освященную в 1115 г. Владимиром Мономахом (в данном случае не имеет значения, имела ли она три купола или пять). В этом объяснении меня смущает, однако, несвойственный древнерусскому, да и вообще средневековому сознанию историзм. Поскольку храмы не сосуществовали, а сменяли друг друга, с какой же стати увековечивать память храма снесенного и, естественно, потерявшего значимость с того момента, когда мощи святых были из него вынесены? Осмелюсь поэтому предложить несколько иное объяснение иконографического типа св. Бориса и Глеба с храмом в руке, исходящее из характера предметов, для которых, по-видимому, этот тип был создан – крестов-мощевиков.

Состоящие из двух полых створок кресты-мощевики содержали в себе реликвии святого (или святых), который был на них изображен, причем, как правило, вторичные реликвии, закрепленные воском светильников из церкви святого. Таким образом, эти миниатюрные ковчежцы для мощей составляли поздний эквивалент ампул со священным маслом (как правило, маслом, бывшим в соприкосновении с мощами святого), разносимых по свету паломниками из храмов наиболее почитаемых ранневизантийских святых. Самая непосредственная связь борисоглебских энколпионов с храмом св. Бориса и Глеба является общепризнанной, но речь всегда идет именно об одном храме – Вышгородском. Вызвано это тем, что возникновение рассматриваемого типа энколпионов традиционно датировалось очень рано, серединой или 70-ми годами XI в., когда и в самом деле св. Борису и Глебу был посвящен только один храм. Однако в недавно опубликованной (посмертно) работе Г. Ф. Корзухина показала, что ранее рубежа XI-XII вв. борисоглебские энколпионы датированы быть не могут, и выдвинула гипотезу о возникновении их иконографии в связи с торжествами освящения храма при Владимире Мономахе в 1115 г. А. А. Пескова в свою очередь справедливо указывает, что «наиболее близким к оригиналу хронологически (...) на сегодняшний день является энколпион, происходящий из рас-

копок срубной постройки на Федоровском V раскопе в Великом Новгороде (1993), которая датируется около 1135 г.», а достоверно более ранних экземпляров в нашем распоряжении нет (Корзухина, Пескова 2003: 29, 87). Мероприятия Владимира Мономаха по укреплению почитания св. Бориса и Глеба – в первую очередь, св. Бориса, спасшего его от смертельной опасности – разбирает с новыми аргументами и фактами Е. В. Уханова. Этот контекст кажется тем более подходящим для создания новой иконографии святых, что тогда же возникает и искомая вторая церковь – воздвигнутая Мономахом на месте гибели св. Бориса на Альте в 1117 г. Поскольку она преимущественно посвящена св. Борису, тот чаще всего изображается на энколпионах с этой однокупольной церковью (что, конечно, несколько не умаляет его прав на Вышгородский храм). Храмы располагались сравнительно недалеко друг от друга, и паломники, приходящие издалека, могли легко посетить оба. Именно для них, как я полагаю, и создается ок. 1120 г. оригинальная иконография крестов-энколпионов, подчеркивающая связь заключенных в них мощей с посещенными паломником церквями.

Духовный стих о Борисе и Глебе, которому посвящено обстоятельное исследование Л. С. Соболевой – это, прежде всего, текст, которому крупно не повезло. В доступные всем подборки борисоглебских текстов Д. И. Абрамовича (1916, переизд. Мюллер 1967) и Н. И. Милютенко (2006) он не вошел, а в недавно опубликованной диссертации С. А. Бугославского (2007) он отсутствует потому, что тексты, подготовленные к изданию автором как приложение к его диссертации 1940 г., по всей видимости, безвозвратно утеряны. Таким образом, этот текст был доступен исследователям лишь в старых сборниках духовных стихов, но вряд ли они его там доискивались, ибо за стихом укрепилась слава текста очень позднего и в целом бесперспективного. Прочитав статью Л. С. Соболевой и приложенные к ней записи стиха, читатель обнаружит, до какой степени ошибочным было это пренебрежение, и откроет для себя все своеобразие народного восприятия семейной трагедии Владимировичей, убедительно выявленное исследовательницей.

Столь же ошибочна, как мне кажется, и поздняя датировка стиха. Как отмечает Л. С. Соболева, вопрос о времени его создания никто подробно не разбирал, и если в качестве такового называется XVII в., то это главным образом потому, что с XVIII в. уже имеются в наличии записи стиха. Более общим показателем даты Духовного стиха является его часто отмечаемая зависимость от анонимного Сказания о св. Борисе и Глебе. Наиболее подробно этот вопрос рассматривается в диссертации С. А. Бугославского, лишь недавно ставшей доступной широкому кругу исследователей. С. А. Бугославский (2007: 334-335) указал на текстуальную зависимость Духовного стиха от конкретной, чрезвычайно редкой редакции Сказания, возникшей в середине – второй половине XV в. Только в этой редакции в

описании Святополка появляется фраза «... яко аспида испусти ядь свои», несомненно сопоставимая с характеристикой Святополка в Духовном стихе: «... аки аспид плещу пуцаше». Однако, когда С. А. Богуславский заключает, что это сравнение в Сказании «конечно, первоначальнее, чем в стихе», возникает парадокс. Неужто неизвестно откуда в одну из рукописей Сказания был внесен поэтический образ, который потом был точно отслезен народным поэтом, напавшим, по счастью, именно на нужную рукопись и внесшим его в Духовный стих? Гораздо логичнее объяснить небольшую интерполяцию в тексте Сказания влиянием существовавшего уже в середине XV в. Духовного стиха. Текстуальные параллели между Духовным стихом и Сказанием в его основной редакции гораздо обширнее, но все они типически касаются народно-поэтических образов. Таким образом, получается, что эти образы изначально вошли в Сказание из народной поэзии вообще, а затем, как без иронии пишет С. А. Бугославский (2007: 336), будучи восприняты из Сказания в Духовный стих, «снова вернулись в создавшую их среду». Не проще ли признать, что автор Сказания о св. Борисе и Глебе, книжник, а не поэт, позаимствовал «народно-поэтические» образы из поэтического произведения, посвященного той же теме? И как объяснить тот факт, что автор стиха, якобы тщательно штудирова Сказание, заимствовал из него образы, которыми владел и сам, но оставлял без внимания столь центральные для Сказания темы, как, например, месть Ярослава за братьев?

Однако основным критерием для датировки является для меня совершенно неожиданный поворот сюжета, который автор стиха ни в Сказании, ни в ином источнике почерпнуть никак не мог: только в этом тексте Святополк Окаянный оказывается князем Черниговским. Его туда отправляет перед смертью сам Владимир, оставляя верховную власть совместно Борису и Глебу. В этом заключается корень конфликта. Очевидно, что именно назначение на черниговский стол вызывает у Святополка такую обиду и злобу, что он, обуреваемый дьяволом, берется за перо и, «посланный лист напишаше», готовит черное дело. Как и в других текстах борисоглебского цикла, Святополк здесь готов на все, чтобы стать первым, но только в Духовном стихе проявляется неожиданное сознание того, что, князя в Чернигове, он был именно вторым. Так мог осмыслить конфликт между братьями не сильно сведущий в истории уособицы Владимировичей певец конца XI – начала XII в., но пусть сторонники поздней даты объяснят, каким образом подобное представление об иерархическом месте Чернигова могло возникнуть в XV, XVI или XVII столетии?

В работе молодого киевского исследователя В. Аристова мы встречаем знакомые понятия современной киевской школы: «нарративное конструирование», «нарратив». Ее проблематика, однако, понятна и для тех, кто эту терминологию не использует, молчаливо признавая, что любой рассказ есть конструкция, сознательная или интуитивная, что все мы говорим прозой.

Как объяснить поведение князя Бориса, когда тот, вернувшись в Киев во главе отцовской дружины, отказывается от борьбы с узурпировавшим киевский стол братом Святополком? Недоумение читателя (и исследователя) усугубляется видимым алогизмом летописного повествования: Борис принимает свое решение до переговоров с братом, и лишь после того, как его решение уже объявлено дружине, прибывают посланцы Святополка с самыми заманчивыми посулами. В рамках концепции о нарративном конструировании В. Аристов предлагает модель некоей тонкой модуляции исторической реальности, искажения, которое может объясняться как малой осведомленностью летописца, так и его стремлением приукрасить образ героя (или обоими этими факторами).

Все это может быть и так, но я не могу не поспорить с автором, когда тот определяет возможную альтернативу его интерпретации летописного пассажа как «потребительское доверие к букве летописи». Летописец может и льстить своему герою в ущерб достоверности рассказа, и просто ошибаться по неведению, но в данном случае напрашивается более простое решение. Как я попытался показать в собственной работе, нашим информантом является современник событий, очень хорошо о них осведомленный, и именно его стремление передать их динамику создает впечатление непоследовательности. В самом деле, Святополк, высылая к Борису послов, никак не мог предвидеть, что куда Борис их примет, его уже бросит «дружина отня»; точно так же Путша, Талец, Елович и Ляшко, принимая казавшееся самоубийством задание Святополка, не могли предугадать, что оно сведется к избиению младенцев. Конечно же, наш информант конструирует недалекое прошлое: всего, что ему было известно о том, как и почему Борис был предан киевлянами и войском, он, очевидно, не рассказал. И тем не менее, если учесть, что события развиваются параллельно, коэффициент искажения исторической действительности может оказаться гораздо более низким, чем полагает В. Аристов.

Невелика по объему, но исключительно важна для понимания истоков борисоглебского культа статья С. А. Иванова, которая замыкает сборник. Сколько раз нам приходилось слышать, что прославление во святых властителя, пусть невинно убиенного, чуждо византийской церковной традиции и что почитание св. Бориса и Глеба в ее рамках беспрецедентно; в историко-богословском осмыслении их культа на этой идее построено немало. Искомый византийский прототип обнаружен С. А. Ивановым, причем прототип вполне однозначный, помещающий спор о святости Бориса и Глеба в контекст современного ему богословского спора в самой Византии. Подробнее о нем я здесь не расскажу – пускай нетерпеливый читатель начнет чтение сборника с конца, а зато добавлю несколько слов об интеграции св. Бориса и Глеба в Византии, которой, как мы знаем, культ их был не чужд.

С. А. Иванов приводит свидетельство Антония Новгородского о церкви св. Бориса и Глеба «во Испигасѣ градѣ», а также недавно опубликованное Я. Н. Шаповым (2003) и затем А. А. Туриловым (2006) свидетельство о ее постройке в 6625 (1117/8) г. «в Цареграде в Испегасеи». (А. А. Турилов исправляет 6625 на 6629 и помещает создание церкви в 1120–1122 гг., но я в этом необходимости не вижу). Напомню, что «града Испигаса» как такового не существовало, а был большой монастырский комплекс при чудотворном источнике (*nigi*) Богородицы у стен Царьграда. Комплекс этот был больничным-«инкубационным», где страждущие исцеления проводили многие ночи. Одна из редакций Книги Паломник сохранила чтение «въ Испигасѣ во Испитилѣ» (Лопарев 1899: 64) в описании чуда, имевшего место во время пребывания Антония в Царьграде: святые исцелили сухоногого «в госпитале», т.е. в больничном комплексе Святого Источника. Очевидно, что и церковь их была частью этого комплекса. В том-то и интерес ее даты. В XI в. монастырь Святого Источника захирел, и лишь Алексей Комнин (1081–1118) восстановил его славу, построив в нем новую церковь Богородицы¹. В рамках кампании по укреплению монастыря понятно решение призвать на подмогу вновь прославленных целителей. Слава же их, как очень верно отмечает Е. В. Уханова, несомненно достигает византийской столицы старанием Владимира Мономаха.

Дата постройки храма св. Бориса и Глеба при монастыре Святого Источника имеет и дополнительный интерес. Хорошо известен пассаж в анонимном Сказании о св. Борисе и Глебе (в части Сказания о чудесах), где святые объявляют узникам князя Святополка Изяславича (1093–1113) о своем отбытии на три дня «в Греческую землю» (Абрамович 1916: 61). Нет надобности объяснять, что святые отправляются туда не как туристы, а во исполнение долга каждого святого, обладающего несколькими храмами, регулярно их посещать. Иными словами, святые объявляют узникам, что в Греческой земле у них есть свой храм. Поскольку нет оснований полагать, что до 1117/8 г. в Византии существовал храм, посвященный св. Борису и Глебу, сообщение анонимного Сказания является явным анахронизмом. В этом нет ничего удивительного. Чудо об узниках описано в Чтении Нестора как имевшее место при князе Ярославле, и о путешествии в Грецию там речи нет (Абрамович 1916: 20); автор же Сказания не захотел поместить освобождение несправедливо заключенных при праведном Ярославле и перенес чудо в княжение Святополка, пользовавшегося в монастырских кругах исключительно дурной репутацией. Осмелюсь заключить, что сделал он это после 1118 г. и даже немало лет спустя после этой даты – когда храм св. Бориса и Глеба в Испигасе воспринимался не как новшество, а как очевидность.

* * *

1 См.: S. Efthymiadis, Le monastère de la Source à Constantinople et ses deux recueils de miracles. Entre hagiographie et patriographie, *Revue des études byzantines* 64–65, 2006–2007: 298.

У истоков предлагаемого вниманию читателей сборника – проект «международного конкурса РГНФ – НЦНИ Франции» под названием «*Borisoglebiana* (и т.д.)». Этот проект за номером 07-01-94653а/Фр. Исл РАН. 2009 и по сей день вывешен на сайте Российского Гуманитарного Научного Фонда, но то лишь неверное мерцание нейтронов. Проект прошел конкурс, но его бюджет, уже переведенный на счет ведущего института, был тотчас и целиком со счета изъят, чему старожилы примеров не припомнят. Представитель Национального Центра Научных Исследований Франции в Москве получил по этому поводу официальное разъяснение, а пару месяцев спустя разъяснение получил и институт, столь же официальное, но совсем иное. Поиски истинного объяснения столь необычного явления могут стать темой отдельного исследования, а здесь достаточно указать, что за два года существования проекта (согласно сайту РГНФ) РГНФ в него ни копейки денег не вложил. Материальное обеспечение исследовательской работы и публикации принял на себя наш издатель, АСНСВуз – Ассоциация Друзей Центра Истории и Культуры Византии (Париж). Пользуюсь случаем выразить личную благодарность ее бесменному казначею. Все эти административные перипетии – весьма неприятные, не скрою – не помешали нашей работе над общей темой. В какой-то степени освобождение от административных уз ее даже облегчило, позволив каждому из заинтересованных исследователей работать в собственном ритме. Состав участников изменился и существенно расширился. За первым сборником вскоре последует второй, в значительной части уже обеспеченный материалом, а затем, возможно, и третий. Я приглашаю коллег, желающих опубликовать материалы по очерченной выше тематике, принять в них участие.

Моим приятным долгом остается поблагодарить дирекцию Государственного Эрмитажа и лично заведующего сектором архитектурной археологии О. М. Иоаннисяна за радушный прием участников проекта в рамках Архитектурно-археологического семинара Гос. Эрмитажа 11-12 апреля 2008 г. И наконец, я искренне признателен Национальному Комитету Византинистов Украины, который принял сборник для публикации в издаваемой им серии *Occasional Monographs*.

Константин Цукерман
(Париж)

**Наблюдения над сложением
древнейших источников летописи**

БОРИСО-ГЛЕБСКИЙ СБОРНИК

COLLECTANEA BORISOGLEVICA

ВЫПУСК I

Ред. К. Цукерман
Paris: АСНСВyz 2009

C. ZUCKERMAN. *Une esquisse de la stratification des premières chroniques russes*

La chronique russe connue sous le nom de « Récit des temps passés » (*Khronika vremennykh let*) forme le socle commun de la plupart des compilations annalistiques conservées ; elle décrit l'histoire russe des origines jusqu'à l'année de sa composition (1116) puis sa révision par l'auteur (1117). Une description distincte, textuellement assez proche, se lit au début de la « recension cadette » de la Ire Chronique de Novgorod pour la période qui va jusqu'à la mort de Feodosij, l'abbé du monastère de Grottes, en 1074. L'antériorité de cette version par rapport à celle conservée dans « le Récit » a été démontrée par A. A. Shakhmatov qui a cru que le compilateur novgorodien avait accès à un manuscrit défectueux (amputé de la fin) d'une chronique kiévienne des années 1090. Tout en réaffirmant l'antériorité de la version qui se lit dans la chronique novgorodienne, on cherche ici à apporter la preuve que son compilateur disposait d'une chronique composée en 1076 au monastère des Grottes, se terminant par la mort de Feodosij. Cette chronique a par ailleurs été remaniée par l'auteur de la chronique des années 1090 pour tenir compte de deux sources supplémentaires : la « Lecture liturgique » (*Parimijnye chtenija*) sur les saints Boris et Gleb (dont il a recopié des passages entiers) et la Vie d'Antonij, fondateur du monastère des Grottes. La chronique des années 1090 a, à son tour, été remaniée dans sa partie ancienne lors de la rédaction du « Récit des temps passés » pour intégrer des sources nouvelles – les traités byzantino-russes.

Les chercheurs ont aussi remarqué que le texte des chroniques, divisé de façon systématique en entrées annuelles (parfois non remplies), formait initialement, dans sa partie la plus ancienne, un récit continu. Le schéma annalistique lui a été imposé a posteriori par un découpage assez grossier, ayant parfois reparti des membres d'une phrase entre deux entrées avec des « années vides » insérées au milieu. Le récit initial commençait sans doute par l'installation des tribus slaves dans leurs pays respectifs et se terminait par la description de la guerre intestine entre les fils du prince Vladimir, l'assassinant de ses successeurs désignés Boris et Gleb par Svjatopolk puis l'éviction de Svjatopolk par Jaroslav et l'intronisation de ce dernier à Kiev durant l'hiver 1015/6. En lisant le texte découpé en continu on découvre sans trop de pertes et de déformation l'un de ces récits d'origines (origines gentium) que tant de peuples produisent, chacun à sa manière, dans le haut Moyen Âge. Plusieurs indices, dont une notice ajoutée au texte terminé, datée de 6525/1017 et datable du début de l'été 1017, permettent de situer la rédaction du récit peu de temps après le dernier événement décrit, vers l'hiver 1016/7. Le Récit de l'an 1016/7 constitue la source principale de la Chronique de l'an 1076 qui lui impose la grille annalistique. Un demi siècle plus tard, sans doute en 1126, le manuscrit original du Récit (« sorti de l'inventaire » de la bibliothèque du monastère des Grottes) arrive à Novgorod, où il devient le fondement de la première chronique locale.

Предлагаемая читателю работа выросла из переписки с А. А. Гиппиусом; спор наш будет продолжаться, но каждый, кому приходилось дискутировать с А. А., знает, скольким я обязан его советам и критике. Н. В. Пак тщательно вычитала текст, избавив его от множества огрехов; П. В. Лукин и П. С. Стефанович поделились со мной своими замечаниями; внимательным и остроумным читателем и критиком был С. А. Иванов. А. П. Толочко поставил мой текст на дискуссию на своем гостеприимном семинаре – отзывы ее слышны в окончательной версии статьи. Моим первым читателям все последующие обязаны текстом более совершенным, чем тот, что вышел изначально из рук автора.

*Памяти Якова Соломоновича Лурье,
долголетнего сотрудника Пушкинского Дома*

Постановка проблемы

В области исследования древнерусского летописания, ограниченной кругом немногочисленных и, казалось бы, хорошо известных источников, а потому достаточно консервативной, произошло за последнее десятилетие два значительных сдвига. Первый из них связан с появлением работы А. А. Гиппиуса, объяснившей, наконец, соотношение между старшим и младшим изводами Новгородской I летописи (Гиппиус 1997). Это объяснение строится на новом пристальном разборе новгородских текстов, но неизбежно затрагивает, как и предыдущие, также и проблему связей начального новгородского летописания с киевским. Второй сдвиг был ознаменован работой того же исследователя, в которой предлагаются лингвистические критерии для выделения древнейшего ядра летописи (Гиппиус 2001). До этого оно выделялось лишь текстологически, а многими и вовсе не признавалось за некую филологически уловимую реальность. Эти две работы служат исходной точкой для предлагаемых ниже наблюдений, общую логику и направленность которых я хотел бы вкратце очертить для читателя, перед тем как погрузить его в море деталей, необходимых для обоснования каждого выдвигаемого мною положения.

Определение контуров древнейшего источника летописи остается задачей отнюдь не решенной и после публикации работы Гиппиуса. Его выделение в составе наличного летописного текста методами традиционной текстологии основывалось главным образом на наблюдении, согласно которому деление на годовые статьи в ранней части летописи разрывает сплошной рассказ, а зачастую даже и фразы, чем доказывает свою вторичность. М. Н. Тихомиров (1960/1979) проследил это явление в тексте Н1Л мл., где древнейший слой менее потревожен позднейшими вторжениями, чем в ПВЛ; ему же принадлежит и определение древнейшего текста как Сказания о первых русских князьях. Сплошной характер долетописного текста и вторичность привнесенной хронологической сетки с очевидностью прослеживаются по статье 6524/1016 г. включительно. Однако Гиппиус по причинам, на которых я остановлюсь ниже, считает, что текст Сказания

завершался рассказом о крещении Руси, а Тихомиров завершал его и еще немного ранее. Это положение мне кажется спорным, и первой моей задачей является обоснование идеи о том, что древнейшее Сказание оканчивалось описанием уособицы 1015 г. и вокняжения Ярослава. Иными словами, конец нарративного фрагмента, сохранившегося в начале Синодальной рукописи Н1Л (ст.), маркирует конец древнейшего Сказания.

Не будет преувеличением сказать, что вопрос сложения летописной традиции о вспыхнувшей после смерти князя Владимира уособице является гордиевым узлом истории древнерусского летописания. В самом деле, до нас дошли три летописных версии этих событий, причем возникшие не независимо, а в теснейшей текстуальной связи. Вопрос о взаимоотношении этих версий неотделим от проблемы соотношения содержащих их летописей (Н1Л ст., Н1Л мл. и ПВЛ), а точнее лежащих в основе летописей источников. Проблема соотношения древнейших летописных источников ставилась и решалась по-разному, а в зависимости от принятых общих решений не столько разрешался, сколько разрубался на манер гордиева узла и вопрос соотношения указанных статей. Вместо последовательного сличения параллельных текстов предлагались замечания, далеко не учитывавшие, как мы увидим, совокупность текстуальных данных, и выдвигались гипотезы, всю дерзость которых исследователи, свыкнувшись с ними за столетие, к сожалению, перестали замечать. Подменив на данном участке летописи дедукцию индукцией, я буду исходить из подробного сравнения текстуальных сегментов, привлекая к нему и другие описания событий 1015 г.: Чтение Нестора, а главное Паримийные чтения о Борисе и Глебе, связь которых с летописью отмечалась, но систематически не прослеживалась. Терпеливое поэтапное сопоставление текстов позволит, наконец, распутать, нитка за ниткой, гордиев узел древнего летописания.

Эти предварительные замечания намечают план предлагаемого читателю исследования. В первой части разбираются критерии для выделения древнейшего компонента летописи, обосновываются его контуры и датировка. Здесь же подробно рассматриваются, в плане как источниковедческом, так и историческом, события близкие предлагаемой дате: столкновение Ярослава с Святополком и гибель Бориса и Глеба. Вторая часть работы ставит себе целью выяснение соотношения между Паримийными чтениями о Борисе и Глебе и источником Н1Л мл. с одной стороны и источником ПВЛ с другой. Эта часть является, пожалуй, главной, ибо она должна позволить разбить те звенья традиционной системы сцепления ранних летописных источников, которые препятствовали выделению Сказания в его указанной выше форме. Третья часть моей работы развивает поправки и дополнения к общей схеме сложения древнерусского летописания, среди

которых важно отметить положение о том, что в основу НІЛ мл. лег не свод 1090-х гг., как то полагал А. А. Шахматов, а свод 1076 г.

Читатель, ищущий новизны, с разочарованием обнаружит – а потому я спешу предоповестить его об этом заранее – что общая конструкция, к которой я прихожу, сильно напоминает шахматовскую. Сказание заменит в ней Древнейший свод, но в ней будет и свод 1070-х, и свод 1090-х гг., и, конечно же, ПВЛ, правда только в одной редакции. Я бы рад был эту конструкцию упростить, сведя два «Начальных» свода к одному, но не сумел; немалое число наблюдений Шахматова сохраняет свою доказательную силу, а я, смею думать, к ним добавляю и новые. Для лучшей ориентации читателя, предлагаемая схема взаимоотношений источников графически представлена в начале работы, предвосхищая ее подробное обоснование.

Отмечу, что в ряде исследований, следующих общей концепции Шахматова (главным образом в работах М. Х. Алешковского и А. А. Гиппиуса), представления о сводах 1070-х и 1090-х гг. настолько удалились от исходных, что эти условные наименования в значительной степени утратили конкретность для читателя. Было бы корректнее, подражая археологам, принять ПВЛ за некую дневную поверхность и отсчитывать от нее слои по мере их выявления: свод 1090-х гг. был бы обозначен как ПВЛ–1, свод 1076 г. как ПВЛ–2, Сказание как ПВЛ–3. Эта номенклатура соответствовала бы логике исследования, которое отталкивается от реально дошедшего до нас текста, и не связывала бы напрямую ранние слои с абсолютными датами. Я решил не экспериментировать с номенклатурой, но предупреждаю, что и мои представления о древних сводах в свою очередь расходятся с ранее предложенными. Отмечу также, что я позволил себе отстранить от рассмотрения гипотезу Шахматова о новгородском своде середины XI в., найдя ее слишком расплывчатой не только для употребления, но и для подробного опровержения¹.

1 Я так поступаю не первый. Отсутствие главы о раннем новгородском летописании в обзорной монографии М. Д. Приселкова (1940/1996) рассматривается его учеником Я. С. Лурье (1990: 191) как выражение недоверия шахматовской теории о Новгородском своде 1050-1079 г. Сходным образом Д. С. Лихачев, в работе специально посвященной раннему новгородскому летописанию (1948/1986), обошел молчанием гипотезу о древнейшем Новгородском своде и лишь в общем обзоре древних летописей, в примечании, выразил ее однозначное неприятие (Лихачев 1947: 89, прим. 1).

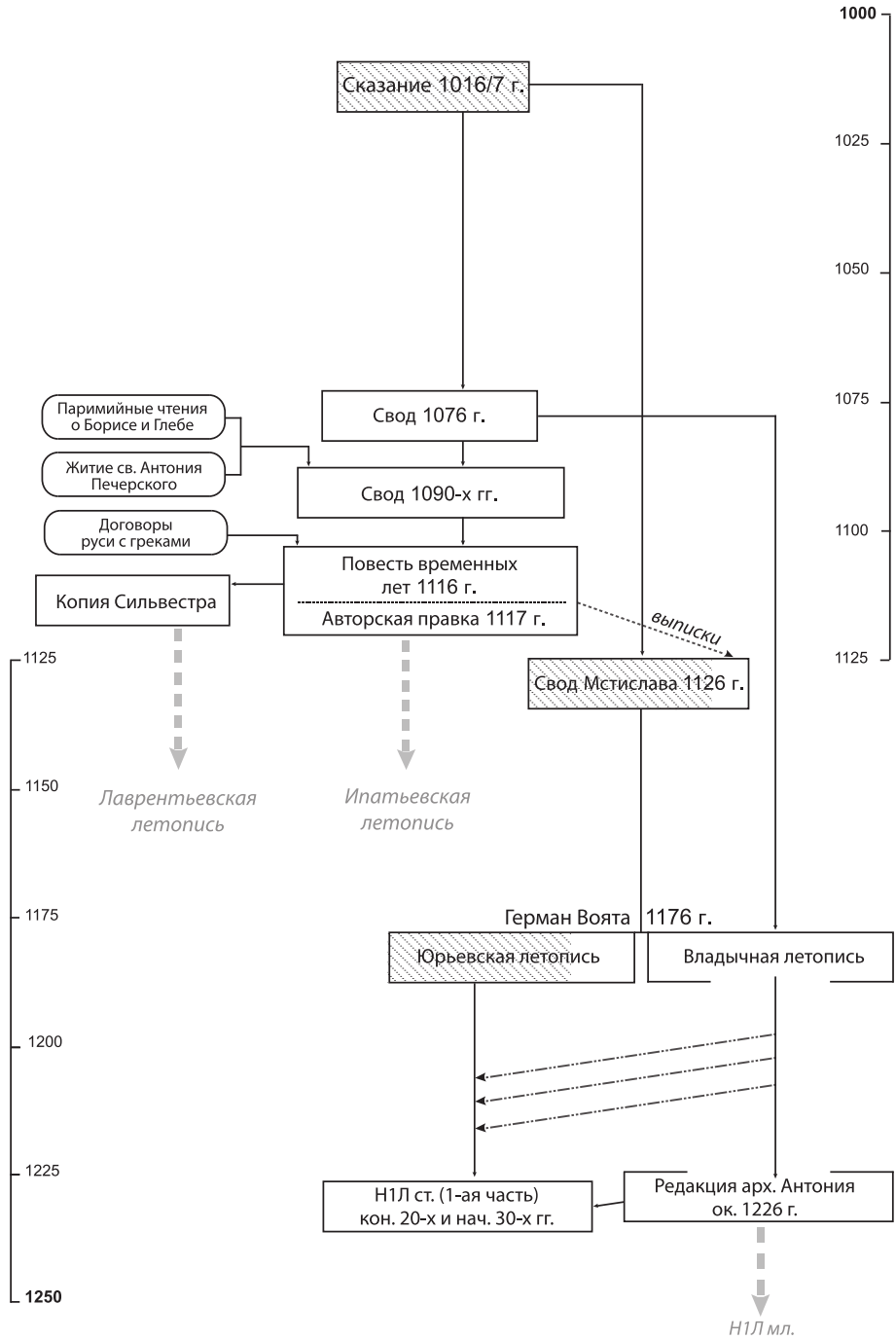

Схема сложения древнейших источников русского летописания

I. Сказание 1016/7 г. – древнейший слой летописного повествования

В этой главе я ставлю себе целью определить тот древнейший источник, что лег в основу текста летописи – как летописного свода, отложившегося в Н1Л мл., так и основанной на нем ПВЛ. Попытки определить этот источник (или источники) предпринимались издавна и зачастую грешили чрезмерными спекуляциями, но в работах последних лет накоплено немало ценных наблюдений, приближающих нас к тому результату, к которому я надеюсь подвести читателя. Мне кажется возможным достаточно точно обрисовать контуры древнейшего источника и достаточно полно определить его содержание, хоть и нет сомнения в том, что позднейшая переработка местами скрывает от нас его первоначальный облик. С еще большей уверенностью мы можем установить его дату – не ранее середины 1016 и никак не позже середины 1017 г. Поскольку в ряде современных работ за древнейшим источником летописи утвердилось название Сказания, я сохраняю его и здесь, дополняя его датой, которая имеет в моей реконструкции решающее значение. Если предлагаемая мной датировка Сказания будет с успехом оспорена и опровергнута, то от всего нижеизложенного останется очень немного.

Добавлю еще одно предварительное замечание. Попытки выделения древнейшего источника летописи носили доньше скорее умозрительный характер, поскольку признавалось, что этот источник, вскоре поглощенный «Древнейшим» или «Начальным» сводом, не играл самостоятельной роли в процессе сложения дошедших до нас летописных компиляций. Оттого-то поиски первоисточника нередко воспринимаются скептически, как некое копание в «Начальной» летописи, ставшее самоцелью. Я же надеюсь убедить читателя, что древнейший источник не только влился, не слишком при этом пострадав, в «Начальный» свод (который еще предстоит определить), но и вошел без изменений в древнейшую новгородскую летопись, лежащую в основе Н1Л ст. И пусть от него там сохранился лишь очень небольшой конечный фрагмент (в начале дошедшей до нас части Н1Л ст.), этого достаточно, чтобы определить место текста в структуре летописи и придать ему несвойственную ему ранее конкретность. Пользуясь метафорой из области архитектуры, я бы сказал, что искомый источник перестает быть неким архитектурным излишеством, древним орнаментом, слабо проступающим сквозь штукатурку, и становится элементом несущим, на который можно опереть новую схему сложения древнейших сводов.

1. Поиски древнейших источников летописи от Шахматова до Гиппиуса

Многие исследователи древнерусского летописания до Шахматова указывали на то, что за Повестью временных лет стоят более древние источники. Еще В. Н. Татищев выделял в составе ПВЛ ее раннюю часть по статье за 1093 г. включительно как летопись Нестора, приписывая позднейшую часть Сильвестру. Непосредственные предшественники Шахматова Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин и И. П. Хрущов рассматривали ПВЛ как соединение разнородных источников, по-разному ими определявшихся (Русинов 2003: 112–116). Шахматов 1908/2002: 309–328 и сл.) перенимает этот первоначальный хаос древних источников, письменных и устных: то были в Киеве «Рассказ киевский о древних князьях русских» или же Сказания о княгине Ольге и о варягах-мучениках, изначальное сказание о князе Владимире, а затем и Корсунская легенда, болгарская летопись и неискаженное выпуском даты битвы на Альте (см. ниже) Сказание о святых Борисе и Глебе; в Новгороде то были записки 1017 г., сопровождавшие Правду новгородскую, и выросшая из них Иоакимова летопись; и многое другое. Конструкция Древнейших сводов, киевского и новгородского (с которых начинается в общих пособиях, а иногда и в представлении исследователей, история сложения древнерусского летописания “по Шахматову”), возносится как твердь над хаосом. Лишь с этой точки находят себе приложение те обстоятельность и доказательность в выделении источников летописания, с которыми ассоциируется для нас метод Шахматова. Как сказали бы археологи, Шахматов, постепенно углубляясь в древнейшие слои летописи, все же не докопал до материка.

В этой связи уместно напомнить закон экономии, который сформулировал применительно к критике источников французский филолог Альфонс Дэн (Alphonse Dain, 1896–1964). Парафразируя известный схоластический принцип, одну из формулировок Бритвы Оккама, *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* («не следует множить сущности свыше необходимого»), Дэн любил повторять в своих работах: *non entia non sunt multiplicanda*, что я перевел бы «не следует множить нежить», подразумевая под *non entia* не существующие ныне источники. Дэн реагировал на ту свободу, с которой гипотетические утраченные источники всплывали в трудах филологов XIX в.; Шахматов и его старшие современники несколько не выделялись в этом отношении на фоне европейской науки. Нам же следует помнить, что «сущность» утраченного источника, как ископаемого, должна быть доказана четким отпечатком, оставленным им в сохранившихся текстах.

Шахматовскую конструкцию Древнейшего свода первым оспорил В. М. Истрин (1923; 1924). Он подверг обстоятельной критике не только умножение гипотетических источников, но и выделение древнего текста из летописи путем исключения предполагаемых вставок, когда «исходным пунктом для признания той или иной вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа» (1923: 61). Истрин писал: «Нельзя летописцу предписывать, чтобы он следовал нашему плану» (1923: 56). В самом деле, ни логика построения повествования, ни логика построения фразы, сколь бы они ни казались нам ущербными, не могут служить единственным критерием для выявления позднейшего редакционного вмешательства и расслоения дошедшего до нас текста на источники. Требовать от текста безупречности построения как условия признания его изначальности мы не вправе.

Критические замечания Истрина способствовали тому, что представления Шахматова о Древнейшем своде были оставлены большинством его последователей и могли быть недавно приведены в пример как наиболее уязвимое звено в его концепции (Данилевский 2004: 79–81)². Однако Истрин не ограничился критикой Древнейшего свода. Затрагивая уже не второстепенный, а основной элемент построения Шахматова – предложенное им объяснение соотношения текстов Н1Л и ПВЛ, он выявил в нем логический изъян. Главный вывод Шахматова заключался в том, что текст ПВЛ по 6524/1016 г. является распространением того, что дошел до нас в более краткой и изначальной форме в Н1Л, а последующий текст Н1Л – сокращением того, что сохранила в более пространной и изначальной форме ПВЛ. Истрин поставил под вопрос оправданность такого рода деления. По мнению исследователя, «нет оснований вторую половину “Повести” отделять от первой. Про Новгородскую I летопись словами Шахматова можно сказать, что она сокращает “Повесть временных лет” систематически». Далее он повторяет: «...важно то, что сокращение проходит по всему тексту (Н1Л)» (Истрин 1923: 65–66). Цитируя эти формулировки, я обязан напомнить, что Истрин все же сознавал невозможность полностью объяснить возникновение текста Н1Л как результат сокращения ПВЛ. Подобные прямолинейные утверждения появятся в работах С. А. Бугославского (1941/2006: 288–299) и Т. Вилкул (2003а), в которых, однако, не разбираются те феномены летописного текста, которые в это объяснение не укладывались и которые заставили Истрина разработать

2 Примечательно, что в недавней работе Н. И. Милотенко (2006а), в которой делается попытка возродить идею Древнейшего свода, разбираемое исследование Истрина не упоминается вовсе.

более сложную модель соотношения обеих летописей³. Не вступая здесь в полемику с последователями Истрина (см. ниже III,2; ср. Творогов 1974; 1976), скажу лишь, что исходное соображение исследователя мне кажется весомым и что постулируемый Шахматовым разрыв в характере воспроизведения древнего свода в Н1Л является и на мой взгляд слабым местом построенной им модели. Признав за основу летописи Сказание 1016/7 г., мы эту непоследовательность устраним.

В последующие годы ряд исследователей выдвигал гипотезы о древнейшем источнике летописи, но, я бы сказал, в тезисной форме, не сопровождая их текстуальным обоснованием. К этой категории принадлежат «Повесть о поляно-руси», вообразенная Н. К. Никольским (1930), «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», бегло очерченное Д. С. Лихачевым (1947: 63–66), и «Свод 996 г.», обоснованию которого Л. В. Черепнин (1948: 332–333) посвятил примерно полстраницы. Первая из этих конструкций, охарактеризованная В. М. Живовым (2000/2002: 123) как «фантастическая гипотеза о поляно-русском летописании», столь аморфна (из-за постулируемого искажения древнего текста позднейшими редакторами), что с трудом поддается критике (Насонов 1969: 16–18). Вторую же недавно разобрал Д. А. Баловнев (2000), который показал полнейшую гетерогенность включенных Лихачевым в «Сказание» элементов летописного текста. Кратко высказанная Черепниним гипотеза о своде 996 г. получила поддержку Б. А. Рыбакова, а недавно идеи, выдвигавшиеся разными авторами, в первую очередь Б. А. Рыбаковым и М. Ю. Браичевским, о возникновении древнерусского летописания в IX и его продолжении в XV в. развил П. П. Толочко (2003: 10–30). По его оценке, «летописный свод 996 г. производит впечатление полноценной хроники, достаточно адекватно воспроизводящей начальную историю Руси» (Толочко П. 2003: 30). Историк, к сожалению, не привлек статью О. В. Творогова (1992), в которой построения Рыбакова разбираются в плане текстологии летописи и которую я всячески рекомендую читателю.

3 Д. Островски (2003: XXXIV и сл., ср. 2005) занял позицию очень близкую позиции Бугославского, игнорируя, как и его предшественник, вопрос о сложении и структуре каждого из изводов Н1Л и свода критику текста к достаточно субъективному разбору разночтений между различными списками Н1Л и ПВЛ (см. критику Вилкул 2004). Поскольку в библиографии Островского не учитываются не только работы Гиппиуса, но и «Замечания» Истрина, выстроенная им схема развития летописания (предлагающая как панацею идею о влиянии – на уровне избранных чтений в отрезке между 988 и 1054 гг. – Н1Л мл. непосредственно на Лаврентьевскую летопись) мне кажется в целом неадекватной.

Более перспективную попытку выделения древнейшего ядра летописи предпринял М. Н. Тихомиров (1960/1979). Исследователь исходил из очень верного и в принципе своем не нового наблюдения, что рассказ о событиях в ранней части летописи являл собой изначально сплошное повествование, которое некий позднейший редактор неуклюже разбил на годовые статьи и снабдил абсолютными датами. То же наблюдение лежит и в основе шахматовской реконструкции ранней части Древнейшего свода, однако Тихомиров не воспринял наиболее уязвимый элемент этой реконструкции, состоявший в чрезмерном расширении рамок древнего источника. Наоборот, Тихомиров максимально их сузил. Восстанавливаемое им «Сказание о русских князьях X в.» начинается с рассказа о древлянской дани и гибели Игоря, а «оканчивается примерно около 988 г.» (Тихомиров 1960/1979: 48). Очевидные колебания относительно нижней границы памятника связаны с тем, что никакой разграничительной черты в тексте летописи на этом месте не проходит, а затем оказывается, что к определению этой границы причастны и идейные соображения: Тихомиров (1960/1979: 65) считал, что Сказание, составленное вскоре после крещения Руси, не включало описания крещения, и настаивал на его «нецерковном характере». Напомним, что для ранней части летописного рассказа, от основания Киева до смерти Олега, Тихомиров (1960/1979: 51–57) выделял отдельный древний источник, названный им Повестью о начале Русской земли. Подобного рода решение неэкономично, да и в других соображениях Тихомирова немало спорного, но не следует забывать, что сам исследователь представлял их как предварительные, а осуществить намеченный им план по изучению древнейшего летописания он за смертью не успел.

Ценные наблюдения по нашей теме содержатся в работе М. Х. Алешковского (1971: 63–66). Он в свою очередь отметил неоднократно наблюдаемый в ранней части летописи «разрыв текста ее источника» между годовыми статьями, но не последовал примеру Тихомирова (чью работу он не использовал) и не ограничил это явление началом княжения Владимира. Напротив, он убедительно показал, что тот сплошной рассказ, который в его представлении начинается с описания похода Игоря на греков, захватывает и описание правления Владимира в обзорной статье за 6504 г., а конец этой статьи «И живяше Володимиръ по устроению божию и дѣдно и отъгну» непосредственно смыкается с началом статьи за 6522 г. «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ...». Как справедливо отметил исследователь, «уцелевшая у Нестора в этом предложении соединительная частичка “же” и однородное “живущу” свидетельствуют о том, что начало предложения под 6522 г. оторвано от конца предложения под 6504 г.». Алешковский также показал, как за вычетом переходной полуфразы «хотящю ити на Ярослава Володи-

миру», вставленной редактором, конец статьи за 6522 г. («хотяшеть бо поити на Ярослав, сына своего; абие разболѣся») сливается с началом статьи за 6523 г. («Ярославъ же...»). Принадлежность статьи за 6524/1016 г. к тому же блоку текста была столь же для него очевидна (я еще вернусь к этому вопросу), но затем в ходе его рассуждений происходит странный сбой. Он отказывается от попытки обосновать принадлежность последующих статей к неразделенному блоку текста и стремится лишь доказать, что они были написаны немало времени спустя после описываемых событий. Нисколько не оспаривая этот вывод, я удивляюсь лишь тому, что и та часть летописного повествования, которая составляла некогда сплошной текст, и та, после 6524/1016 г., где деление на годовые статьи изначально, объединяются в представлении исследователя в единый первоисточник летописи, датируемый им концом 60-х – началом 70-х гг. XI в. (Алешковский 1971: 70–71).

Очень важна для поставленной темы классическая работа О. В. Творогова «Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий)» (1976). Творогов вовсе не искал некий древний источник; подозреваю, что он и не считал подобные поиски плодотворными. Однако он тщательно сопоставил и тонко прокомментировал именно те параллельные летописные статьи, от начала по 1016 г., в которых я надеюсь этот источник отыскать. Как справедливо напомнил Творогов (1976: 4), «именно на материале этих фрагментов летописей построена шахматовская гипотеза о Нач. своде».

Проблема выделения древнейшего источника летописи была недавно вновь поставлена А. А. Гиппиусом (2001), который сделал в этом направлении огромный шаг вперед. Он подметил, что в древнейшей части ПВЛ, от начала до статьи 6524/1016 г., употребление древней атематической формы аориста глагола речи, типа рѣхъ, является правилом (61 случай), а использование его тематической формы, типа рекохъ, представляется скорее исключением (12 случаев). Более того, последовательно разобрав пассажи, включающие новейшую форму аориста, исследователь показал, что они соответствуют вставкам, причем двоякого характера. Часть их приходится на рассказы о четвертой мести Ольги, о славянской грамоте и о белгородском киселе, отсутствующие в Н1Л мл. и опознанные еще Шахматовым как вставки по отношению к отложившемуся в Н1Л мл. Начальному своду. Часть же употреблений тематического аориста выпадает на пассажи, наличествующие и в Н1Л мл., но в отношении которых текстуальный анализ А. А. убедительно выявляет их вторичный характер. Так по чисто формальному критерию подтверждается вставной характер библейской цитаты, неискусно вшитой в рассказ о хазарский дани, и такой же вставкой оказывается вся подборка пророческих цитат в Речи Филосо-

фа (Гиппиус 2001: 154–155, 159–160). Контуры источника, намеченные А. А. Гиппиусом, сводят воедино тихомировские Повесть о начале Русской земли и Сказание о первых русских князьях. Древность этого источника подтверждается применением языковой нормы, характерной для древнейших славянских памятников, но не для древнерусских.

К указанному критерию автор добавил, однако, еще три, менее очевидных. Лишь один из них, как мне кажется, эмпирически подтверждается: древнейшему слою текста летописи несвойственно употребление причастия настоящего времени в форме рька/река (Гиппиус 2001: 169–170)⁴. Напротив, я не вижу оснований полагать, что оборот типа «отвѣщавъ рече» – калька с греческого, достаточно распространенная и в летописи, и вне ее – маркирует тот или иной слой летописного текста, и еще менее того я готов признать за хронологический маркер использование причастной формы рекъ (Гиппиус 2001: 165–168). Если в отношении первого выделенного им критерия логика исследователя следует логике развития славянского языка, и, что еще важнее, каждая выявляемая вставка аргументируется не только лингвистически, но и текстуально, то в отношении остальных трех критериев он этой опоры лишен, и доказательность его построения в целом лишь выиграла бы, если эти критерии оставить в стороне⁵.

Общие контуры и дата древнейшего Сказания определяются для Гиппиуса тем пробелом, который открывается в летописном повествовании после описания “освящения” Десятиной церкви и который захватывает почти все

4 Принимая этот критерий, я, впрочем, отнюдь не готов признать за интерполяцию знаменитый ответ Владимира болгарам о пользе питья, где эта форма фигурирует в ПВЛ: как в Ипатьевской летописи, так и в НЛ мл. читается форма рекъ, которую следует признать за первоначальную.

5 Оставив дополнительные критерии в стороне, О. Б. Страхова (2008) подвергла обстоятельной критике те выводы, к которым А. А. Гиппиус пришел на основе обследования распределения в тексте летописи асигматических и сигматических форм аориста. Критика Страховой содержит справедливые замечания, из коих главное заключается в том, что при выявлении первичных для летописи чтений нельзя ограничиться совпадениями между Лавр. и близкой к ней Новг. Карамзинской (как то делает Гиппиус). Поновление глагольных форм имеет место и в Лавр., и наиболее интересный для нас случай отмечается в беседе Владимира с боярами о месте крещения, где форма рекоша засвидетельствована лишь в Лавр., а форма реша – не только во всех остальных списках ПВЛ, но и в обоих списках НЛ. мл. (Страхова 2008: 231). В свете замечаний Страховой я бы сказал, что та стабильная корреляция между текстуальными интерполяциями и использованием новых форм аориста, которую выявил Гиппиус, представляется почти-что чудом. Однако критика, сосредоточенная в основном на лингвистическом аспекте лингвотекстологического анализа Гиппиуса, нисколько не подрывает эмпирически констатируемую реальность этой корреляции.

последние годы княжения Владимира. Утверждение, что летописное описание княжения якобы прерывается на освящении Десятинной церкви в 996 г., уже выдвигалось как довод при определении даты создания древнейшего источника летописи Черепниным, Тихомировым, Рыбаковым и др., а потому попытаемся разобрать его, не откладывая. Постройка и освящение церкви св. Богородицы, ставшей Десятинной, описаны в НІЛ мл. в статье за 6499/991 г., а в ПВЛ, где для статьи за этот год нашлось иное заполнение, то же описание перенесено в 6497/989 г. Лишь годы спустя, в статье за 6504/996 г., в обоих летописях повествуется, что Владимир, обнаружив «церковь свершену», жалует ей десятину. Это типичный случай расчленения на годовые статьи сплошного долетописного рассказа, который восстанавливается посредством сведения статей НІЛ мл. за 6496, 6499 и 6504 гг.: «И рече Володимиръ: “не добро есть малъ город около Кыева”, и нача ставити городы по Деснѣ и по Вьстри и по Трубежю и по Сулѣ и по Стругнѣ, и нача порубати мужи лучьшии от Словенъ и от Кривиць и от Чюди и от Вятиць и от всѣх град; бѣ бо рать от Печенигъ; и бѣ бьяся с ними и одоляя имъ. / Посемъ же Володимиру живушу в законѣ крестияньстѣ, помысли создати церковь святяя Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикъ. И наченшо же ему ставити, и яко сконца церковь, и украси ю честными иконами, и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину, епископы корсуньскыя пристави служити в неи; и вда ту все, еже бѣ в Корсунѣ взялъ: иконы и съсуды и кресты с драгым каменемъ. / И Володимиръ видѣ церковь свершену, и вшед в ню, помолися, глаголя: “господи боже, призри с небеси...”».

Описание укрепления киевских рубежей замыкает статью о крещении Руси (6496/988 г.), и совершенно очевидно, что привнесенное деление на годовые статьи противоречит структуре изначального текста, который рисовал широкую ретроспективу княжения Владимира после крещения. Две фразы о строительстве крепостей резюмируют процесс, занявший долгие годы. Также в предшествующих строках описывается сначала первичное распределение волостей между сыновьями Владимира, а затем их перераспределение после смерти старшего сына Вышеслава. Единственное хронологическое указание долетописного рассказа относительно постройки Десятинной заключалось, пожалуй, лишь в том, что церковь была заложена, когда укрепление границ от печенегов уже было начато и, возможно, в значительной мере продвинуто. Отнесение же летописной статьи за 6504/996 г. к освящению церкви является условностью, восходящей к современному прочтению летописи: по летописной хронологии, которую в данном случае никто не привлекает, Владимир «сконца» каменную церковь Богородицы в тот же год, в который он ее и заложил (6499/991 по НІЛ мл., 6497/989 по ПВЛ).

Итак, долетописный рассказ никаких конкретных сведений о датах закладки и освящения Десятинной церкви в себе не содержал. Нет также оснований полагать, что сводчик, разбивший рассказ на годовые статьи, имел перед собой письменный источник, содержащий эти даты. Располагая описанием освящения церкви в «грамоте, данной Владимиром церкви Св. Богородицы», которую вообразил Шахматов (1908/2002: 317), он не преминул бы его воспроизвести или хотя бы упомянуть существование грамоты. Сводчик, по обыкновению, проставил даты наугад, не заметив, что он обладал косвенным указанием на дату освящения Десятинной. Среди дополнительной информации, вставленной им в расчлененный текст древнейшего Сказания, фигурирует ряд записей, которые Шахматов возводил к Помяннику Десятинной церкви и которые я привожу по НІЛ мл. за вычетом пустых лет: «В лѣто 6508. Преставися Мальфридъ. В тоже лѣто преставися Рогнедь, мати Ярославля. В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брючиславль, сынъ Володимиръ. В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Володимиръ. В лѣто 6515. Принесени си въ святую Богородицю. В лѣто 6519. Преставися раба божиа Анна, цесарица Володимиря.» (НІЛ мл.: 168). Сводчик, несомненно, нашел эти сведения в виде подборки, возможно в приписке к богослужебной книге, включая и указание о переносе всех ранее помянутых в Десятинную церковь: «принесени си въ святую Богородицю»⁶. В ней же была похоронена и княгиня Анна. Владимир замыслил Десятинную церковь как княжью усыпальницу, и коллективное перезахоронение в ней покойников княжеского рода, в компании таинственного Малфрида⁷, надо думать, совпало по времени с ее освящением. Вероятной датой освящения Десятинной церкви следует в таком случае считать 6515, т.е. 1007/8 г.

Таким образом выясняется, что распространенное представление о пробеле в летописном описании княжения Владимира, якобы простирающемся с 6504/996 по 6522/1014 г., основано на оптическом обмане. Автор

6 Местоимение «си», отнюдь не двусмысленное в сплошном тексте поминальной записи, не было понято автором ПВЛ, в источнике которого эта запись была разрознена, и статья за 6515/1007 г. была изолирована от предыдущих пустыми годами. Поэтому он воспринял местоимение как сокращение и донес до нас известие, что в указанном году в церковь святой Богородицы были перенесены некие «святые» (которых исследователи не раз пытались отождествить).

7 Малфрид, представленный как «Мальврѣдъ сильный» в Никоновской летописи, превращается в жену Владимира чехиню в «известии» Татищева, в мать Владимира Малушу (которая задним числом оказывается христианкой) в построении Шахматова (ср. также Литвина, Успенский 2006: 247). Я не вижу оснований интерпретировать в данном контексте это расхожее германское имя как женское: единственный из пяти захороненных в Десятинной церкви, кто не был определен через степень родства с княжеской семьей, Малфрид, очевидно, к ней не принадлежал.

древнейшего Сказания, подводя итоги правления Владимира-христианина, ставил себе целью вовсе не хронологическое описание эпохи протяженностью в четверть столетия, а выявление ее наиболее выразительных черт: упорная и успешная борьба с печенегами в сочетании с миролюбием в отношении западных соседей, строительство церквей и насаждение христианства, сопровождаемые личными подвигами благочестия – нищелюбием и благотворительными раздачами. Подобный нарратив не поддается разумному делению на годовые статьи. Так, нерушимые «мир и любовь» со Стефаном Угорским и Андрихом Чешским попадают, как и многое другое, в статью, датированную 5604/996 г., т.е. задолго до прихода к власти обоих королей. Все это потому, что приведенная выше группа записей о княжеских кончинах нечаянно оказалась решающей для определения летописной хронологии. Сводчик середины 1070-х гг. создал для этой серии датированных свидетельств открытое и незамутненное другими событиями хронологическое пространство, разметав по сторонам исходный текст Сказания и отодвинув на четверть века назад все, что предшествовало последним драматическим месяцам жизни Владимира.

Расчлняя текст древнейшего Сказания, сводчик, по счастью, мало его менял. Именно это свойство текста позволило Алешковскому (см. выше) показать непрерывность исходного описания княжения Владимира. В самом деле, статья за 6504/996 г., начало которой было воссоединено выше с предшествующим текстом, завершается фразой «И живяше Володимирь по устроению божию и дѣдно и огню», продолжение которой читается в начале статьи за 6522/1014 г.: «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Киеву...»⁸. Гиппиус (2001: 163) одобрительно ссылается на наблюдения Алешковского, и потому я не теряю надежды убедить его в том, что «“пауза”, наступающая в связном повествовании ПВЛ после 6505 г. и продолжающаяся до статьи 6522 г.», является не «текстологически существенной» (2001: 176, прим. 27), а наоборот, иллюзорной и для восстановления древнейшего источника летописи незначимой. Текстологически значимой является та пауза, которая наступает в обеих новгородских летописях после описания первого вокняжения Ярослава в Киеве. То сплошное повествование, предшествовавшее делению на годовые статьи, которое я отождествляю с древнейшим Сказанием, доходит до этого описания, а далее, как в новгородских летописях, так и в ПВЛ, погодное построение текста является изначальным.

8 В противном случае следует признать, что один источник, очевидно киевский, завершился на фразе о Владимире, а другой, предположительно новгородский, начинался с фразы «Ярославу же живущу...» (именно так, с частицей «же», которая в начале статьи НЛ мл. ничем не оправдана).

Поэтому я считаю, что рабочее деление летописного текста, произведенное А. А. Гиппиусом в целях его лингвистического обследования, является структурно оправданным и отражает, в своей ранней части, реальные контуры древнейшего Сказания, охватывавшего события от Кия (скорее, от расселения славян) и Рюрика до вокняжения Ярослава. Более того, я вижу веские основания утверждать, что Сказание возникло очень скоро после последних описанных в нем событий.

а. Передслава на Лыбеди

Важнейшее указание на дату создания Сказания содержится в рассказе о женолюбии Владимира, который очутился после введения погодного деления в пространной статье за 6488/980 г. Согласно ПВЛ, первой женой Владимира была Рогнеда, «юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоитъ (Лавр.) / есть ныне (Радз., Ипат.) сельце Предьславино». Как отмечает в своем комментарии (ad loc.) Лихачев, «очевидно, что село Рогнеды перешло к ее дочери Предславе, а от последней получило свое название Предславино». В летописи, правда, не сказано, что Рогнеде было пожаловано село (или сельце), и, быть может, следует предположить, что его основала предприимчивая Передслава? В самом деле, географические названия, производные от имен собственных, представлены в ПВЛ названиями населенных пунктов, наименованных основателями в собственную честь. Не проделала ли то же и Передслава с обустроенным ею сельцом? Параллельный пассаж в НЛ мл. позволяет предложить иное решение. Там мы читаем о Рогнеде, «юже посади на Лыбедѣ, идеже есть нынѣ селище Предьславино». Из этого прежде всего вытекает, что чтение Лавр. «ныне стоитъ», предпочтенное Лихачевым – не что иное, как поправка переписчика. Ей предшествовала попытка прояснить текст источника со стороны самого автора ПВЛ, который заменил непривычное слово «селище» на «сельце». Текст проясняется без поправок, если признать за словом «селище» его основное значение в старославянских текстах: местопребывание, жилище. Тем самым восстанавливается и логика изначального описания: Владимир поселил Рогнеду на Лыбеди, там где ныне проживает ее дочь Передслава.

Слово «селище» в значении, древнерусскому языку несвойственном, создало затруднение для автора ПВЛ и несколькими строками ниже, в описании многочисленных наложниц Владимира, где указывается (в НЛ мл.), что их было «... 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовомъ селищи, еже зовут нынѣ Берестовое». Автор ПВЛ заменил и здесь селище на сельце («на Берестовѣ в селци»), доведя фразу до абсурда, который наглядно проступает в переводе Лихачева: «... на Берестове в сельце, которое называют сейчас Берестовое», ср. перевод Л. Мюллера (2001: 98): «in Berestovo,

in dem Landsitz, der jetzt Berestovoe heisst». Выходит, Владимир основал при пригородной княжеской резиденции Берестово сельце, получившее со временем название Берестовое (где, очевидно, приставил своих наложниц к полезному сельскому труду). «Берестово селище» следует, однако, понимать в том же смысле, что и «селище Передьславино», как место обитания некоего Береста, только не настоящее (как специально оговорено для Передславы), а прошлое; от имени Береста, поясняет автор Сказания, пошел топоним Берестовое (относящийся, разумеется, не к «сельцу», а к княжеской резиденции)⁹.

Передславу автор Сказания помянул не без умысла – ему ведь еще предстояло рассказать о предупреждении, посланном ею брату Ярославу из захваченного Святополком Киева. О предупреждении Передславы пойдет речь ниже, Передслава – персонаж и в моем построении центральный. Неоднократно писалось о ее роли в дипломатической игре 1017–1018 гг. (ср. Назаренко 2001: 457–459), но, быть может, то была и не игра. Согласно традиции, записанной Галлом Анонимом, отказ Ярослава выдать сестру за короля Болеслава явился причиной похода польского войска на Киев, и хотя рационалисты-историки романтику отменяют, любопытно, что тот же мотив проступает еще отчетливее в рассказе современника событий, епископа Титмара Мерзебургского. Титмар (VIII, 32) повествует о давней страсти и о забытой супруге, и думается, не к «прежде» ли «им желанной» рвался в Киев, вскачь и вплавь через Буг, «старый блудник»-король, толстяк Болеслав? Здесь, однако, нас интересует не подоплека, а только лишь хронология событий. Ярослав Передславу за Болеслава не выдал, но эвакуировать из Киева не успел (или не подумал), и Болеслав увел ее в Польшу осенью 1018 г. Передславе было тогда под тридцать или немного за тридцать, а материнскую усадьбу на Лыбеди она либо унаследовала после смерти Рогнеды в 6508/1000 г., либо – что, на мой взгляд, вероятнее – ее там поселил Ярослав. Как бы то ни было, фраза о «селище Передславином», т.е. о проживании Передславы на Лыбеди никак не могла быть написана позже лета 1018 г.

б. Святополк у печенегов

Не менее показательна для даты создания древнейшего Сказания и та фраза, которой завершается рассказ о Любецкой битве в НІІ ст. и мл.:

9 Этимологічний словник (1985: 19) приводит имя собственное Берест как одну из возможных этимологий топонима Берестовое. Благодарю А. А. Гиппиуса за то, что он указал мне на эту этимологию и тем позволил уточнить аргументацию, за которую он в целом ответственности не несет.

«И бежа Святопѣлкѣ въ Печенеги». Она являет собой, как мы увидим, крупнейший камень преткновения равно для шахматовской и для антишахматовской концепции соединения киевских сводов с новгородскими. По идее, единодушно воспринятой как последователями Шахматова, так и его противниками, некий шутник-новгородец отыскал фразу о бегстве к печенегам в описании бегства Святополка из Киева в начале 1018 г. (там, где она фигурирует в ПВЛ) и переместил ее в более раннее описание поражения окаянного князя под Любечем, на место изначального указания «Святополкъ же бежа в ляхы» (которое фигурирует там в ПВЛ). Остальную информацию о борьбе Святополка с Ярославом после Любецкой битвы новгородский сводчик просто отбросил. Конструкция эта алогична и в корне ошибочна, но в плане источниковедческом она будет разобрана ниже. Здесь я предлагаю рассмотреть приведенную фразу как историческое свидетельство, указывающее на конкретный временной контекст.

Для этого следует прежде уточнить дату самой Любецкой битвы. Дело в том, что она описана в НЛ мл. в статье за 6524/1016, но в той же статье описана и посылка Передславой извещения Ярославу о смерти отца, имевшей место 15 июля 1015 г. Эта несообразность не ускользнула от позднейшего редактора. В ПВЛ дата, 6524 г., переставлена после извещения Передславы, перед самым описанием битвы, но поскольку она разрывает там текст, читаемый в НЛ мл. сплошняком, ее вторичный характер общепризнан (ср. ниже). Летописное описание событий, отделяющих смерть Владимира от битвы под Любечем, на редкость насыщено и четко. На следующий же день после получения известия Передславы (не позже конца августа 1015 г.) Ярослав созвал новгородцев на вече и заручился их поддержкой. При подавляющем численном превосходстве киевской дружины единственной надеждой новгородцев на успех была внезапность нападения. Нет сомнения, что войско Ярослава, состоявшее из 3000 новгородцев и 1000 «кормимых» им варягов, собралось в поход за несколько дней и повторило путь новгородских купцов, которые, по описанию Константина Багрянородного (*De administrando imperio*, 9), подплывали на своих однодеревках к Киеву, чтобы присоединиться там к каравану, отплывавшему в Константинополь. Путь вниз по течению от Смоленска до Любеча (ок. 400 км) занимал менее недели, и даже если переход по верховьям рек от Новгорода до Смоленска занял втрое больше времени, отряд Ярослава мог очутиться под Любечем к началу октября 1015 г. Затем следует трехмесячное противостояние и, наконец, сама битва – в то время, когда Днепр начал замерзать, что вполне могло произойти во второй половине декабря. Таким образом, летописное описание событий оказывается непротиворечивым, а наш отсчет от смерти Владимира – вполне точным.

Проблема датировки Любецкой битвы осложнилась потому, что Шахматов не верил, что Ярослав мог организовать поход на Киев столь оперативно и скоро. Поэтому Шахматов (1908/2002: 334–336) выдвинул гипотезу, по которой часть описания подготовки второго похода Ярослава на Киев, которое ныне читается в статье ПВЛ за 6526/1018 г., принадлежала в некой древнейшей новгородской летописи к описанию первого похода. Поскольку эта летопись должна была предшествовать Новгородскому своду середины XI в., восстановленному Шахматовым, гипотетическое древнейшее описание первого похода в его реконструкции не фигурирует, и мы не знаем, как представлял себе его ученый в целом, при том что предложенная им перестановка текста полностью разрушает ритм дошедшего до нас описания. В защиту логики летописного текста и датировки Любецкой битвы 1015 г. выступил Н. Г. Бережков (1963: 224–225), который проследил последовательность событий по летописи, но уклонился от разбора доводов Шахматова. Подробный их анализ дал Н. Н. Ильин (1957: 132–144; книга написана после работы Бережкова, опубликованной посмертно), который показал всю надуманность попытки Шахматова замедлить летописный ход событий. Затихшую было дискуссию возобновил А. В. Назаренко (1984), который поддержал датировку битвы 1016 г., попытавшись кратко и, на мой взгляд, неудачно, отстоять аргументы Шахматова¹⁰, а главное, выдвинув новое, в основе своей здоровое наблюдение, которое нам следует разобрать.

Исходным для Назаренко было описание Любецкой битвы в ПВЛ, которое, как я уже указывал, завершалось сообщением: «Святополкъ же бежа в ляхы». Анализ политики короля Болеслава в 1016 г., описанной Титмаром Мерзебургским, позволил исследователю исключить возможность появления Святополка в Польше в течение этого года: Болеслав «ведет себя вызывающе» по отношению к императору Генриху II, на что он, конечно, не решился бы, если бы знал, что приняв у себя Святополка, он должен опасаться мести Ярослава. Полностью принимая это заключение, я расхожусь с Назаренко в интерпретации событий 1017 г. Титмар (VII, 50–51) описывает, как в январе месяце Болеслав сорвал переговоры с имперскими послами, не приняв и не выслушав их. Утверждать, что

10 В посвященном этому вопросу примечании, Назаренко (1984: 14, прим. 8) переносит на поход Ярослава план Владимира «требить путь и мостить мость», что, на мой взгляд, необосновано. Если Владимир планировал весной 1015 г. большую сухопутную экспедицию на Новгород, то Ярослав перебросил свой отряд, значительно уступающий по численности киевской дружине, не по суху, а на ладьях.

переговоры «окончились неудачей (...) отнюдь не из-за коварства польского князя, как по привычке объясняет дело Титмар», а из-за чрезмерных требований императора Генриха (Назаренко 1984: 17), нет никаких оснований. Понимая, что он идет на столкновение с империей, Болеслав к начавшимся вскоре боевым действиям был готов, и они обернулись в его пользу. В июле месяце Генрих, бывший герцог Баварии, вновь проводит переговоры с Болеславом, столь же безуспешно (VII, 57), а тот, пользуясь слабостью имперских войск, ведет войну на территории противника, разоряя земли чешских вассалов империи. Очевидно, что никакой опасности с востока Болеслав не ждет. В октябре он узнает, однако, о нападении на его земли Ярослава, и именно тогда-то, в октябре или в начале ноября, он запрашивает мира, и переговоры начинаются всерьез, что и позволяет заключить мирный договор, в целом удовлетворительный для обеих сторон, 30 января 1018 г. в пограничном городе Бауцене (VII, 65; VIII, 1).

Согласно Титмару (VII, 65), нападение русского короля на Польшу было следствием тайного сговора Руси с империей. Никаких оснований полагать, что сам Болеслав тем временем провоцировал Ярослава, принимая у себя Святополка, Титмар нам не дает. Итак, если принять основной аргумент Назаренко, не жертвуя при этом логикой источника, появление Святополка при дворе Болеслава следует датировать не ранее осени 1017 г.

Приблизительно этим временем Назаренко датирует поход, упомянутый Титмаром после описания нападения Ярослава на Польшу: «Позднее (postea) [Болеслав], вторгся с войском в королевство [Ярослава], возвел на престол его брата и собственного зятя, долго пребывавшего в изгнании, и радостный вернулся домой» (VII, 65). Эта фраза традиционно рассматривалась как краткое предвосхищение описания похода лета 1018 г. (VIII, 31–33); однако, согласно Назаренко, в ней «рассказывается о каком-то более раннем выступлении польского князя против Ярослава – вероятно, после ухода последнего из-под Берестья в 1017 г. – с целью водворения Святополка в одном из русских городов, скорее всего, в том же Берестье» (Назаренко 2001: 469). Обычно скрупулезный в своих хронологических выкладках историк не претендует на точность в датировке похода, и, я думаю, неслучайно. Именно соображения времени не оставляют места для подобной кампании. Болеслав узнал о нападении Ярослава в октябре и ранее, естественно, отреагировать на него не мог. А с ноября по январь он вел интенсивные переговоры с императором Генрихом II и отлучиться на пару месяцев не мог хотя бы и потому, что если бы он увел с собой войско на восток и обнажил фронт, немцы разорили бы Польшу. Более того, Титмар указывает, что Болеслав отреагировал на

провокацию Ярослава не сразу, а «позднее», и что он возвел своего зятя на трон (*intronizavit*), под которым мог подразумеваться лишь трон того правителя, в чьи владения он вторгся, а вовсе не некое символическое княжество, которое некоторые историки выкраивают для Святополка на польской границе. В феврале 1018 г., в начале Великого поста, Болеслав вступает в неосвященную церковь в связи с Одой, дочерью маркграфа Еккихарда (VIII, 1). Следует ли предположить, что пренебрегая медовым месяцем и весенней распутицей, Болеслав тут же отправляется в поход на Русь? Подобный сценарий не только противен здравому смыслу, но и не составляет решения для той источниковедческой проблемы, которую формулирует Назаренко вслед за немецким издателем Хроники Р. Хольцманом. Текстологи полагают, что седьмая книга Хроники Титмара была завершена написанием в конце 1017 г., а относя сообщение о походе в VII, 65 к известной кампании Болеслава 1018 г., мы вынуждены признать, что соответствующая запись была сделана не ранее октября 1018 г. Однако невозможность обосновать гипотезу о некоем дополнительном походе на Русь заставляет рассуждать иначе. При анализе сложения рукописи Титмара, где еще очень много неясного, следует исходить из заключения, что по крайней мере тот бифолий, который содержит первое упоминание о восточном походе Болеслава, был переписан перед самой смертью хрониста, в октябре или ноябре 1018 г.

Поскольку я немного уклонился от темы, вернусь к ней и добавлю, что в конце седьмой книги Хроники фигурирует сообщение о том, что после смерти Владимира Святополк бежал к своему тестю (VII, 73), любопытная параллель сообщению ПВЛ о бегстве Святополка «в ляхы». Запись об этом традиционно датируется самым концом 1017 г., в соответствии с ее местом в Хронике (Назаренко 2001: 467). В самом деле, если скрывавшийся у печенегов Святополк решился явиться к тестю (чью дочь он бросил на произвол победителей в Киеве) при известии о нападении Ярослава на Польшу, то в октябре он, вероятно, уже был в Гнезно, а в ноябре или декабре, в условиях интенсивных переговоров и обмена послами с империей, его история могла стать известной Титмару. В Киеве о его перемещении узнали, надо думать, тогда же. Из этого следует, что фраза «И бежа Святопѣлкъ въ Печенеги» являлась закономерным финалом рассказа о судьбе Святополка до осени 1017 г. В перспективе же дальнейших событий те неполных два года, что он провел в печенежских кочевьях, потеряли значимость и интерес. Как и упоминание «селища Передславина», эта фраза является хронологическим репером, позволяющим к тому же дополнительно сузить дату создания Сказания за счет исключения 1018 г.

в. Отмена варяжской дани и Червенские грады

Вероятный хронологический индикатор содержит описание начала княжения Игоря в НІЛ мл.: «Сеи же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичем и Меремъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривень на лѣто мира дѣля, еже не даютъ» (НІЛ мл.: 107). Для датировки Сказания интересны последние три слова, но прежде попытаемся понять всю фразу и то важнейшее историческое свидетельство, которое она содержит. Дошедший до нас текст НІЛ мл. неисправен, но, как показывает параллельный пассаж ПВЛ, требует лишь минимальной правки. Автор ПВЛ превращает, как известно, Олега из воеводы Игоря в самостоятельного князя и потому пересказывает здесь свой источник, а не переписывает; он указывает, однако, что князь «устави дани словѣномъ, кривичемъ и мерю». Это сообщение соответствует тексту НІЛ мл., прочтенному без разрушающего логику фразы союза «и»: «...и дани устави Словеномъ <и> Варягомъ даяти, и Кривичем и Меремъ дань даяти Варягомъ». Текст ПВЛ выступает в данном случае как *testimonium*, косвенное свидетельство о тексте «Начального свода». Восстановленный параллелизм между двумя частями фразы несколько тяжеловесен (от чего в нее и вкрался на каком-то этапе переписки излишний союз и), но вполне однозначен: Игорь возложил дань в пользу варягов на словен, с одной стороны, и на кривичей и мерю, с другой, то есть на те племена, среди которых поселились ранее призванные ими Рюрик и его братья.

Стоящая за этой традицией реальность, вероятно, очевиднее для нас, чем для сводчиков XI–XII вв. Археологам известны торговые варяжские поселения типа Гнездова, Тимерева и Сарского городища, возникающие на севере Руси в начале X в. (ни о каких других «градах» в период совместного правления Олега и Игоря, т.е. в 20–30-е гг. X в., мы сведений не имеем). Готовность киевского князя обеспечивать эти протогородские центры за счет дани объясняется тем же соображением, что и готовность византийцев выплачивать «дань» русским купцам: иначе шли бы постоянные столкновения с окрестным населением и повальные грабежи. Особенно любопытно свидетельство относительно Новгорода, который возникает в 30-е гг. X в. рядом со старым варяжским властным центром («Городищем»), теряющим в это время прежний статус и переходящим под власть Киева (Цукерман 2007: 346–347). Именно для умиротворения местных варягов (а вовсе не в пользу Киева, как принято считать¹¹) и была назначена небольшая ежегодная дань

11 Эта точка зрения, в соединении с интерпретацией летописного текста весьма отличной от моей и подробным обзором библиографии вопроса, представлена в работе П. С. Стефановича (в печати).

в 300 гривен. Когда же она была отменена? Автор ПВЛ выразил догадку на этот счет, заменив фразу «еже не дают» на «еже до смерти Ярославъ даяше варягомъ». Однако эта догадка столь же произвольна, как и произведенная им замена Игоря Олегом. Решающая поддержка новгородцами Ярослава в 1015 г. кажется очевидным поводом для отмены платимой ими дани, и краткая пометка автора Сказания «еже не дают» указывает, что выплаты, возводимые им к Игорю, только что были прекращены.

Добавлю как хронологически значимое сообщение о захвате Владимиром Червенских градов (6489/981): «Иде Володимиръ къ Ляхомъ, и зая грады их: Перемышль, Червень и иные грады, еже есть под Русию». Поскольку Болеслав в 1018 г. воссоединил эти грады с Польшей, указание на пребывание их «под Русию» традиционно связывалось с сообщением ПВЛ за 6539/1031 г.: «Ярославъ и Мьстиславъ собрата вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять». По реконструкции Шахматова, обе заметки принадлежали автору свода 1039 г., который отмечал таким образом недавнее восстановление власти Киева над западными городами. Я надеюсь убедить читателя, что летописная статья за 6539/1031 г., как и все остальные статьи за первую половину XI в., которые отсутствуют в НЛ мл., не могла появиться в летописи ранее свода 1090-х гг. Но главное не в этом. Формулировка «еже есть под Русию» не предполагает пертурбаций и смены власти. Естественнее объяснить ее тем, что автор ни о чем подобном и не знал, а писал до захвата Червенских градов Болеславом, отмечая их более чем тридцатилетнюю принадлежность к Руси.

Таким образом, по совокупности критериев – лингвистических, композиционно-текстологических и хронологических – четко выделяются контуры древнего текста, завершившегося вокняжением Ярослава в Киеве зимой 1015/6 г., текста, конечный фрагмент которого дошел до нас в начале Синодального списка НЛ. Текст этот целиком отложился в НЛ мл., где утеряно лишь самое его начало в результате подмены вводной части новгородской Владычной летописи, восходящей к своду Германа Вояты, тем Предисловием, которое читается ныне в НЛ мл. (ниже, III, 4). Текст Сказания в НЛ мл. разбит на годовые статьи и отягощен вставками. Часть их – новгородского происхождения, более раннего (Герман Воята) или более позднего (сказание о крещении Новгорода, списки князей и проч.), которые легко снять. Основная же их часть была произведена в Киеве в ходе первой летописной обработки древнейшего Сказания в рамках свода середины 1070-х гг. Некоторые из этих вставок выявил А. А. Гиппиус (хоть иногда он и ампутировал слишком широко), а о других, связанных с использованием сводчиком переводного хронографического источника, пойдет еще речь ниже.

2. Древнейший рассказ о Борисе и Глебе:

Предлагаемая реконструкция контуров Сказания 1016/7 г. включает в себя историю убиения Бориса и Глеба, сыновей Владимира от «болгарыни», впоследствии прославленных как святых. Это, несомненно, та часть древнейшего Сказания, где редакционное вмешательство позднейших летописцев, вызванное стремлением выявить святость обоих братьев, наиболее заметно. Однако я не нахожу никакого формального критерия к тому, чтобы признать весь рассказ о Борисе и Глебе за вставку. Напротив, многое в нем свидетельствует о создании исходного текста очень близко к описанным событиям. Более того, я попытаюсь измерить эту близость во времени и датировать возникновение изначального повествования достаточно точно, чтобы и оно, как и разобранные выше элементы летописного рассказа, стало указателем даты создания Сказания в целом.

а. Чтение Нестора в его соотношении с летописью

Текстуальная близость Чтения Нестора с летописным рассказом о Борисе и Глебе была тщательно прослежена Шахматовым (1908/2002: 57–66), который убедительно показал, что Нестор не пользовался ни одной из дошедших до нас версий летописного рассказа, а имел доступ к тексту более древнему, определенному исследователем как Древнейший киевский свод 1039 г. Текстуальные параллели между Чтением и летописью были затем подробно рассмотрены С. А. Бугославским в статье 1914 г., достаточно полно воспроизведенной в его докторской диссертации (Бугославский 1914; 2007: 261–303). Работа Бугославского получила широкое признание, но, по моему убеждению, явилась шагом назад в изучении Чтения. В центре интересов исследователя стояло анонимное Сказание о Борисе и Глебе, несущее в себе разительные текстуальные параллели как с Чтением Нестора, так и с летописью. Шахматов (1908/2002: 43–48) объяснял их тем, что основными источниками анонимного Сказания послужили Чтение и Начальный свод 1095 г. Иными словами, авторы Чтения и Сказания обращались независимо каждый к своему летописному источнику. Согласно же Бугославскому, анонимное Сказание явилось источником Чтения. Выявляя элементы летописного рассказа, которые отразились в обоих памятниках, исследователь настойчиво утверждал, что они отложились в Чтении через посредство Сказания, но, как недавно отметил С. М. Михеев (2007: 11), все его доводы в пользу зависимости Чтения от Сказания «могут быть перевернуты с точностью до наоборот». Более того, часть параллелей между Чтением и летописью не находит отзвука в Сказании, а потому Бугославский не мог от-

рицать и прямого обращения автора Чтения к летописи. Тем самым возникла громоздкая конструкция, в которой часть летописных параллелей в Чтении возводится к летописному источнику напрямик, а часть опосредованно, через Сказание. Я нахожу эту конструкцию столь же шаткой, как и исходную гипотезу Бугославского об анонимном Сказании как источнике Чтения.

Основной вывод Шахматова (1908/2002: 80) заключался в том, что древнейшая форма повествования о Борисе и Глебе восстанавливается через сопоставление дошедшего до нас переработанного летописного рассказа с Чтением Нестора. Опыт подобного анализа я хотел бы, вслед за Шахматовым, предложить читателю, для которого, однако, не секрет, что общим источником обеих версий рассказа о гибели братьев является в моем представлении не шахматовский свод 1039 г. (реальность которого я отверг), а Сказание 1016/7 г. Текст НЛЛ мл., как правило более первичный, в данном случае менее удобен для сравнения с Чтением. Как известно, с той фразы в причитании Глеба, которая дословно совпадает в летописи и в использовавшем летопись анонимном Сказании («аще бо быхъ, брате мой, видѣль лице твое ангелское...»), некий новгородский компилятор начал переписывать вместо своего летописного источника анонимное Сказание, местами его сокращая. Смена источника, очевидно, объясняется тем, что конец летописного рассказа об убиении Глеба (который читается в ПВЛ) более краток и прозаичен, чем параллельный текст анонимного Сказания, особенно в описании обретения Глебова тела. Напомню также наблюдение Шахматова, что обращение Нестора к его источнику не ограничилось описанием убоицы 1015 г. Он позаимствовал из Речи Философа элементы краткого очерка сотворения мира, грехопадения и спасения, который он поместил во вводной части Чтения, а далее элементы описания княжения Владимира, в особенности его благотворительных раздач, в которых – чего нет в летописи – оказываются задействованы Борис и Глеб.

История убиения Бориса у Нестора очень близка летописной: совпадают детали описания, совпадает и цитата из Псалтыри, вложенная в уста Бориса, ожидающего убийц. Любопытное расхождение заключается в том, что в летописи покинутый всеми Борис поет заутреню сам, а Нестору это явно показалось неуместным, и заутреню служит священник, оказавшийся при Борисе. Поскольку в дальнейшем повествовании, в частности когда Борис находится при смерти, священник на сцену более не выступает, вторичность его эпизодического появления в Чтении очевидна.

Еще более любопытно расхождение между Чтением и летописью в описании двойного убийства Бориса. Согласно Чтению, проникшие в шатер Бориса убийцы лишь ранят его ударами копий, но, приняв за мертвого, оставляют и выходят. Борис в оторопении выскакивает из шатра, произносит

последнюю молитву и только тогда погибает от удара в сердце. В летописи история значительно усложнена: «Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатерь, възложивше на кола, повезоша и, и еще дышюцю ему. Увѣдѣв же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два варяга прикончатъ его. Онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечъ, пронзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ примъ от Христа бога съ праведными, причеться с пророкы и апостолы, с ликы мученичьскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченную радость, възспѣвая с ангелы и веселяся с лики святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья.» Еще Шахматов отметил несообразность сценария, в котором именно Святополк, находящийся за десятки километров от места событий, констатирует, что Борис – многократно обернутый грубой холстиной – «еще дышит», и посылает дополнительных убийц, будто мало было тех, что находились на месте. Шахматов предположил, что сводчику, расширившему изначальный рассказ, была известна традиция о смерти Бориса по дороге с Альты в Вышгород, на Дорогожиче, где уже в XII в. существовала церковь Бориса и Глеба (Шахматов 1908/2002: 68–70). Как бы то ни было, и Нестор, и автор дошедшего до нас летописного текста полагали, что Борис погиб не сразу, хоть они и по-разному представляли себе обстоятельства его гибели. Автор же изначального рассказа, начав фразу словами «Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатерь...», явно считал смерть своего героя окончательной, а потому в качестве убийц Бориса он назвал затем лишь вышгородских «болярцев». Вместе с рассказом о вторичном убийстве Бориса вычленяется как вставка и его агиографическое прославление. Восстановлению изначального текста способствует его неотмеченный исследователями параллелизм с концовкой рассказа о гибели Глеба в ПВЛ:

Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатерь, възложивше на кола, повезоша и, // и положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья (ПВЛ: 91–92).

Глѣбу же убьену бывшо и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемъ же вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкви святаго Василья (ПВЛ: 93)¹².

12 Признавая вслед за Шахматовым, что рассказ о вторичном убийстве Бориса является в летописи вставкой, разрывающей фразу и нарушающей логику изначального повествования, я вступаю в противоречие с С. М. Михеевым (2007: 16-18), который усматривает в дошедшем до нас летописном тексте первичную запись истории гибели Бориса и считает, что знакомый с ним Нестор лишь «исправил путаницу» своего источника. Однако я полностью слеую за С. М. Михеевым в его демонстрации вторичности текста Сказания, особенно разительной именно в этом эпизоде.

Как пример добавления, внесенного в летопись, Шахматов приводит также дигрессию о слуге Бориса Георгии. В самом деле, летопись сходится почти слово в слово с Чтением в описании подвига слуги, прикрывшего телом своего господина, но затем рассказывает историю, Нестору неизвестную:

<p>И они же, акы звѣрие дивии, нападаша на нь и внизоша во нь сулицы свои. И се единь отъ престоящихъ ему слугъ паде на немъ, они же и того пронизоша,</p> <p>и мнѣвъ же блаженана мертвѣ суца... (Чтение, изд. Абрамовича, стр. 11).</p>	<p>И се нападаша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ.</p> <p>Бѣ бо сей любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ угърескъ, именемъ Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимъ. Избиша же и ины отроки Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны с шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣм же послѣ же не обрѣтоша тѣла сего в трупии. Бориса же убивши... (ПВЛ: 91).</p>
---	--

Отметив, что Нестор навряд ли утаил бы от читателя имя слуги Бориса и примечательную историю его обезглавления, Шахматов (1908/2002: 75–77) высказал правдоподобное предположение, что появление этих деталей в летописи связано со становлением традиции почитания Георгия Уग्रина и его брата Моисея. Добавлю, что на вставку указывает и повторение фразы «бѣ бо сей любимъ Борисомъ» в форме «его же любляше повелику Борисъ», а также введение элемента массового избиения отроков, тем более неуместного, что тайно подосланные Святополком убийцы были весьма немногочислены.

Я остановился на вставках, указанных еще Шахматовым, главным образом потому, что именно они содержат в себе нарративные элементы, находящие наиболее разительные параллели в скандинавских сагах. И убийцы-варяги, и отрубленная голова (правда, не слуги, а самого конунга Бурицлава) фигурируют в «Эймундовой пряди»; в «Саге об Инглингах» отыскивается золотая гривна (см. недавно Михеев 2005). Тем более любопытно, что в тексте летописи эти элементы вторичны. Они восходят к первой ревизии Сказания в своде середины 1070-х гг., где также происходит подмена истории гибели Глеба. Это основное расхождение между летописью и Чтением нам и предстоит сейчас объяснить.

Согласно летописному рассказу, Святополк, после убиения Бориса 24 июля, решает устранить и Глеба. Он посылает ему ложную весть, будто бы его вызывает в Киев заболевший отец, и Глеб спешит на призыв, сначала «на конех, с малою дружиной», до Волги, а потом на ладье, покуда под Смоленском, у впадения в Днепр речки Смядыни, он не получает предупреждение от Ярослава, что Владимир на самом деле мертв, а вызывает его в Киев Святополк, дабы с ним расправиться. Пока Глеб сетует на свою горькую судьбу, его настигают люди Святополка, и он гибнет от рук собственного повара 5 сентября 1015 г. Однако, как уже давно отмечалось, многие элементы этого рассказа возбуждают недоумение. Летописец очевидно исходит из идеи, что Глеб отправляется в путь из Мурома, где он был посажен на волость отцом согласно летописной статье за 6496/988 г. Но в таком случае, как отмечает Шахматов, ему было бы естественней спуститься на корабле по Оке до Волги непосредственно от Мурома. По подсчетам Н. В. Шлякова, посланцы Святополка, проделавшие путь из Киева до Мурома, а затем и сам Глеб на пути из Мурома в Смоленск через истоки Волги должны были проходить по 55–60 верст (60–65 км) в день (Шляков 1900: 97–98). Это примерно соответствует средней скорости судна, идущего вниз по течению реки, но в данном случае большая часть пути должна была быть проделана вверх по реке, не говоря о волоке: посланцы Святополка поднимались по Днепру, а Глеб в верховья Волги. Поддерживать подобную скорость на веслах против течения на протяжении многих сотен километров было физически невозможно. И, наконец, совсем искусственно звучит летописный рассказ о предупреждении, посланном Глебу Ярославом. Поразительно не только то, что вестнику Ярослава удается перехватить Глеба на полпути, но и то, что это происходит именно в тот момент, когда посланные Святополком убийцы находятся уже на подходе. В самом деле, предупреждение, адресованное Глебу, дублирует извещение, полученное накануне прибытия убийц Борисом, когда тот, оставленный дружиной, бежать уже не мог. Глеб же был свободен в своих движениях и мог при желании развернуть корабль на север. Поэтому он и погибает сразу после получения предупреждения, избежав этой дилеммы.

Мы не затруднились бы списать заведомое неправдоподобие рассказа на специфику житийного нарратива, признав в нем благочестивое предание, критике не поддающееся. Однако, по счастью, возможности исторической критики оказываются далеко не исчерпанными, в первую очередь потому, что Чтение Нестора дает иную версию гибели Глеба. Нестор повествует, что Глеб по молодости лет жил при отце, помогая ему в делах благочестия, и, естественно, оказался в Киеве, когда после смерти Владимира к власти пришел Святополк. Узнав, что тот замышляет убийство Бориса, Глеб начал

опасаться и за собственную жизнь – «не да како и мя погубит» – и решил бежать к брату «в страны полуночныя», то есть к Ярославу в Новгород. Помолвившись, он «иде к реце, иде же бе кораблец уготован, и влез во н, и тако отбеже от законопреступнаго брата». Святополк выслал погоню «в кораблеци борзы», и преследователи настигли его, «гнаша по святем Глебе дни многи». Описание убийства Глеба близко летописному. Нестор не определяет места, но указывает дату его гибели: 5 сентября.

Несторово описание пребывания Глеба в Киеве и его бегства из города вызвало нарекания исследователей, верящих в древность версии летописи и анонимного Сказания, по которой Глеб был вызван издалека, очевидно из Мурома. Вот как объясняет мотивы Несторовых измышлений Бугославский (2007: 288): «То, что Глеб, несмотря на предостережение [Ярослава], которое могло, конечно, запоздать, все же поехал [в Киев], могло удивить Нестора и заставить его изменить фактическое изложение его источников». Это соображение создает, однако, логический круг, ибо Глеб плывет навстречу убийцам, получив предупреждение об их намерениях, исключительно лишь в анонимном Сказании. По версии Чтения, в которой нет места для предупреждения Ярослава, Глеб не оставляет надежды умиловить посланцев Святополка, о чьих намерениях он может лишь гадать. Кроме того, он проявляет заботу о своих отроках (как и Борис о собственной дружине, см. ниже): когда те «взяша оружие своя, хотяща противитися» преследователям, Глеб приказывает им плыть к берегу и не оказывать сопротивления. Сам же он в своем корабле продолжает плыть, пока его не настигает погоня и не задерживает, «имше корабль за ключи». Вторичность Глебова распоряжения в Чтении доказывается тем, что он покидает Киев на одном корабле, а здесь у него их оказывается два. Летописный рассказ гораздо более прозаичен. В нем у отроков Глеба нет и мысли о сопротивлении, а посланцам Святополка нет надобности перескакивать в его корабль, сверкая мечами, как то красочно описано в Сказании. Им достаточно остановить («яша») корабль и обнажить оружие – и «отроци Глебови уньша». Именно к ним посланец Святополка Горисер обращает приказ «вборзе зарезати» Глеба, что и проделывает Глебов повар Торчин, имевший под рукой подходящий для дела инструмент.

Более снисходительна к Нестору Н. И. Милютенко (2006б: 265). Она считает, что поскольку «никто точно не знал», «при каких обстоятельствах святой оказался» под Смоленском, «Нестор был вправе выдвинуть свою гипотезу». Не следует, однако, подменять текстуальный анализ защитой свободы слова, на которую Нестор вовсе не претендовал. По идее Милютенко, как и ее предшественников, Нестор своевольно подменил версию своих обоих источников. Единственной альтернативой лишенных прав-

доподобия гипотез об искажении традиции Нестором остается суждение Шахматова (1908/2002: 63), согласно которому «трудно допустить, чтобы Нестор умышленно извратил летописные данные; вероятнее думать, что они не были у него перед глазами. Вероятнее думать поэтому, что Нестор не пользовался летописным сказанием, которое дошло до нас.»

О первичности версии событий, сохраненной для нас Нестором, свидетельствует уже то, что ей не свойственны несуразности версии летописной, разделяемой и анонимным Сказанием. Маршрут Глеба предельно прост. Он пустился в бегство вверх по Днепру, надо думать, пару дней спустя после похорон Владимира (Нестор пишет, что Бориса успели известить о бегстве брата). Занятый Борисом, стоявшим во главе киевской дружины, Святополк не сразу вспомнил о Глебе, который ему ничем не угрожал. Потому, несмотря на быстроходность их судна, преследователи гнались за Глебом «многие дни». Это указание хорошо сочетается с традицией о гибели Глеба в верховьях Днепра, в устье речки Смядины под Смоленском: отроки Глеба, опасаясь погони, конечно, не мешкали и могли добраться туда дней за 10-12, а их преследователи, которые, надо полагать, гребли посменно, на несколько дней быстрее. В версии Нестора, однако, эта географическая привязка отсутствует, и, я думаю, неслучайно. Указание на конечный пункт гонки по Днепру вступило бы в противоречие, очевидное и для автора, с традиционной датой гибели Глеба, которую тот сомнению не подвергал. В самом деле, отбив из Киева, скажем, 18 июля, к 5 сентября корабль Глеба должен был доплыть не до Смоленска, а по меньшей мере до Швеции. Датировка гибели Глеба 5 сентября принадлежит к иной традиции, чем описание его бегства в Чтении, следуя логике которого Глеб погиб немного спустя после смерти брата. Итак, Нестор не измышлял гипотез, а пытался примирить две противоречивые традиции о гибели Глеба, и остается доказать, что он принял за основную именно ту традицию, которую почерпнул в своем источнике.

Обратим внимание на то, что известное предупреждение Передславы Ярославу упоминается в летописи дважды. То упоминание, что фигурирует в тексте первым, является явно вторичным в том смысле, что самый факт предупреждения и его содержание предполагаются уже известными читателю: «В се же время пришла бѣ вѣсть к Ярославу от Передславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: “Не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убиенъ от Святополка“» (НІЛ мл.: 172–173; ПВЛ: 92, добавл. Не ходи). То же предупреждение представлено затем более обстоятельно. Вызвано это тем, что здесь в летописи нарушен хронологический порядок изложения. В самом деле, по летописной хронологии

вестник Ярослава застигает Глеба под Смоленском и предупреждает его о намерениях Святополка в первых числах сентября, а сам Ярослав получает весть от Передславы не позже конца августа. Содержание изначального извещения излагается в контексте подготовки похода на Киев. Согласно ПВЛ, «В ту же ночь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: “Отець ти умерль, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику”» (ПВЛ: 95). В том же контексте НІЛ мл. сохранила для нас иное известие: «И в ту же ночь ис Кыева сестра Ярослава Передслава присла к нему вѣсть, рекши: “отець ти умерль, а братья ти избиена”» (НІЛ: 174). Итак, согласно НІЛ мл., Передслава сообщает Ярославу о смерти обоих братьев.

На вторичный характер первого по ходу текста упоминания об извещении Передславы указывал Шахматов (1908/2002: 71–72), который справедливо признавал весь его непосредственный контекст за вставку. Изначальный рассказ развивался в свойственной ему хронологической последовательности, и братья Борис и Глеб погибали один за другим, именно так, как описал их гибель Нестор, имевший этот рассказ перед глазами. Версию извещения Передславы НІЛ мл., отражающую гибель обоих, Шахматов признал за первичную и включил в свою реконструкцию Новгородского свода середины XI в., но, как кажется, особо не комментировал. В самом деле, Несторова версия гибели Глеба и версия извещения в НІЛ мл. по отдельности необъяснимы, но вместе они раскрывают ход событий в источнике, к которому восходят оба текста. Летописец, впервые подвергший обработке Сказание 1016/7 г. в середине 1070-х гг., и Нестор, обратившийся к нему независимо с десятков лет спустя, столкнулись с одной и той же проблемой. Сложившаяся за 60 лет в устной традиции житийная версия гибели Глеба далеко отошла от той, что зафиксировал современный событиям источник. Летописец устарелую версию заменил и соответственно перестроил весь рассказ, забыв лишь извещение Передславы. Нестор версию источника сохранил, но зато ввел чудесную историю обретения тела Глеба. Житийная версия гибели Глеба (из летописи) и чудесная история обретения его тела (из Чтения) объединились в анонимном Сказании о Борисе и Глебе.

По Шахматову (1908/2002: 80), автор общего источника летописи и Чтения якобы писал «об уже прославленных святых русских», но я не разделяю этой оценки. Поскольку древний источник восстанавливается через сопоставление производных, полное несовпадение в летописном рассказе и в Чтении элементов прославления обоих братьев выдает их вторичный характер. Спорадично и, как указала Милютенко (2006б: 166-167), вторично также применение к братьям в летописном повес-

твовании эпитетов «блаженный» и «святой». Ни о каких предстоящих чудесах на месте их захоронения автор явно не осведомлен. Единственный идеологически нагруженный элемент изначального повествования – это предсмертная молитва, вложенная в уста Бориса (в отличие от молитвы Бориса, в передаче молитвы Глеба дошедшие до нас тексты содержательных совпадений не несут: она, вероятно, лишь упоминалась в их общем источнике). Автор Сказания 1016/7 г. конструировал образ праведников, примиренных с предстоящей смертью, но отнюдь еще не святых.

б. Конструкция и деконструкция “любви братьней”

Предложенный анализ радикально удревняет первую письменную фиксацию истории Бориса и Глеба, датируя ее временем всего лишь полтора-два года спустя после их гибели. Однако, признавая за версией, возводимой мною к Сказанию, присущий древности авторитет, я не могу не отметить в ней разительных лакун, которые особенно выделяются в сопоставлении со строго современным ей свидетельством Титмара Мерзебургского (VII, 73–74). Титмар повествует, что Владимир, умирая, оставил королевство двум сыновьям, тогда как третий, отождествляемый со Святополком, находился в заточении. А. Поппэ (2003: 314–315) приводит это сообщение в поддержку своей теории, по которой Владимир предназначил себе в наследники Бориса и Глеба, а мой анализ добавляет аргумент в ее пользу, показывая, что не только Борис, но и Глеб находился при умирающем Владимире. Нет оснований принимать идею Поппэ (восходящую к поздним летописям, а в современной историографии к Татищеву) о том, что Борис и Глеб были сыновьями княгини Анны. Не следует и отрицать неточность представлений Титмара: Владимир оставил после себя более трех сыновей. Но в момент его смерти в Киеве их было именно трое. Более того, использованная Титмаром формулировка *«integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis»* – это формула завещания, которая отражает представление хрониста о предсмертном волеизъявлении русского короля. Никто, кроме Бориса и Глеба, на роль избранных Владимиром наследников претендовать не мог. Согласно Поппэ, моделью Владимиру послужило соправление византийских императоров Василия и Константина, и эта идея сохраняет привлекательность даже в том случае, если мы откажемся признать в Борисе и Глебе их племянников. Приведенную формулировку следует поэтому противопоставить описанному затем хронистом реальному исходу процесса престолонаследия, *«cuius potestas inter filios dividitur»*, где раздел власти между сыновьями – как мы знаем, другими – представлен как Божье наказание Владимиру. Согласно летописи, Борис «любимъ бо

бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ» (ПВЛ: 90); именно ему Владимир вручил командование всем своим войском, чем, казалось бы, решался вопрос о выборе наследника. Тем более удивительно, что мы не находим в древнерусских источниках прямых указаний на распоряжения Владимира о порядке престолонаследия, и уже совсем странно, что в них ни словом не помянут факт заточения Святополка, который мог бы дополнительно дискредитировать окаянного князя.

В самом деле, Святополк оказывается в момент смерти Владимира в Киеве (а не на волости), и именно этот факт явился в представлении автора причиной того, что приближенные Владимира в Берестове приняли решение скрыть смерть князя: «Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Киевѣ». Летописное сообщение о сокрытии смерти Владимира породило массу спекуляций и попыток править текст, но разбирать их здесь нет надобности, так как недавняя работа Ю. Писаренко (2006, ср. 2007) дала свидетельству летописи очень правдоподобное объяснение. Приближенные Владимира, независимо от их приверженности тому или иному из его сыновей, прежде всего опасались ситуации безвластия, того момента неопределенности, который наступает при отсутствии наследника, способного сразу занять место усопшего князя. Как показал Писаренко, такая ситуация была чревата беспорядками и разграблением княжеского (да и не только княжеского) имущества, носившим почти ритуальный характер. Писаренко (2006: 246) примыкает к мнению Назаренко (2001: 453) о том, что «в связи со смертью киевского князя его старший сын, даже если он был в заключении, мог, разумеется, немедленно выйти на свободу»; он также придерживается традиционной гипотезы о заключении Святополка в Вышгороде. Однако вышгородская теория вступает в противоречие с сообщением летописи о пребывании Святополка в Киеве (где, вне сомнения, он и был заточен), да и освобождение его не могло произойти само собой, ибо отец его в наследники не прочил. Оно должно было быть оговорено со стражами (получившими от Владимира противоположные инструкции), и его восшествие на престол должно было стать свершившимся фактом до того, как народ узнает о смерти отца. Сокрытие, менее чем на сутки, смерти Владимира позволило достичь этой цели, а последующая сцена, в которой Святополк восседает на троне отца и раздает его имущество киевлянам, олицетворяет мирную передачу власти.

Итак, датировка Сказания 1016/7 г. не оставляет места для предположения о неосведомленности его автора, а конкретный анализ дошедшего до нас текста показывает, что писался он изначально для посвященных, понимавших с полуслова причинную связь между сокрытием смерти

Владимира и фактом пребывания Святополка в Киеве. В таком случае умолчания автора Сказания уместно признать за намеренные, тем более что и объяснить их нетрудно. Упоминание заточения Святополка Владимиром и назначения им Бориса и Глеба себе в наследники подорвало бы основы построенной автором конструкции гибели обоих братьев.

В центре повествования о гибели Бориса стоит отказ молодого князя от борьбы со старшим братом: «Рѣша же ему дружина отня: “Се дружина у тебе отъня и вои. Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни”. Он же рече: “Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго: аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто”. И се слышавше вои, разидошася от него» (ПВЛ: 90). Слова Бориса зачастую рассматриваются как признание законности притязаний Святополка на киевский престол и, в более широком плане, как утверждение принципа старейшинства, преимущественного права старшего в престолонаследии. Я не думаю, что их следует толковать столь широко. Конкретно, Борис говорит о невозможности для себя поднять руку на брата. Подобное заявление было бы, однако, неуместно, если бы мы были оповещены о том, что в наследники трона Бориса предназначил его праведный отец, заключивший к тому же Святополка в темницу. Иными словами, автору необходимо было обойти молчанием эти детали, чтобы придать правдоподобие и моральную силу идее добровольного отказа Бориса от борьбы за власть. Братолюбие перестало бы восприниматься как добродетель, если бы оно осуществлялось ценой нарушения отцовской воли.

Задача автора была тем более сложной, что борьба между братьями выглядела крайне неравной. Под командой Бориса находилось войско Владимира, «дружина отъня», а у Святополка войска не было. Согласно летописному рассказу, Святополк, заняв отцовский трон, начал раздавать киевлянам «имѣнье», а «они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ», но в нем нет речи о попытке собрать войско и организовать оборону Киева от возможного нападения. В обращении, вложенном в уста дружины, занятие трона Борисом представляется не как боевая операция, а как некий административный акт – «Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни» – в силу его подавляющего воинского превосходства. Этот план отпадает из-за категорического отвержения Борисом идеи братоубийственной схватки, провозглашенного – что весьма примечательно – до начала каких бы то ни было переговоров со Святополком и без объяснения, кто, собственно, должен был сражаться на его стороне.

Итак, уже в древнейшем описании судьбы Бориса и Глеба прослеживается продуманная и четко проведенная идейная конструкция. Речь еще вовсе не идет об их прославлении как мучеников, но оба брата умирают

смертью праведников, предпочитая смерть противлению злу насилем. Отказ Бориса от борьбы со Святополком занимает центральное место в описании его гибели в обоих источниках; готовность к смерти Глеба, не обладавшего средствами для самозащиты, более вынуждена, но тем более афиширована. В каждой новой обработке изначального рассказа идея добровольного принятия братьями насильственной смерти проводится все последовательнее. Уже в первой летописной переработке исчезает сюжетная линия бегства Глеба, а в Чтении он запрещает отрокам сопротивление. Отказ Бориса от борьбы с братом объясняется в Чтении опасением за жизнь своих воинов: «Ни, братие моя, ни, отци, не тако прогневайте господа моего брата, еда како на вы крамолу вздвигнет. Но уне есть мне одному умерети, нежели толику душ» (Нестор не сознает, что сила на стороне Бориса). В анонимном Сказании, Борис предчувствует смерть и предвкушает мученический венец уже с того момента, когда ему объявляют о смерти отца; лишь в этом тексте Глеб сам плывет навстречу убийцам. Это последнее толкование поведения братьев обладает, пожалуй, наибольшей внутренней логикой, но оно являет собой плод долгого созревания сюжета. В летописном же рассказе нет влечения к смерти, а лишь осознанное с ней смирение.

Эта конструкция поведения братьев снимает целый ряд вопросов, которыми редко задаются исследователи (ср., однако, Поппэ 2003: 315, 317), но которые не могли не волновать современников. Правы ли были киевляне, знавшие, кому Владимир оставил престол, но принимавшие, хоть и с тяжелым сердцем, раздаваемое Святополком имение? Не слишком ли рано ступали отроки Глеба и воины Бориса, недавние дружинники Владимира, бросившие отцовского любимца на произвол захватившего престол старшего брата? Эти вопросы отпадают, если отказ от борьбы с братом исходил от самого Бориса, если и Глеб к сопротивлению не стремился. Автор скрупулезно передает имена убийц, Путши и вышгородских «болярцев», Горисера и Торчина, непосредственно виновных в смерти братьев, но построенная им конструкция полностью снимает вопрос о коллективной ответственности киевлян, в особенности приближенных Владимира, за крушение завещанного им плана престолонаследия.

Созданная или воспринятая автором Сказания конструкция поведения братьев Святополка была остро злободневна, но что еще более значимо в контексте настоящего исследования, ее злободневность была очень недолговечна, являя собой, тем самым, яркий индикатор для датировки текста. В самом деле, она целиком основывается на братстве Святополка, Бориса и Глеба, и как раз эта, казалось бы, нерушимая связь неожиданно оказывается непрочной и преходящей.

Данные, лежащие в основе моих дальнейших построений, хорошо известны нумизматам. Ими описаны несколько десятков монет князя Святополка, которые несут на оборотной стороне – все за исключением одной – его княжеский знак, двузубец. Этот выбор примечателен тем, что княжеским знаком Владимира был трезубец, и все его сыновья, чьи знаки нам известны – Изяслав, Ярослав и Мстислав – выбрали себе в качестве знака-тамги различные формы трезубца. Более того, известна одна-единственная монета Святополка с трезубцем на обороте (Сотникова, Спасский 1983: п° 203). Появление этой эмблемы обычно объясняется тем, что мастер «по привычке ошибочно поместил вместо двузубца Святополка трезубец Владимира», а потому эта монета якобы «привязывает монеты Святополка к серебряникам IV типа Владимира» (Сотникова, Спасский 1983: 83, 85). Однако трезубец Святополка отличен по начертанию от трезубцев Владимира не только на серебряниках IV типа, но и на остальных его монетах. Узкие и заостренные крайние лопасти трезубца, а также отсутствие выемок-петелек у внутреннего основания лопастей, характерных для знака Владимира, сближают знак Святополка скорее с трезубцем Ярослава. Воспроизвести подобный трезубец «по привычке» резчик, конечно же, не мог. Итак, трезубец был изначальным княжеским знаком Святополка, как и других сыновей Владимира, и лишь позднее он был заменен двузубцем. Причины этой замены (Белецкий 2001) или просто выбора двузубца в качестве личного знака-тамги исследователи трактуют однозначно. По летописной традиции, Владимир, после убийства Ярополка, «залъже братьню жену Грикиню, и бѣ непразна, от нея же родися Святополкъ», и потому «отец его не любляше: бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимира» (6488/980). Поскольку двузубец был тамгой князя Святослава и, предположительно, его сына Ярополка, выбор этого знака Святополком оказывается «сознательным противопоставлением себя как Ярополчича и своих претензий на власть – правам потомков Владимира» (Сотникова, Спасский 1983: 83, ср. Янин 1970: 38–41). С этим общепринятым в историографии положением мне спорить не приходится.

Распубликованное на монетах отречение Святополка от Владимира, выростившего его во всех отношениях как сына, носило донельзя демонстративный характер. Но знал ли о нем автор Сказания? Хотя он и приводит сплетню о «двух отцах» Святополка (которая при Владимире, надо думать, не муссировалась), он даже в этом пассаже представляет Владимира и Святополка как отца и сына, не говоря уже о дальнейшем: описании распределения сыновей Владимира на волости, сцене вокняжения Святополка, который «сѣде в Киевѣ по отци», и, конечно, истории убийства Бориса и

Глеба¹³. Не сомневаюсь, что после официального отмежевания Святополка от родного или приемного отца осведомленный об этом автор так бы не писал. Подобная осведомленность несовместима с экзальтацией идеи братства, лежащей в основе изначального повествования о Борисе и Глебе и всех его последующих обработок. Иными словами, это повествование могло быть составлено или до того, как Святополк отрекся от Владимира, или много лет спустя, когда и заявления Святополка, и смысл его монет (впрочем, недолго обращавшихся) были давно забыты. Предложенная выше датировка Сказания подводит нас к первому из этих решений, в пользу которого можно привести и дополнительные доводы.

Надежным *terminus post quem* для смены Святополком отца является Хроника Титмара. О киевских делах тот был осведомлен неплохо, а Владимира, умучившего в тюрьме епископа Рейнберна, сильно не любил. Если бы он имел основания указать, что унаследовавший престол Владимира Святополк не являлся или не считал себя его сыном, он не преминул бы это сделать. Однако в пассаже, записанном, как мы видели, после похода Болеслава, он именует Святополка братом короля Ярослава (VII, 65); в пассаже, записанном до похода, но после появления Святополка при дворе Болеслава, он описывает его как сына Владимира (VII, 72). Все это приводит нас к несколько не сенсационному выводу о том, что Святополк захватил 16 июля 1015 г. власть в Киеве именно как старший сын Владимира. Он, как мы видели, сразу заручился поддержкой приближенных Владимира и его дружины, и менять в этот момент отца ему было бы неуместно и опасно. Он прокняжил в Киеве два с половиной месяца, затем срочно выступил навстречу Ярославу, после трехмесячного противостояния под Любечем был разбит и бежал к печенегам. Кратковременность его первого правления объясняет тот факт, что Титмар его не заметил: по сведениям хрониста, исключавшим неважные детали, Святополк бежал к тестю (Болеславу) после смерти Владимира (VII, 72). Краткость первого княжения Святополка объясняет и то, что от него осталась всего одна монета, n° 203 по каталогу Сотниковой и Спасского. Монетная чеканка была, вероятно, налажена к тому времени, когда пришла весть о приближении Ярослава, и весь монетный тираж, дожидавшийся победоносного возвращения киевского князя, был Ярославом переплавлен. Таким образом, единственный сохранившийся экземпляр – это вовсе не «оригинальный урод», как его

13 В недавней работе Л. Мюллер (2004) вообще отрицает историчность традиции об обстоятельствах рождения Святополка, признавая за факт лишь греческое происхождение его матери, одной из жен Владимира. Этот крайний гиперкритицизм не находит, на мой взгляд, поддержки в разбираемых автором источниках.

определяют авторы каталога, а верный свидетель того краткого периода, когда Святополк правил в Киеве как сын Владимира.

Проскитавшись почти три года у печенегов и в Польше, Святополк вернулся в Киев с войском Болеслава и, по рассказу Титмара (VIII, 32), был принят местными жителями как их законный господин. Возвращался ли он в родной город с утвердившейся идеей сменить себе родословие? Я несколько в этом не уверен. В Киеве, однако, он столкнулся, и очень скоро, со сложившимся образом Каина-братоубийцы, виновного в смерти не противоборствующих ему соперников, а жертв невинных, исполненных братской любви. Сменив отца, Святополк вырвался из объятий мертвых братьев, но, надо полагать, потерял поддержку той влиятельной части населения, которая оставалась верной памяти Владимира.

Предлагаемая реконструкция событий позволяет, наконец, привести в порядок историю монетного чекана ближайших наследников Владимира. Единственная монета Святополка с трезубцем атрибутируется мною его краткому первому княжению, а сменивший его на киевском престоле Ярослав, как вслед за В. Л. Яниным признают авторы каталога, монеты в Киеве не чеканил. Монеты Святополка с двузубцем следует атрибутировать его второму киевскому княжению; в то же время Ярослав чеканил в Новгороде «Ярославле сѣребро», известное по последнему обзору в 14 экземплярах (7 больших и 7 малых серебряников), но вдохновившее немало подражаний (Гайдуков, Хорошев 2006). Мое предложение отнести все монетные эмиссии Святополка с двузубцем к его второму киевскому княжению не может не вызвать нареканий. Дело в том, что по ПВЛ (в интерпретации Шахматова), в соединении с данными Титмара, Святополк не прокняжил тогда и десяти месяцев и мог чеканить монету, в лучшем случае, с сентября 1018 по май 1019 г., а его эмиссии весьма разнообразны. Именно поэтому делались попытки распределить их по княжениям и даже поместить одну из них... в 1016–1018 гг. (Сотникова, Спасский 1983: 94). Для полусотни известных на 1983 г. монет первого типа Святополка, с изображением и именем князя на лицевой и с двузубцем на оборотной стороне, было выявлено 30 пар штемпелей. Затем изображение князя сменяется образом его святого покровителя, апостола Петра, причем различаются два типа: высокого качества гравюры и чеканки, с именем Петрос (4 экз., 4 штемп.), и явно деградированного (9–10 экз., 6 штемп.), с именем Петор (Сотникова, Спасский 1983: 82–96). Ни один здравомыслящий нумизмат не станет втискивать, по доброй воле, весь процесс развития чеканки Святополка в те девять или десять месяцев, которыми ограничивает его второе киевское княжение традиционная датировка легендарной битвы на Альте. Когда, однако, чары летописных дат спадут и хронология событий древнейшей русской истории станет определяться не по наитию книжника

70-х или 90-х годов XI в., а по совокупности значимых показателей, тогда придется признать, что Святополк продержался в Киеве не месяцы, а годы.

Приблизительное указание на дату падения Святополка содержит, очевидно, рассказ Иоанна Скилицы о прибытии в Константинополь отряда в 800 воинов под предводительством Хрисохира, отрекомендовавшегося родичем покойного князя Владимира (Скилица/Турн 1973: 367–368). Как указывает Г. Г. Литаврин (2000: 223–227, где и обзор литературы вопроса), по внутренней хронологии Хроники Скилицы этот эпизод может быть с наибольшим вероятием датирован летом 1023 или 1024 г. Г. Г. Литаврин (вслед за В. Т. Пашуто) связывает переход мощного воинского отряда из Руси в Византию с княжескими смутами на Руси, а конкретно с поражением Святополка (которое он традиционно датирует 1019 г.), чьим соратником предположительно являлся Хрисохир. Однако если признать, что Хрисохир со товарищи, принадлежа к побежденной стороне, «оказались в серьезной опасности» уже в 1019 г. и «в сущности спасались бегством» в Византию, то возникает вопрос, где же они проскитались четыре года? Я полагаю, что Хрисохир отбыл в Византию сразу после падения Святополка. Он мог быть соратником свергнутого князя, но возможно также, что он возглавлял тот варяжский отряд, который – по традиции, сохраненной ПВЛ под 6526/1018 г. – был нанят новгородцами, дабы позволить Ярославу восстановить свою власть в Киеве. Поскольку Святополк был изгнан киевлянами, кампания прошла неожиданно быстро, Киев наемникам разграбить не пришлось и их надежды на добычу не оправдались; потому-то они, возможно, продолжили свой путь в Константинопль. Если принять предлагаемый контекст похода, окажется, что Святополк прокняжил в Киеве после ухода поляков около пяти лет.

3. В поисках объяснения летописного шва

После описания первого вокняжения Ярослава в Киеве структура летописного рассказа в Н1Л ст. и мл. претерпевает разительную перемену. Нарративный текст (искусственно разбитый в Н1Л мл. на погодные статьи) сменяется на десятилетия редкими и краткими известиями. Это резкое изменение в характере изложения событий, конечно же, не ускользнуло от исследователей. Казалось бы, обоснование теории, опирающей реконструкцию древнейшего киевского летописания на наблюдения над процессом срастания киевского летописания с новгородским, требует четкого объяснения шва, который проходит на этом месте в обеих новгородских летописях. Однако в работах Шахматова и его последователей я подобного объяснения не нашел. Предлагались лишь объяснения частичные и выборочные, которые, как я попытаюсь убедить читателя, не составляют альтернативу тому, что я наметил выше.

Начнем с сопоставления тех пассажей обеих новгородских летописей, где обрывается нарратив, сменяясь краткими статьями. По причинам, которые разъяснятся ниже, я включаю в сопоставление и первую из этих кратких статей (за 6525/1017 г.).

<p>...а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити». И нача Днѣпръ мръзнути. И бяше Ярославъ мужъ въ приязнь у Святопѣлка; и посла к нѣму Ярославъ ночью отрокъ свои, рекъ к нѣму. И рекъ к нему: «онъси, что ты тому велишь творити; меду мало варено, а дружины много». И рече ему мужъ ть: «рчи тако Ярославъ: даче меду мало, а дружинѣ много, да къ вечеру въдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ нощи велитъ сѣцися. И томъ вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи полѣ Днѣпра, и лодь отринуша от берега; и тои нощи поидоша на сѣчу. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменайтеся, повивайте собе убрусы голову». И бысть сечи злѣ,</p> <p>и до свѣта побѣдиша Святопѣлка. И бѣжа Святопѣлкъ в Печѣнѣгы,</p> <p>а Ярославъ иде къ Киеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира. И нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородьчемъ по 10 всемъ; и отпусти я домовъ вся.</p> <p>В лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестию. И заложена бысть святая Софѣя Киевѣ (НІЛ ст.: 15).</p>	<p>Воевода Святополчъ, именемъ Волчии Хвостъ, ѣзда подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: «почто приидосте с хромичемъ темъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубити». И нача Днѣпръ мръзнути. И бяше Ярославъ мужъ воприязнь у Святополка; и посла к нему Ярославъ отрокъ свои ночью. Рекъ к нему: «онъсии, что ты тому велишь творити: меду мало варено, а дружины много». И ть рече мужъ: «рчи тако Ярославъ: да аще меду мало, а дружинѣ много, да к вечеру дати». И разумѣ Ярославъ, яко в нощъ велитъ сещися; а абие того вечера перевозися Ярославъ на ону страну Днѣпра и лодьи отринуша от берега; и тои нощи поидоша на сѣчу. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменайтеся, повивайте собѣ главы своя убрусомъ». И бысть сѣча зла, оже за руки емлющеся сѣчаху и по удолиемъ кровь течаше; мнозѣ вѣрнии видяху аггелы божия помагающа Ярославъ; и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы, и бысть межѣ Чыхы и Ляхы, никим же гонимъ пропаде оканнии, и тако злѣ живот свой сконча; яже дымъ и до сего дни есть; а Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлитѣ: старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривень всемъ; и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: (...).</p> <p>В лѣто 6525. Ярославъ иде к Берестию; и заложена бысть святыя Софѣя в Киевѣ (НІЛ мл.: 175, 180)</p>
---	--

Очевидно и общепризнано, что текст, читаемый ныне в НІЛ мл., является распространением того, который сохранила нам НІЛ ст. Описание явления ангелов на поле боя со ссылкой на рассказы старых бойцов – «многих верных» свидетелей – является типическим примером подобного рода распространения. Еще более очевидной вставкой является короткая справка о бегстве и гибели Святополка. В НІЛ ст. соотнесены два строго одновременных события: покуда Святополк бежал к печенегам, Ярослав шел к Киеву. В НІЛ мл. структура фразы не меняется, но за то время, что Ярослав идет на Киев и садится на отчий престол, Святополк успевает не только бежать к печенегам, но и погибнуть дурною смертью неизвестно где. Этот мнимый синхронизм указывает на то, что поверженный ангелами Святополк более в глазах летописца интереса не представлял. За рассказом о победе Ярослава следует в НІЛ мл. краткая переходная фраза, вводящая текст Русской Правды.

Столь же общепризнано, ибо на этом держится конструкция Шахматова, что летописцы, ответственные за создание источников как НІЛ ст., так и НІЛ мл., располагали киевскими источниками, содержащими описание уособицы 1015–1019 гг., сходное по охвату событий или просто идентичное тому, что ныне читается в ПВЛ. Таким образом, в обоих случаях становится необходимой гипотеза о радикальном сокращении исходного рассказа при его введении в новгородскую летопись.

По концепции Шахматова, источником НІЛ ст. послужил новгородский свод, созданный в конце 1160-х гг. Германом Воятой на основе ПВЛ (в ее окончательной редакции) и собственно новгородских известий. Что же касается источника НІЛ мл., то тот возник лишь в начале XV в. за счет подмены ранней части новгородской летописи, основанной на ПВЛ, киевским Начальным сводом 1095 г. (дополненным новгородскими статьями). Шахматов объяснял чрезвычайную лаконичность описания княжения Ярослава в НІЛ мл. тем, что в экземпляре Начального свода, попавшем в руки новгородского летописца, были утеряны листы, начиная с конца статьи за 6524/1016 г., а потому описание победы Ярослава над Святополком было восполнено на базе текста, сохраненного в НІЛ ст. Однако объяснение это мнимое, так как те немногие фразы, что добавляются в НІЛ мл. по сравнению с НІЛ ст. (о бойцах, хватающих друг друга за руки, чтобы не потерять контакт в темноте; о гибели Святополка «межи Чахы и Ляхь»), находят текстуальные параллели в ПВЛ. О первоисточнике этих элементов текста пойдет речь ниже, но создать их из воздуха гипотетический новгородский летописец начала XV в., конечно же, не мог. Основной же недочет аргументации Шахматова заключается, на мой взгляд, в том, что она не содержит объяснения остановки летописного рассказа в НІЛ

ст. на первом вокняжении Ярослава. В этом ключевом аспекте концепция исследователя оказывается логически незавершенной.

В начертанную Шахматовым схему слияния киевских сводов с новгородскими внес уточнения Д. С. Лихачев, связавший изначальное обращение новгородского летописания к ПВЛ со сводом князя Всеволода (1119–1135 гг. по Лихачеву, ср. ниже III,1). Согласно Лихачеву, ранняя часть этого свода, основанная на ПВЛ, была заменена на компиляцию, берущую за основу киевский Начальный свод 1095 г., в связи с переходом ведения летописи с княжеского двора на владычный в середине XII в. Эта ранняя датировка позволила Лихачеву выдвинуть идею о том, что подмена начальной части летописи равно отразилась в Н1Л ст. и Н1Л мл.: если Шахматов представлял себе утерянное начало Н1Л ст. близким к ПВЛ, то по идее Лихачева оно сближалось с сохранившимся началом Н1Л мл., равно восходя к Начальному своду (Лихачев 1948/1986: 166–184). В этой концепции описание княжения Ярослава претерпевает радикальное сокращение в новгородском летописании не дважды, как у Шахматова (независимо в источнике Н1Л ст. и в источнике Н1Л мл.), а единожды (в общем источнике обеих летописей). Ответственность за это сокращение возлагается на сводчика середины XII в. и объясняется идейными соображениями. Посреди описания усабицы 1015–1019 гг. сводчик якобы полностью утратил интерес к своему источнику, обнаружив, что «с 1016 г., после битвы со Святополком, судьбы Киевского княжества и Новгородской области расходятся» и что «Киев не играет уже прежней роли в судьбе Новгорода» (Лихачев 1948/1986: 182). Урезанный им текст явился исходным для протографа Н1Л мл.: как отмечает Лихачев, статья 1016 г. идентична в Н1Л ст. и мл. «за исключением одного обычного – в духе воинских повестей – распространения в младшем изводе» (Лихачев 1948/1986: 182). Текстуальное совпадение этих якобы новгородских пространств с ПВЛ остается необъясненным.

Алешковский и вслед за ним Гиппиус восприняли идею Лихачева о том, что именно киевский свод 1090-х гг. (правда, дополненный в их представлении погодными записями до 1115 г.) стал источником свода Всеволода, который отложился в Н1Л ст., а через его посредство и в ранней части того свода, который отложился в Н1Л мл. и который был убедительно отождествлен Гиппиусом со сводом Германа Вояты. Эта ревизия не изменила той общей оценки, согласно которой оба приведенные выше описания Любецкой битвы являются результатом радикального сокращения более полного киевского текста новгородскими компиляторами. От Гиппиуса не ускользнуло, однако, что описание битвы под Любечем в Н1Л ст. (а вслед за ней и мл.) значительно расходится с версией ПВЛ, в которой он усматривает

верное отражение Начального свода. Поэтому исследователь полагает, что на коротком отрезке, начинающемся с фразы «И нача Дьньпръ мързнути», сводчик переходит на другой источник, очевидно Новгородский свод XI в. Гиппиус не объясняет мотивы, подвигшие сводчика князя Всеволода столь радикально сократить источник, многие десятки листов которого он до этого безропотно переписал; необъясненной остается и предполагаемая смена источника. Зато подробно разбирается частичное восстановление “сокращенного” текста, которое ныне читается в НЛ мл. и которое приписывается Герману Вояте. Воята стремился, с одной стороны, представить получение новгородцами «правды» и «устава» как центральное событие княжения Ярослава, а с другой стороны, «придать большую завершенность не доведенному до конца в своде Всеволода рассказу о событиях, последовавших за убийством Святополком Бориса и Глеба». В этих целях он пошел «на заведомое искажение исторических фактов» и «выстроил такую обладающую внешним правдоподобием последовательность событий: одержанная благодаря новгородцам победа Ярослава при Любече – бегство и гибель Святополка – утверждение Ярослава на киевском столе – награждение им новгородцев» (Гиппиус 1997: 59–62).

Анализ интересующих нас пассажей у Гиппиуса отличается от предыдущих большей полнотой и вниманием к деталям, но тем самым он лишь подчеркивает общий для работ Шахматова и его последователей парадокс. Новгородские сводчики, зарекомендовавшие себя, главным образом, как добросовестные переписчики и компиляторы – именно в этом залог ценности составленных ими сводов для исследователя древнейшего летописания – будто срываются с цепи, дойдя до описания событий столетней (или полуторастилетней) давности, и самым причудливым образом его переиначивают. Сводчик князя Всеволода якобы решает утаить от читателя факт смерти Святополка, но если бы он ограничился только этим! Как мы видели, фраза «И бѣжа Святопълкъ в Печѣнѣгы», которой он завершает описание поражения Святополка, обнаруживается и в ПВЛ, но не в рассказе о Любечской битве, а между описанием поражения Болеслава и битвой на Альте. Сознательно скрыв от читателя оба эти события, равно как и гибель Святополка, ехидный летописец князя Всеволода одну лишь эту фразу, выходит, позаимствовал и, переставив, сохранил.

Добросовестнейший Герман Воята, который сохранил для нас Начальный свод, хотя якобы и располагал (по гипотезе Гиппиуса, которую я оспариваю) также текстом ПВЛ, идет «на заведомое искажение исторических фактов» ради создания некоей новгородоцентрической концепции победы Ярослава. Однако точно ту же концепцию мы обнаруживаем в памятнике несомненно киевского происхождения, созданном задолго до

Вояты: Паримийных чтениях о Борисе и Глебе. И в этом тексте победа, одержанная Ярославом и его новгородским ополчением после убиения братьев, представляется как решающая и провиденциальная, после которой остается лишь кратко помянуть бегство и гибель Святополка. Более того, упоминание ангелов, помогающих Ярославу, читается в Паримийных чтениях и в НІЛ мл., но отсутствует в ПВЛ; предположение Гиппиуса (1997: 60), согласно которому фраза об ангелах «была утрачена в той редакции ПВЛ, которая дошла до нас в летописях Лаврентьевско-Ипатьевской группы», но читалась в первоначальном тексте ПВЛ, мне кажется произвольным. Остается, казалось бы, признать знакомство Германа Вояты с Паримийными чтениями, которые вдохновили бы его на переосмысление летописного рассказа об обстоятельствах вокняжения Ярослава в духе новгородского патриотизма. Однако детальное сличение описания событий в летописях и в паримии – которое, не в укор моим предшественникам будь сказано, ранее не производилось – покажет всю искусственность подобного рода построения.

В самом деле, вместо того, чтобы все более и более усложнять объяснения, попытаемся их решительно упростить. А что если наблюдаемый нами шов был создан не искусственно, а отражает реальную стратификацию источников летописи? А что если сводчик князя Всеволода ровным счетом ничего в своем источнике не сокращал и не переименовывал, а положил его в основу составляемой им новгородской летописи таким, каким сам его получил? А что если и Герман Воята воспроизвел текст рассматриваемого сегмента столь же достоверно, как и остальные части Начального свода? Иными словами, ни тот, ни другой новгородский сводчик доступный ему источник не перекраивал, а характер изложения событий в каждом своде отражает возможности источника, остановившегося на вокняжении Ярослава в первом случае и на скорую руку дополненного сообщением о гибели Святополка во втором. Разумеется, оба сводчика пользовались в таком случае разными источниками, а распространение описания Любецкой битвы в той форме, в которой оно читается ныне в НІЛ мл., следует рассматривать как явление не новгородского, а киевского летописания, каковое положение я и попытаюсь обосновать ниже.

Для читателя не секрет, что я отождествляю киевский источник свода князя Всеволода со Сказанием 1016/7 г., контуры которого я попытался очертить. Это отождествление снимает весь круг неразрешенных проблем, порожденных гипотезой о сокращении новгородским сводчиком более пространного киевского источника (Начального свода или ПВЛ). Характеристику основного источника свода Всеволода, который представляется не разбитым на годовые статьи, следует, однако, уточнить в одной детали,

важной и для его датировки, и для определения проходящего по началу княжения Ярослава летописного шва.

Статья за 6525/1017 г. читается одинаково в Н1Л ст. (сразу после описания вокняжения Ярослава) и в Н1Л мл. (после вставленной Русской Правды): «Ярославъ иде къ Берестию. И заложена бысть святая София Къевѣ». Эта статья читается в ПВЛ в существенно видоизмененной форме: она там разъята надвое и отредактирована. Под 6525/1017 г. мы читаем: «Ярославъ иде (Лавр.) /вниде (Радз.) /ввоиде (Ипат.) въ Къевъ (опущено в Лавр) и погорѣ (Лавр.) /погорѣша (Радз., Ипат.) церкви». Сообщение же о том, что «Приде Ярославъ къ Берестию», читается в ПВЛ в начале статьи за 6530/1022 г., причем без какой-либо дополнительной информации, объясняющей контекст и цель похода. Это перемещение во времени похода к Бресту не оставляет сомнения в том, что чтение «Ярославъ иде въ Къевъ» в тексте ПВЛ за 1017 г. изначально, хоть и бессмысленно, так как прибытие Ярослава в Киев и его вокняжение описаны в статье за предыдущий 6524/1016 г. (потому-то один из переписчиков Лаврентьевской летописи указание на Киев и опустил). Такого рода перенесение статей характерно, как мы увидим ниже, для метода работы сводчика 1090-х гг., заполняющего летописные пустоты. Но как бы то ни было, интересующая нас статья не могла перейти в новгородское летописание из ПВЛ.

Статья за 6525/1017 г. весьма примечательна. Заключенная в ней информация о походе Ярослава к западной границе Руси давно сопоставлена с сообщением Титмара Мерзебургского (VII, 65) о нападении русского короля на Польшу, о котором император Генрих II узнал в октябре или, скорее, ноябре 1017 г. и которое, соответственно, имело место в конце лета. Согласно Титмару, русский король напал на Болеслава согласно ранее данному немцам через посла обещанию, но в осаде некоего польского города не преуспел (*Bolizlavum peciisse nilque ibi ad urbem possessam proficisse*). В неназванном городе следует, вероятно, усматривать Дрогичин, важное польское укрепление на правом берегу Буга, в нескольких десятках километров от Бреста¹⁴. Не менее показательное указание на

14 См. Назаренко 1981 и 2001: 469-470, где автор толкует фразу Титмара в том смысле, что Ярослав якобы захватил некий польский город, но далее не продвинулся. Я без колебаний принимаю ее традиционное понимание, воспроизведенное в недавно опубликованном русском переводе Хроники Титмара (Дьяконов 2005: 160), где, однако, Болеслав нападает на русского короля (хотя построение фразы заставляет однозначно предпочесть, вместе с Назаренко, обратное толкование), а также, по недосмотру, выпала дата рукоположения Пражского епископа, 4 ноября, после указания которой описываются переговоры Генриха II с Болеславом. Идею Назаренко, что Брест был Русью утрачен и потому сам явился целью похода Ярослава, я считаю необоснованной.

закладку Святой Софии. Неслучайно поздний редактор заменил его на сообщение о пожаре. Согласно Титмару (VIII, 32), киевский архиепископ торжественно встречал Болеслава, вступившего в Киев 14 августа 1018 г., «в монастыре Святой Софии» (*in sancte monasterio Sofhiae*), сгоревшем в предшествующем году (*in priore anno*), т.е. не позже конца 1017 г. Недостроенная церковь Святой Софии была стерта с лица земли; с точки зрения позднейшего летописца, София была заложена в 1037 г. на месте, где ранее было «поле внѣ града» (ПВЛ 6544/1036–6545/1037).

Оба сообщения, составляющие статью за 6525/1017 г., свидетельствуют о том, что запись строго современна событиям. Ее автор явно не был осведомлен о результате, а возможно, и о целях похода Ярослава. Еще более очевидно, что он не сделал бы запись о закладке церкви после того, как недостроенное здание погибло в пожаре. Запись была сделана летом 1017 г. и может считаться первой годовой статьей древнерусского летописания. Нет основания приписывать этой записи новгородское происхождение (так, без комментария, Гиппиус 1997: 35–36); целиком киевская по содержанию, она была несомненно сделана в Киеве.

Итак, получается, что к тексту Сказания, доведенного до кульминационного момента вокняжения Ярослава и его расчета с новгородцами, была сделана краткая приписка, резюмирующая основные события поздней весны или лета 1017 г. Появление киевской статьи за 6525/1017 г. в новгородских летописях и ее видоизменение в ПВЛ в рамках существующих концепций объяснения не находили. Для нас же очевидно, что она попала в свод Всеволода из его древнего источника и из того же источника перешла в Начальный свод. Эта приписка к Сказанию, вне сомнения, содержала в себе дату. Следует ли из этого заключить, что какие-то даты были проставлены и в самом тексте Сказания? Я оставляю этот вопрос открытым.

II. Паримийные чтения о Борисе и Глебе в их соотношении с летописью

«Исторические» Паримийные чтения о Борисе и Глебе (24 июля) – памятник, как известно, в истории жанра уникальный. Подборки библейских цитат, из которых состоят подобного рода чтения, становятся здесь лишь фоном, искусно оттеняющим рассказ о событиях, последовавших за смертью князя Владимира, и способствующим их моральному осмыслению в свете библейских поучений и сквозь призму событий библейской истории. Два недавних исследования, предлагающие подробный анализ Паримийных чтений, резко расходятся в композиционной оценке текста. В то время как Н. Н. Невзорова (2004: 428) подчеркивает «монументальную целостность замысла» этого «в своем роде совершенного произведения», Н. И. Милютенко (2006б: 216) считает, что «окончательный текст “Исторических” паримий представляет собой мозаичное соединение разнородных элементов, где присутствуют и повторы, и нарушения логики изложения». Не скрою от читателя, что я в целом разделяю первую из этих оценок, соответствующую, как признает и сама Милютенко (см. ниже), тому непосредственному впечатлению, что возникает при прочтении текста. На чем же, в таком случае, основывается оценка Паримийных чтений как мозаики разнородных отрывков?

Утверждение, согласно которому компилятивность текста Паримийных чтений обнаруживается наблюдаемыми в нем повторами, касается по сути одной фразы. В традиционно трехчастных чтениях о Борисе и Глебе включение конкретно-исторического материала в контекст библейских цитат идет по нарастающей и в первом чтении сводится к фразе: «Рекъ тако: “Избию братию свою и буду единъ властель въ Руси”». Лишь во втором чтении мы узнаем, что анонимный доселе братоубийца – это Святополк, который «седѣ Киевѣ, избивая братию свою». То же повторяет Ярослав, объясняя новгородцам, что «Святопълкъ сѣдѣтъ Киевѣ, избивая братию свою». В молитве перед походом Ярослав опять подчеркивает: «Не азъ начахъ избивати братию, нь онъ». И, наконец, в третьем чтении проект избияния братии вкладывается непосредственно в уста (точнее, в мысли) Святополка: «Избю братию свою и прииму власть Рускую единъ». Эти повторы осознаны; они-то и придают смысловое единство тексту, основной темой которого является не столько даже сам подвиг братьев-страстотерпцев, сколько обличение греха братоубийства. Заимс-

твованиями их не объяснишь, если, конечно, не признать, что и сам этот лейтмотив автор чтений позаимствовал из своего источника.

Именно так и объясняет возникновение текста Паримийных чтений Н. И. Милютенко. По мнению исследовательницы, в основе его лежит возникшая уже в 1040-е годы Повесть о борьбе Ярослава со Святополком, она же Повесть о мести Ярослава за убитых братьев (Милютенко 2006б: 235, 238), которая являлась, в своей фактической части, «соответствующим образом отредактированным и украшенным рассказом Древнейшего свода. Автор [ее] не внес ничего нового, кроме обширных цитат из Ветхого Завета и хронографических сочинений» (Милютенко 2006б: 243). Эта Повесть отразилась, через посредство Начального свода, в Повести временных лет. Что же касается автора Паримийных чтений, то он создавал их на базе той же Повести о мести, Паримийника и самой летописи (ПВЛ). Несколько парадоксально исследовательница признает, что «именно [это] сочетание разных элементов создает ту яркость и неповторимость образов, которая заставляет вопреки очевидной логике считать “Исторические” Паримии источником летописи» (Милютенко 2006б: 245).

Компилятор, соединяя отрывки разнородных текстов, редко достигает художественного совершенства. Другое дело, если он свои источники перерабатывает и адаптирует, но это-то как раз и не было дано автору Паримийных чтений в рамках изложенной выше концепции мозаичности текста. Причина этого ограничения ясна. Дело в том, что целью Милютенко, как и ее предшественников (в первую очередь П. В. Голубовского, к идеям которого она во многом близка), является объяснение обширных текстуальных совпадений между Паримийными чтениями и ПВЛ. Поскольку большая часть параллельных пассажей восходит, по мнению исследовательницы, к гипотетическим Древнейшему своду и Повести о мести, их разительная текстуальная близость в дошедших до нас Паримийных чтениях и ПВЛ может быть объяснена лишь тем, что они были переписаны компиляторами-составителями обоих этих текстов практически без изменений. Эта теория многоступенчатой передачи требует столь мало вероятных допущений (чему мы увидим примеры ниже), что становится очевидным, насколько более экономным объяснением текстуального сходства было бы признание генетической связи между обоими текстами, в которой Паримийные чтения, более целостные структурно и своеобразные стилистически, являлись бы исходными. Дальнейший анализ покажет, что данные текстов прекрасно вписываются в эту схему, с тем лишь небольшим уточнением, что Паримийные чтения служат, очевидно, источником не непосредственно ПВЛ, а свода 1090-х гг.

1. Паримийные чтения и источник Н1Л мл. – источник (источника) ПВЛ

Текстуальные параллели между Паримийными чтениями и ПВЛ прослеживаются во втором и третьем чтениях (напомню, что первое практически не несет в себе исторической информации). Между вторым чтением и летописью отмечаются значительные смысловые и отдельные текстуальные совпадения, а текст третьего чтения, составляющего более половины общего объема памятника, читается в ПВЛ почти целиком. Поэтому сравнение паримии с летописью удобнее начать с третьего чтения, анализ которого позволит очертить парадигму соотношения Паримийных чтений с (источником) ПВЛ. Полученные результаты будут подвергнуты проверке при разборе второго чтения в поисках наиболее экономного решения.

Значительный сегмент текста в начале третьего чтения добавляет к двум актам братоубийства, ранее совершенным Святополком, третий – убийство Святослава, бежавшего «въ Угры». Затем он описывает через посредство библейских цитат и тем самым интерпретирует вокняжение Святополка в Киеве, каковое оказывается Божьей карой киевлянам. Тот же сегмент в меньшем объеме читается и в ПВЛ. Здесь и далее я цитирую Паримийные чтения в издании Д. И. Абрамовича и ПВЛ в “критическом” издании Д. С. Лихачева, любопытных тем, что ни тот, ни другой издатель не привлекает параллели, будь то из летописи или из паримии, для критики текста, им самим издаваемого. Несколько показательных проблем установления текста оговариваются *exempli gratia* в примечаниях.

Отъ Бытїя чтение. Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде, устройхъ стража вся дни и вся ноци, иже не уснѣта, ни вздрѣмлетъ, храняща и утвержающа отчину свою, Русьскую землю, отъ супостатныхъ погань и отъ усьбныхъ рати, правьдныи бо и по смърти живъ есть. Сею бо кровь и до коньчины вѣка не прѣстаетъ въпиющи къ Богу на незаконнаго и гордаго Святопѣлка, паче же рѣку – поганопѣлка, безглавнаго звѣри. Не довѣляше бо ему то, нѣ приложи и еще убити Святослава въ горѣ Угорьстѣи, и бѣжавшю ему въ Угры. Начатъ помышляти: «Избью братию свою и прииму власть Рускую единъ». И помысли высокъумиємъ,

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорьстѣи¹⁵, бѣжащю ему в Угры. И нача помышляти яко: «Избью всю братию свою, и прииму власть русьскую единъ». Помысливъ високоумьемъ

а не вѣдый, яко Богъ даеть власть ему же хоцьтъ; поставляеть бо князя и царя Вышньи, емуже хоцьтъ, дасть. Аще убо кая земля оправдиться передь Богомъ, поставляеть царя или князя ей, любяща и судъ и правду, и властеля устряеть, и *судю, правяща судъ*¹⁶. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаються сьгрѣшения; аще ли лукави бывають, то больше зло навѣдитъ Богъ на землю ту, понеже глава то есть земли. Тако бо Исаия рече: «Сьгрѣшиша от главы и до ногу, еже от цесаря до простыхъ людий». «Лютѣ и граду тому, в ньмъ же князь унь», любай вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтъники. Сяковыи Богъ даеть за грехы, а старья и мудрья отъиметь. Отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха. Исаия бо глаголетъ: «Отъимить Господь отъ Иерусалима крѣпость, и крѣпка исполина, и человекъ храбра, и судю, и пророка, и дивна свѣтника, и смѣрена старца, и мудра хьтреца, и разумна послушника; и поставлю уношу князя имь, и ругатели обладають ими» (Абрамович 1916: 118–119).

своимъ, не вѣдый яко «Богъ даеть власть, ему же хоцьтъ; поставляеть бо цесаря и князя вышний, ему же хоцьтъ, дасть». Аще бо кая земля управится предь богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устряеть, и судю, правящаго судъ. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются сьгрѣшенья *земли*¹⁷, аще ли злы и лукави бывають, то болше зло наводитъ богъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: «Согрѣшиша от главы до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людий». «Лютѣ бо граду тому, в немъ же князь унь», любай вино пити с гусльми и съ младыми свѣтники. Сяковыя бо богъ даеть за грѣхи, а старья и мудрья отъиметь,

яко же Исаия глаголетъ: «Отъиметь господь от Иерусалима крѣпкаго исполина, и человекъ храбра, и судю, и пророка, и смѣрена старца, и *дивна совѣтника и мудра хитреца, и*¹⁸ разумна, послушница. Поставлю уношу князя имь, и ругателя обладающа ими» (ПВЛ: 94–95).

- 15 Только Лавр. сохранила чтение «в горе оугорьстѣи», параллельное Пар. чтениям. Чтение Ипат. и Радз. «ко горѣ...» принято всеми издателями, кроме Шахматова. Шахматов, внимательный к параллелям из Пар. чтений, не только сохраняет чтение Лавр. «в горѣ», но и исключает предшествующее деепричастие «пославъ», засвидетельствованное всеми рукописями ПВЛ. (Островски 2003: 1114). Следует читать, согласно Лавр., «оуби Святослава, пославъ, в горе оугорьстѣи», памятуя, что абсолютное употребление деепричастия «пославъ», калька с греческого, не требует дополнения (ср. «пославъ, приведе мастера от Грикъ» в описании постройки Десятинной церкви).
- 16 Выделенное курсивом чтение засвидетельствовано рукописями, но не внесено в текст Абрамовичем, хотя параллель с ПВЛ ратует за его первичность.
- 17 Лихачев внес в свой текст выделенное курсивом чтение Радз., вторичность которого показывается отсутствием его не только в Лавр. и Ипат., но и в Пар. чтениях.
- 18 Выделенный курсивом текст выпал в Лавр. и не был внесен в текст Лихачевым, хотя первичность его свидетельствуется всеми остальными рукописями ПВЛ и Пар. чтениями.

Рассматриваемый сегмент стоит в ПВЛ вне нарративного контекста, после разрывающей описание событий похвалы Борису и Глебу и перед повторным сообщением о вокняжении Святополка в Киеве. Тем самым в летописи, в отличие от Паримийных чтений, он не играет роли в развитии сюжета. То, что он является в летописи вставкой, очевидно и для Милютенко, но тут-то и находит применение созданный ею концепт Повести о мести Ярослава. Именно из этого «памятника 1040-х гг.» наш пассаж якобы и переходит «около 1076 г. в Никоновский свод» и далее, не изменяясь, через все этапы становления летописного текста в ПВЛ. Определенное затруднение вызывает тот факт, что разбираемый пассаж отсутствует в Н1Л мл., в которой по шахматовской схеме отложился Начальный свод 1090-х г., промежуточный между «Никоновским сводом» и ПВЛ; приходится предположить, что он стал жертвой сокращений, проведенных уже на новгородской почве (Милютенко 2006б: 99–100). Столь же мало подвергаясь редакционной обработке, наш сегмент переходит из Повести о мести в Паримийные чтения.

Поистине удивительна устойчивость текста, который сохранил столь разительную близость в двух дошедших до нас ипостасях, летописной и паримийной, якобы пройдя через столько компиляций! Но что же заставляет нас приписать ему столь сложную историю? Приведенный отрывок составляет примерно пятую часть всего объема Паримийных чтений и несет в себе типические черты этого текста, как то изобилие цитат и моральных сентенций. Если признать, что эти черты присущи уже гипотетической Повести, то и по стилю, и по характеру привлекаемых источников она оказывается прообразом паримии, а фабулы в ней, как видно, не было и вовсе, ибо, согласно Милютенко, всю сюжетную линию автор чтений извлек из ПВЛ. Концепт Повести о мести оказывается столь расплывчатым и неудобным к употреблению, что остается признать либо прямое заимствование летописцем из паримии – как пример такового приводил этот отрывок Шахматов (1916/2002: 46) – либо заимствование обратное. В последнем случае пришлось бы предположить, что автор чтений искусно надстроил текст, обыграв цитату из Псалтыри («Стѣнамъ твоимъ...»), и еще более искусно ввел в него фразу: «Отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха», так чтобы последующая цитата из Исаии цеплялась за упоминание Иерусалима. Не сомневаюсь, что эта фраза была, наоборот, сокращена летописцем¹⁹. В самом деле, увлекшись нагромождением цитат, автор чтений создал логическую последовательность, весьма

¹⁹ Как отмечает Шахматов (1916/2002: 53), «трудно предположить, чтобы эта фраза была сочинена составителем паримии позднее тех рассуждений, в которые она вставлена».

нелестную для князя Владимира: вначале мы читаем, что Бог усугубляет наказание той земли, чей властитель не праведен, затем следует пассаж о земле, согрешившей «от цезаря до простых людей», а затем как наказание за грехи появляется Святополк.

Финальный сегмент третьего чтения, непосредственно примыкающий к рассмотренному выше, описывает и осмысляет решающую битву между сыновьями Владимира, а затем бегство и гибель Святополка. Он строится по большей части из библейских параллелей и цитат. Почти весь текст сегмента читается и в ПВЛ, где параллельный отрывок почти на треть длиннее. Это заметное расширение в объеме происходит за счет двух дополнительных пассажей, в которых просматриваются текстуальные совпадения с НЛ мл. Динамика становления текста, отложившегося в ПВЛ, раскрывается через анализ параллелей из обоих названных источников. Лишь составив себе представление о том, как сложился дошедший до нас текст летописи, мы сможем критически оценить заложенную в нем историческую информацию.

И прииде Ярослав в силѣ велицѣ и ста на Лѣ поле, идеже убиша Бориса. И възрѣвъ на небо и рече: «Кровь брату моею выпьетъ к Тебѣ, Владыко! Мести кровь правдѣную якоже мстилъ еси кровь Авьлеву и положилъ на Каинѣ стѣнание и трясение; тако положи и на семь оканьгѣмъ». И помоливъся и рече: «Брата моя, аще теломъ отшъла еста отсуду, нѣ молитвою ми помозита на противнаго сего и убишца гордаго!». И се ему рекшю, и поидоша противу сему, и покрыша поле Лѣтское обои от множества вой. Бѣ жь пятькъ тѣгда, възходящю солнцю, приспѣ бо о тѣ чинѣ Святопѣлкѣ с пѣченѣгы и съступишася обои. И бысть сѣча зла, якаже не была въ Руси. И за руки ся емлюще сѣцаху, и по удолимѣ кровь тѣчаше, и съступишася тришды, и омеркоша биущеся. И бысть громъ великъ и тутѣнь, и дождь великъ, и мѣлния блистание. Егда же облистаху мѣлния, и блистахуся оружия в рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помагающа Ярославу. Святопѣлкѣ же, давъ плещи, побѣжъ.

...и бѣжа Святопѣлкѣ в Печѣнѣгы. В лѣто 6527. Приде Святопѣлкѣ с печенѣгы в силѣ тяжцѣ, и Ярославъ собра множество вой, и изыде противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вопъеть к тобѣ, владыко! Мести от крове праведного сего, якоже мстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясение; – тако положи и на семь». Помоливъся и рекъ: «Брата моя, аще еста и тѣломъ отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцо и гордаго». И се ему рекшю, поидоша противу собѣ и покрыша поле Лѣтское обои от множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, възходящю солнцю,

и съступишася обои, бысть сѣча зла, якаже не была в Руси. И за руки емлюще сечахуся, и сступашася тришды, яко по удолимѣ кровь теци.

<p>Егоже по правдѣ, яко неправедна, суду пришьдошно по отшъствии <i>сего свѣта</i>²⁰, прияша муки оканьнаго, показавъше явѣ, посланая пагубная рана въ смърть не милостиво въгна. И по смърти вѣчно мучно есть, связанъ есть в дѣно аду,</p> <p>понеже вѣдая и братоубиство створи.</p> <p>7 бо мьстии створи Каинъ, убивъ Авеля, а Ламѣхъ 70, понеже Каинъ не вѣдый мьщения створи, а Ламѣхъ вѣдый казнь, бывъшую на прародитѣли своемъ, убийство створи. А Святоплькъ вѣдае</p>	<p>К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святоплькъ бѣжа. И бѣжащю ему нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаще сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ. Принесоша и къ Берестью, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ». Отроки же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?» И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Онъ же в немощи лежа, и въсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню между Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте.</p> <p>Его же по правдѣ, яко неправедна, суду <i>нашедишо на нь</i>, по отшествовии сего свѣта прияша муки, оканьнаго. Показоваше явѣ .. посланая пагубная рана, в смърть немилостиво въгна, и по смрти вѣчно мучимъ есть связанъ.</p> <p>Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходитъ же от нея смрадь золь. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ, да аще сии еще сиче же створять, се слышавше, ту же казнь примуть, но и больши сее, понеже, вѣдая се, створять такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70. Понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья пряти от бога, а Ламехъ вѣдый казнь, бывшую на прародителю его, створи убийство.</p>
--	--

20 Абрамович не включил в свой текст слова, выделенные курсивом, хотя они засвидетельствованы не только в большинстве использованных им рукописей и в параллельном тексте ПВЛ, но также и в Хронике Амартола, из которой заимствован весь пассаж (ср. комм. ПВЛ 1950, ad loc.). С Амартолом совпадает и чтение паримии «пришьдошно», что однозначно свидетельствует о первичности этого чтения Ипат., воспринятого Шахматовым, а не «нашедишо на нь» Лавр. и Радз., предподчтенного Лихачевым.

створи, и обою сию гории бысть мука. Рече бо Ламѣхъ своимъ женама: «Мужа убихъ во врѣдъ мнѣ и уношо в язву мнѣ, темъ же, рече, 70 мести на мнѣ, поне вѣдае створихъ се». Ламѣхъ уби два брата Енохова и поятъ собѣ женѣ ею. Сѣи же Святопѣлкъ новый Ламѣхъ бысть, иже ся убо родиль бѣ отъ прѣлюбодѣяннѣ²¹, иже изби братью свою сыны Гѣдеоновы. Послѣди же жена самого уломкомъ жърнова уби с города. Тако же и сѣ Святопѣлкъ. (Абрамович 1916: 119–121).

Рече бо Ламехъ къ своимъ женама: «Мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношо в язву мнѣ, тѣмъ же, рече, 70 местий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова и поя собѣ женѣ ею. Сей же Святопѣлкъ, новый Авимелехъ²², иже ся бѣ родиль отъ прелюбодѣяннѣ, иже изби братью свою сыны Гедеоны; тако и сѣ бысть (ПВЛ 1950: 97–98).

Два значительных расхождения между обоими текстами вновь свидетельствуют об адаптации паримийного текста в летописи. В первом случае автор чтений развивает идею о том, что вина и наказание библейского Ламеха, который сотворил братоубийство «ведая», то есть зная о наказании Каина, гораздо тяжелее, чем вина самого Каина, который убил брата до того, как Бог это преступление впервые осудил и покарал. Эти рассуждения подводят автора чтений к казусу Святопѣлка: «А Святопѣлкъ вѣдае створи, и обою сию гории бысть мука». Летописец же опускает эту фразу и, дабы придать урокам библейской истории более широкое звучание, вставляет предупреждение «княземъ русьскимъ», что если и они «сице же створять», то будут в полной мере наказаны за “сознательное” братоубийство. То, что привнесенный им пассаж разрывает изложение, последовательно читающееся в паримии, признает и Милютенко (2006б: 231). Столь же очевидно, и к тому же стилистически неуклюже, сокращение фразы о женщине, сбросившей жернов на голову “Ламеха”. Летописец, вероятно, почувствовал, что автор чтений чрезмерно увлекся библейской параллелью: хоть Святопѣлк и был братоубийцей, как и Авимелех, жернов ему никто на голову не кидал. В результате сокращения выпал элемент наказания

- 21 Здесь Абрамович внес в свой текст дополнительное уточнение, «отъ чърнорицѣ». Поддержанное лишь частью рукописей, оно отсутствует в ПВЛ и имеет все шансы оказаться вторичным чтением.
- 22 Лихачев, вслед за Шахматовым, вносит в текст своего издания исторически правильное имя Авимелех, которое появляется в результате независимых исправлений в Лавр. и в Хлеб. В Ипат. и в обоих списках Радзивилловской летописи стоит имя Ламех. Отмечу, что в работе 1908 г. Шахматов (1908/2002: 55) доказывал изначальность чтения «Ламех» в летописи, воспринявшей эту ошибку из паримии.

Авимелеха, для общей назидательности необходимый, но также добавилась важная индикация первичности паримийного текста. В самом деле, рассматривая обратный вариант, в котором паримия дополняет позаимствованный из летописи пассаж, нам пришлось бы признать, что автор Паримийных чтений, опознав в “Ламехе” Авимелеха, внес в свой текст эпизод из его биографии (восходящий, как и все сведения об Авимелехе, к Амартолу, см. Невзорова 2004: 438), *не исправив имя библейского персонажа*.

Заслуживает внимания и другое заимствование из Амартола, заключающееся в загадочной фразе о пагубной ране и посмертном наказании Святополка (в оригинале Ирода). Эта фраза, практически идентичная в паримии и в ПВЛ, представляет собой сокращение соответствующего пассажа славянского перевода Амартола, в котором, впрочем, невозможно разобраться, не приведя его греческий оригинал (на котором основан мой перевод):

<p>Егоже по правдѣ, яко неправеднаго суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияша муки оканьнаго, показавше явѣ <u>образъ абье приять сего от Бога</u> послана рана пагубная въ смърть немилостивно въгна (Матвеевко, Щеголева 2006, I: 354).</p>	<p>“Ὅνπερ ἐνδίκως ὡς ἄδικον ἢ δίκη μετελθοῦσα τὰ μετὰ τὴν ἐνθένδε ἀπαλλαγὴν διαδεξόμενα τὸν ταλαίπωρον κωλαστήρια διεδείκνυ φανερώς προοίμια. Εὐθὺς γὰρ καταλαβοῦσα τοῦτον θεήλατος καὶ ὀλέθριος μάλιστα εἰς θάνατον ἀργαλέον συνήλασεν (Georgius Monachus. Chronicon, ed. C. De Boor, Leipzig 1904, I, 309–310).</p>	<p>Постигший же его праведно, как неправедного, суд явно показал начатки тех мук, которые воспримет окаянный по отшествии сего света: ведь вскоре настигший его посланный от Бога пагубный бичь вогнал его в злую смерть. (Следует описание болезни Ирода.)</p>
---	---	---

Греческий текст Амартола в этой фразе очень непросто, и славянский переводчик с ним не справился: ни синтаксической конструкции, ни отчетливого смысла в славянском тексте нет. Автор Паримийных чтений выкинул полную бессмыслицу в середине фразы, чтобы сохранить понравившуюся ему общую идею: злая смерть Святополка (о которой он читал в источнике НІЛ мл., но собственных сведений не имел) явилась лишь предвосхищением мук, предстоящих ему на том свете. Шахматов (1908/2002: 54) почувствовал, что фраза неисправна (к его изданию ПВЛ восходит многоточие в печатном тексте, воспроизведенное Лихачевым), но не опознал ее источника (на который укажет Истрин в своем издании Хроники Амартола), а потому не мог знать, что порча коренится, собственно, в переводе. Вместо того, чтобы признать паримию за источник сокращения, он предположил для обоих текстов общий источник: Началь-

ный свод. Ирония заключается в том, что, как известно, по Шахматову, составитель Начального свода не имел доступа к хронике Амартола, а лишь к ее адаптации в Хронографе по великому изложению. Возводить же это заимствование к Хронографу нет основания, так как текст Хронографа содержал – насколько можно судить по тексту Летописца Еллинского и Римского (Творогов 1999: 203) – ряд характерных мелких разночтений («суду пришедша», а не «пришьдшо»; «окаяннаго мукы», а не «муки окаяннаго»; «немилостивную», что ближе к греческому, а не «немилостивно»), удаляющих его от версии паримийно-летописной. Привожу этот казус как пример потерявших актуальность соображений Шахматова, которые без надобности усложнили предложенную им схему соотношения летописного текста с паримийным.

Два пассажа ПВЛ, не находящие параллели в Паримийных чтениях, обнаруживают разительную близость с текстом Н1Л мл. и тем самым подводят нас к классической проблеме соотношения обеих основных редакций древней летописи. Итак, сравним повествование о бегстве, смерти и смердящей могиле Святополка в ПВЛ с параллельным текстом Н1Л мл.:

<p>И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы,</p> <p>и бысть межѣ Чахы и Ляхы, никим же гонимъ пропаде оканньи, и тако злѣ живот свой сконча; яже дымъ и до сего дни есть (Н1Л мл.: 175).</p>	<p>... а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему нападе на нь бѣсь, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти <i>на кони</i>, и несяхуть и на носилѣхъ. Принесоша и къ Берестью, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ». Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?» И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Онъ же в немощи лежа, и възсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ божимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню между Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животь свой <i>в томъ мѣсте</i>. [фраза из Пар. чтений]</p> <p>Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходитъ же от нея смрадъ золь (ПВЛ : 98).</p>
--	---

Разительная диспропорция в объеме текста, казалось бы, наводит на мысль, что версия Н1Л мл. представляет собой сокращение текста ПВЛ. На мой взгляд, однако, дело обстоит не так, и диспропорция оказывается мнимой. Три наблюдения могут прояснить процесс становления текста.

Как недавно справедливо напомнил С. М. Михеев (2006: 451), выражение «бысть межѣ Чахы и Ляхы» идиоматично и означает «был неизвестно где» (ср. Ильин 1957: 156–157). Как столь же справедливо указал мне в разговоре А. Гиппиус, выражение это могло быть выбрано неслучайно, так как Святополк бежал на запад. Однако неслучайно и то, что в Н1Л

мл. это указание не ассоциируется с конкретным местом: Святополк бежал далеко, и там его настигла злая смерть (ср. ниже). Конкретизация места, как в форме некоей пустыни между Польшей и Чехией, так и в форме смердящей могилы, появляется лишь в ПВЛ. Никакой реальной информации при этом не добавляется. Неужто новгородский сводчик убрал конкретную локализацию, чтобы лучше обыграть идиому? Мне в это поверить трудно.

Еще более показательное второе расхождение между текстами. Только в ПВЛ описана сцена, где Святополком овладевает бес, или в современном понимании постстрессовый шок, и одновременно мания преследования: князь верит, что за ним идет погоня, в то время как на самом деле «не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго». Затем в ПВЛ поясняется, что Святополк был все же «гонимъ божьимъ гнѣвомъ». НІЛ мл. содержит несомненную текстуальную параллель «никим же гонимъ», но в совершенно ином смысле. В ПВЛ Святополк бежит без того, чтобы за ним гнались, и эта ситуация порождает забавный диалог князя с отроками, которые в отличие от него погони не видят, и еще более забавную (хоть, быть может, не для отроков) сцену пробежки с носилками от Киева до Бреста. НІЛ мл. кратко указывает, что окаянный князь «никим же гонимъ пропаде», и тем отсылает нас к базисной парадигме Святополка-Каина, заданной в летописной статье 6523/1015 г. Наказание Каина принадлежит Богу, а не людям, и потому Святополк «пропадает» без того, чтобы Ярослав принимал к тому собственные меры. Трудно поверить, что эту идею походя привнес новгородский сводчик-компилятор, сокращая забавную сценку.

Об обстоятельствах смерти Святополка автор описания, сохраненного в НІЛ мл., явно не имел ни малейшего представления. Более того, текст фразы по изданию А. Н. Насонова в первой своей части тавтологичен: Святополк погиб и тем самым плохо окончил жизнь («никим же гонимъ пропаде оканнии, и тако злѣ живот свой сконча;»); вторая часть фразы («яже дымъ и до сего дни есть») кажется и вовсе непереводимой. Следует восстановить относительную конструкцию тако – якоже: «... никим же гонимъ пропаде оканнии, и тако злѣ живот свой сконча, я[ко]же дымъ и до сего дни есть». Святополк погиб, никем не преследуемый, и смерть его была столь ужасна, что дым до сих пор клубится на месте его гибели.

В ПВЛ этот яркий и необычный образ конкретизировался в могилу, издающую смрад. Чтобы объяснить это превращение, следует привлечь описание гибели Святополка в Чтении Нестора: «Бывает бо смерть грѣшнику люта: мнози бо глаголють в рачѣ его видѣвшие суца тако, яко же и Ульяния законопреступнаго». Посетители могилы Святополка утверждали, что видели его пребывающим во гробе в том же состоянии, что и Юлиан

Отступник. Это свидетельство показалось странным одному из переписчиков Чтения, исправившему «рачѣ» на «мрацѣ»²³. Вряд ли эту поправку можно признать удачной: получается, что названные «мнози» посетили Святополка в присподней. Внесенное в текст Милютенко (2006б: 350), это позднее чтение ни текстологически, ни по смыслу не оправдано. На самом же деле описание Нестора поддается истолкованию через сопоставление с версией ПВЛ. К объяснению этой последней привлекались свидетельства позднеримских церковных историков, согласно которым Юлиан, за время перевозки тела из Месопотамии в Тарс, изрядно провонял. Но даже если эти сведения и были доступны древнерусским книжникам, они не сопоставимы напрямую с казусом Святополка. Решающим для истолкования интересующих нас пассажей оказывается недавно опубликованное описание гробницы Юлиана в Константинополе, современное Нестору и ПВЛ: «*Sepelitur et ibi Julianus Apostata, de cuius tumba fluit teterrimus liquor ut p̄ix cum fetore*»²⁴, что означает в переводе: «Похоронен там и Юлиан Отступник, из гробницы которого течет мерзейшая жидкость, наподобие вонючей смолы». Думаю, что и оборот «в рачѣ ... суца» был использован Нестором неслучайно. Равно как мироточение и благоухание мощей воспринималось как проявление присутствия в раке святого, обратные свойства останков Юлиана, распространенные и на останки Святополка, указывали на его заключение в гробнице. Уподобление могилы Святополка гробнице Юлиана эксплицитно в Чтении, имплицитно в ПВЛ (где его следует возвести к ее источнику, своду 1090-х гг.), но в обоих текстах оно отражает представление о конкретном захоронении, местоположение которого известно. В источнике Н1Л мл. подобное представление отсутствует. Автор же анонимного Сказания о Борисе и Глебе не понял найденное им в Чтении сопоставление Святополка с Юлианом и свел его к общему месту.

Завершая сличение третьего паримийного чтения (за исключением последней фразы, которую я приведу ниже) с параллельным текстом ПВЛ, нам остается дополнить сопоставление описания битвы, к которому необходимо привлечь и соответствующее описание в Н1Л мл.:

23 Предлагались и современные поправки к тексту: «всьмърдевьша» вместо «видевше суца» (Шахматов), «в ране» вместо «в рацее» или «в рачѣ» (Бугославский), см. Бугославский 2007: 269, ср. 586.

24 Могилы Юлиана описана в путеводителе по Константинополю середины XII в. (Сиггаар 1973: 340), который содержал, как мне уже приходилось указывать (Вортли, Цукерман 2004: 73), сведения, хорошо знакомые и русским посетителям византийской столицы.

<p>И бысть сѣча зла, оже за руки емлющеса сѣчаху и по удолиемъ кровь течаше;</p> <p>мнозѣ вѣрнии видяху аггелы божия помагающа Ярославу (НІЛ мл.: 175).</p>	<p>И бысть сѣча зла, якаже не была въ Руси. И за руки ся емлюще сѣцаху, и по удолиемъ кровь тѣчаше, и съступишася тришѣды, и омеркоша биющеса. И бысть громъ великъ и тутѣнь, и дождь великъ, и мълнія блистание. Егда же блистаху мълнія, и блистахуся оружия в рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху аггелы помагающа Ярославу (Абрамович 1916: 120).</p>	<p>бысть сѣча зла, яка же не была в Руси. И за руки емлоче сечахуся, и сступашася тришѣды, яко по удолямъ кровь теци. (ПВЛ 6527).</p> <p>И бывши ноци, бысть тма, молонья, и громъ и дождь. (...) И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блецца-шетъся оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна (ПВЛ 6532).</p>
---	---	---

Общая фраза «яка же не была в Руси» указывает на более тесную связь текста ПВЛ с паримией, чем с НІЛ мл. Но который же из текстов послужил источником другого? Как видно из таблицы, параллельный Паримийным чтениям пассаж ПВЛ разделен между двумя летописными статьями, из коих первая описывает, как и паримия, битву Ярослава со Святополком (6527), а вторая сражение с Мстиславом у Листвена пять лет спустя (6532). Описание в ПВЛ тавтологично и неуклюже («и бысть сѣча силна ... и сѣча силна и страшна», гроза упоминается дважды), в паримии оно отточено и четко. Идея о том, что автор Паримийных чтений составил свое описание, подбирая элементы из двух летописных статей, отнюдь не кажется очевидной, и тем не менее такова была позиция Шахматова (1908/2002: 52), основным аргументом которого было отсутствие ангелов в ПВЛ: «Еще менее ясно, как решился выпустить летописец такую подробность предполагаемого своего источника, как явление ангелов, помогавших Ярославу». Механика выпадения ангелов, однако, достаточно ясна. Тогда как в паримии бой со Святополком затягивается затемно, летописец завершает его при наступлении сумерок, а элементы описания ночного боя, как то блеск оружия при свете молний, переносит на Лиственскую битву. Ангелы принимают участие в паримии (как и в НІЛ мл.) именно в ночном бою, ибо они представлялись, очевидно, как некие светлые тела, подобно молниям блиставшие во тьме. Потому и летописец не переместил ангелов в описание дневного боя, а их явление в Лиственской битве, проигранной Ярославом, было б неуместно. Отмечу также, что само по себе описание этой битвы вызывает недоумение. Противники намеренно сходятся на поле боя («исполчивъ дружину»: речь не идет о случайной стычке) не только после наступления темноты, но и в сильнейшую грозу, чему я других примеров не знаю. Не сомневаюсь, что эти детали объясняются стремлением летописца найти применение ранее не востребованным элементам паримийного описания битвы.

Итак, есть основания признать и здесь, как и в разобранных выше пассажах, первичность паримии по отношению к ПВЛ. Одновременно подтверждается классическая, по Шахматову, схема соотношения НІЛ мл. и ПВЛ, в которой первая отражает источник второй. В самом деле, мое представление о соотношении разбираемых текстов можно в целом определить словами Шахматова (1908/2002: 53), который писал, что «летопись – и притом в своде, во всяком случае не старше Начального свода», послужила «источником фактической части паримии», тогда как паримия в ее «философско-лирической части» послужила, наоборот, «источником соответствующего текста летописи» на уровне ПВЛ. По причинам, на мой взгляд более не актуальным (выразительный пример был рассмотрен выше), Шахматов свою схему чрезвычайно усложнил в деталях. Я же стремлюсь убедить читателя вернуться к ее базисной формулировке. Все текстуальные данные, как уже разобранные, так и подлежащие рассмотрению, поддаются объяснению, если признать, что тот летописный источник, который отложился в НІЛ мл., лег в основу событийной канвы Паримийных чтений, а сами чтения были привлечены, наряду с их летописным источником, при составлении свода, который отложился в ПВЛ.

2. Сложение рассказа о походе Ярослава на Киев

Обстоятельства похода Ярослава на Киев описаны в НІЛ мл. и в ПВЛ в общем сходно, но читателю, имеющему опыт сличения обеих летописей, бросается в глаза именно избыток мелких расхождений между текстами. В самом деле, в тех весьма значительных пассажах, где текст НІЛ мл. и ПВЛ параллелен, он как правило идентичен. При том, что ПВЛ зачастую интерполирует и дополняет текст источника, представленного для нас НІЛ мл., она почти никогда не пересказывает его своими словами, как то, казалось бы, происходит в статьях за 6523–6524/1015–1016 гг. Случай этот, в своем роде единственный, не был обойден вниманием исследователей. Лишь за последние несколько лет ему были посвящены специально две статьи (Мюллер 2005/6; Лукин 2007) и часть третьей (Вилкул 2003а: 14–20), причем Т. Вилкул и Л. Мюллер ратуют за первичность текста ПВЛ, а П. В. Лукин отстаивает, вслед за Шахматовым и Пресняковым, изначальность и большую аутентичность того текста, что ныне читается в НІЛ мл. Я разделяю это последнее мнение, но отсылая читателя к статье Лукина (чьи аргументы я здесь пересказывать не буду), я все же с удивлением отмечаю, что ни в одной из названных работ Паримийные чтения не привлекались. Мы же обнаружим, что именно этот текст и является связующим звеном между обеими летописями и что почерпну-

тые в нем элементы объясняют ту трансформацию, которую претерпел текст «Начального» свода при переходе в ПВЛ. Начнем опять с того, что представим все три текста параллельно:

<p>В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиле дѣяти на мужатыхъ женахъ. Ркоша новгородци: «сего мы насилъ не можемъ смотрити», и собрашася внощъ, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту нощъ сущу на Ракомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче иже бяху Варягы ти исѣклѣ, а друзии бѣжаша изъ града.</p> <p>И в ту же нощъ ис Кыева сестра Ярославля Передслава присла к нему вѣсть рехши: «Отець ти умерлъ, а братья ти избиена».</p> <p>И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: «любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера в безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ». И тако рче имъ: «братъе, отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ, хощу на него поити, потягнете по мнѣ».</p>	<p>Отъ Бытия. Слышавъ Ярославъ, яко отьць ему умрѣ, а Святопѣлкъ седѣ Кыевѣ, избивая братию свою, уже бо бѣ Бориса убилъ, а на Глѣба послалъ, и печалень бывъ велми о отьци и о брате. Уби бо Бориса на Лтѣ, а Глѣба на Дънѣпри, обѣ сю страну Смольньска.</p> <p>Съжаливъ же си велми, и съзва Новгорѣдци и рече имъ: «Отець мой умърлъ, а Святопѣлкъ сѣдитъ Кыевѣ, избивая братию свою» – бѣ бо и самъ о ть чинъ разгозынь с Новогородьци, и не хотяху ему помогати на Святопѣлка. Помянуша апостольское слово [цитата].</p>	<p>Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилъе творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху исѣкли варягы, и обльстивъ я исѣче.</p> <p>В ту же нощъ приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы си: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, и блюдися его повелику». Се слышавъ, печалень бысть о отци, и о братъи и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородецъ, Ярославъ рече: «О любя моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе». Утерлъ слезъ и рече имъ на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ седитъ Кыевѣ, избивая братью свою».</p>
--	--	--

<p>И рѣша ему новгородци: «а мы, княже, по тобѣ идемъ». И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000,</p> <p style="text-align: right;">и поиде на нь (НІЛ мл.: 174–175).</p>	<p>И рѣкоша Новгородци: «можемъ, княже, боротися по тебе». И събра Ярославъ Варягъ 6000, а прочихъ вои 30 тысящъ, поиде на Святопѣлка, въсприимъ Аврамлю доблесть. [Дигрессия про Авраама]. Тако и сии Ярославъ, новии Аврамъ, поиде на Святопѣлка, нарекъ Бога, си рекъ: «не азъ начахъ избивати братию, нь онъ, да будетъ Богъ и кровь брату моею, зане без вины пролия кровь правдѣную сию» (Абрамович 1916: 116–117).</p>	<p>И рѣша новгородци: «аще, княже, братья наши исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочихъ вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: «не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместъникъ богъ крове братья моя, зане без вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную. Еда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грешнаго.» И поиде на Святополка. (ПВЛ: 95–96).</p>
--	---	--

Подробный обзор исследований, включающих сопоставление обоих летописных текстов (Паримийные чтения и в них не привлекаются), дан Лукиным; читатель найдет у него убедительное опровержение утверждений Вилкул о «скоплении поздних оборотов», «нагромождении поздних черт» и т. д., якобы наблюдаемых в тексте НІЛ мл. Эта полезная работа позволяет нам непосредственно перейти к сличению текстов, которое удобнее всего начать с той очевидной вставки, каковой является в ПВЛ молитва Ярослава. Она неуклюже вводится фразой «и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ», первая часть которой затем продублирована после прямой речи. На вставной характер молитвы Ярослава в ПВЛ и на близость ее паримийной справедливо указывает Милютенко (2006б: 226–227, ср. Лукин 2007: 13); впрочем, по мнению исследовательницы, «и Паримию нельзя считать первичной», ибо и в ней фраза «поиде на Святопѣлка» повторяется дважды. Это последнее утверждение оспорил А. Е. Мусин (2006: 275), указав на стилистическую оправданность повтора в паримии, где обе фразы разделены длинной дигрессией, развивающей сравнение Ярослава с Авраамом. Поэтому нет причины искать для молитвы Ярослава, несколько расширенной в ПВЛ, иной источник, чем Паримийные чтения, где эта молитва изначальна.

Привносной характер молитвы Ярослава особенно резко выделяется при сравнении ПВЛ с НІЛ мл. В самом деле, от исследователей памятников борисо-глебовского цикла полностью, как мне кажется, ускользнул

важнейший показатель стратификации этих памятников: появление образа Ярослава как мстителя за братьев. Этот образ традиционно помещается у истоков зарождения культа братьев-страстотерпцев, якобы служившего легитимации и укреплению власти Ярослава (Соловьев 2007, с подробной историографией вопроса). Однако подобная конструкция ни на чем не основана. Н1Л мл., вобравшая, как я показываю ниже (Ш,3), свод 1076 г., не содержит ни намека на подобную интерпретацию действий Ярослава. Чтение Нестора, написанное немного лет спустя, также никак не связывает действия (или, точнее, бездействие) Ярослава с судьбою братьев. Образ Ярослава-мстителя впервые появляется в Паримийных чтениях, из них он переходит в ПВЛ, а из ПВЛ – в анонимное Сказание о Борисе и Глебе.

Любопытна постепенная трансформация извещения Передславы. Реликтовая формулировка, сохраненная по недосмотру в источнике Н1Л мл., «Отець ти умерлъ, а братья ти избиена», вступает в противоречие с новой, ставшей общепризнанной версией гибели Глеба и требует переосмысления. Поэтому автор Паримийных чтений превращает уже совершившийся факт («братья ти избиена») в текущий процесс («избивая братию свою») и тут же поясняет: «уже бо бѣ Бориса убиль, а на Глѣба послалъ». Источник ПВЛ сохраняет эту последнюю формулировку в своей версии извещения Передславы, а первую использует немного ниже.

Описание событий в Н1Л мл. кратко и точно в деталях. Ярослав «кормил» варягов, ибо не считал свою новгородскую дружину достаточной для войны с Киевом, но в самый ответственный момент оказался перед тяжелым выбором. Простив новгородцам избиение варягов, сотворивших насилие над замужними женщинами, он вынужден был бы расстаться с варяжским отрядом, который лишь искал бы случая отомстить новгородцам за убитых родичей и собратьев по оружию. Поэтому инициативу отмщения князь принял на себя, строго ограничив его рамки: «обольстив» и собрав новгородскую дружину (гражаны = вои славны тысящу), он придал смерти исключительно тех, кто был виновен в избиении варягов, а остальным дал бежать («исѣче иже бяху Варягы ти исѣклѣ, а друзии бѣжаша изъ града»). Эта ключевая фраза теряет четкость в пересказе ПВЛ, где говорится, что Ярослав «позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, и обльстивъ я исѣче». Здесь выпадает важнейшее указание на то, что воинов-горожан, не причастных к убиению варягов, Ярослав не тронул, и создается впечатление, что нарочитые мужи Новгорода купно участвовали в избиении и были поголовно истреблены. Предшествовавшая походу на Киев разборка между варягами и новгородцами не повлияла на боеспособность ни варяжского отряда, ни новгородской дружины, и вряд ли стоила жизни более чем несколькими десяткам воинов; в ПВЛ и в идущих за ней современных исследованиях она

превращается в Варфоломеевскую ночь (напр. Буров 1994: 10–14). Однако, покарав новгородцев, Ярослав должен был вновь заручиться их поддержкой, ибо вести войну с одними варягами он тоже не мог.

Ярослав обеспечивает себе поддержку новгородцев своим выступлением на вече, смысл которого был очень верно истолкован Милютенко (2006б: 100, ср. Лукин 2007: 11–12). Князь винится в избиении дружинников, но утверждает, что в настоящий момент («топѣрво») он не с состоянием выплатить компенсацию за их смерть. Этой компенсацией становятся те щедрые выплаты Ярослава новгородцам, которые описаны в НІЛ ст. и мл. (но не в ПВЛ).

В самом деле, наши три источника разительным образом расходятся в объяснении мотивации участия новгородцев в походе на Киев. Бросается в глаза, что в НІЛ мл. Ярослав не сообщает новгородцам о братоубийстве, совершенном Святополком; семейные проблемы князя их явно не волнуют. Смерть Владимира была для Ярослава провиденциальной, и каждый новгородец это знал; горевать по отце, с которым ему предстояло воевать, Ярославу было б неуместно, и в НІЛ мл. об этом нет и речи. Ярослав призывает новгородцев к походу против старшего брата, занявшего отцовский трон, не затрудняясь моральным оправданием этой попытки узурпации престола («хощу на него поити»), и те принимают это предложение как форму материальной компенсации. Оттого-то расплата Ярослава с новгородцами и становится кульминацией Сказания 1016/7 г., легшего в основу НІЛ ст. Открытый цинизм речи Ярослава, сохраненной в НІЛ мл. и восходящей к Сказанию, способствовал ее радикальной переработке как в Паримийных чтениях, так и в ПВЛ. Паримия привносит «печаль» Ярослава по отце и упоминание о судьбе братьев, а присоединение новгородцев к походу объясняет исполнением апостольского завета о повиновении власти придержащим. Поскольку автор чтений полностью устранил сюжет о готовящейся войне отца с сыном, у него мотив печали Ярослава «о отци» звучит менее фальшиво, чем в ПВЛ, где основной сюжет сохранен, и тем не менее осиротевший Ярослав проливает слезы на вече и берет новгородцев на жалость. Упомянутая им судьба Бориса и Глеба напоминает новгородцам об избиении их собственных братьев, и именно эта мысленная ассоциация странным образом способствует их выступлению на стороне Ярослава.

Любопытно, что в ПВЛ новгородцы изъявляют готовность идти на Киев без того, чтобы Ярослав их к этому призвал. Сличая все три версии рассказа, легко понять, как выпал этот призыв. Призыв Ярослава заключал в себе, в НІЛ мл., признание им ответственности за избиение дружины, а поскольку этот сюжетный элемент в Паримийные чтения не вошел, призыв к походу там упомянут лишь в косвенной форме («не хотяху ему

помогати на Святопѣлка»). Автор источника ПВЛ упустил призыв к походу, механически совмещая элементы обращения Ярослава к новгородцам, почерпнутые в своих двух источниках: «О люба моя дружина...» (из НІЛ мл.) и «Отець мои умерль...» (из паримии). Неуклюжее соединение двух версий обращения создало иллюзию двух городских сходов с участием Ярослава и ввело в искушение историков, пытавшихся найти им функциональное объяснение (ср. Лукин 2007: 10–11). На мой взгляд, проблема решается в плане чисто источникововедческом, через анализ генезиса текста ПВЛ. Сторонникам же первичности летописного текста остается лишь утверждать, что автор Паримийных чтений первый почувствовал несуразность его построения и потому воспроизвел лишь одно из обращений Ярослава (именно то, что отсутствует в НІЛ мл.!).

В Паримийных чтениях войско Ярослава возрастает в девять раз по сравнению с их летописным источником (6000 варягов вместо 1000 и 30 000 новгородцев вместо 3000). Логика этого изменения очевидна. Автор чтений конструирует битву между Ярославом и Святополком как суд Божий, который предполагает столкновение двух равномогных армий на чистом поле, а вовсе не ночное нападение, где победа достигается внезапностью и хитростью. Разительное увеличение числа воинов Ярослава является показателем той свободы, с которой автор чтений перекраивает летописные данные в целях вящей назидательности. Оно также является необходимой предпосылкой для последующего описания столкновения Ярослава, пришедшего «в силѣ велицѣ», со Святополком, стоящим во главе столь же мощного войска. Как я уже упоминал, это столкновение, по версии автора чтений, произошло на месте гибели Бориса, на Альте а под командой Святополка оказалась не киевская дружина Владимира, а полчища печенегов. В этой форме описание событий значительно выиграло в поучительности, а заодно и создало реванш за всем еще памятное поражение, понесенное русским воинством от степняков, как ни печально, на Альте, летом 1068 г.

Источник же ПВЛ попытался занять промежуточную позицию между своими источниками, и результат достаточно нелеп. Он восстановил первоначальную численность варягов (1000), но зато еще более увеличил число новгородцев (40 000). Отказавшись вслед за Паримийными чтениями от идеи ночного боя, он все же сохранил общую летописную схему похода Ярослава и битвы под Любечем. Так он создал абсурдную ситуацию, в которой войско в сорок одну тысячу человек (далеко выходящее за пределы вероятного и возможного) переправляется на рассвете через Днепр и строится в боевом порядке, не будучи замечено противником. Эта деталь, как мне кажется, свидетельствует о том, что увеличение в 9–10 раз числа воинов Ярослава органически принадлежит именно паримий-

ной версии решающей битвы между ним и Святополком, где нет речи о переправе, а в ПВЛ оно вторично.

Отдав предпочтение летописной схеме описания похода Ярослава на Киев, источник ПВЛ соответственно поместил под Любечем битву, которой завершился этот поход, но при этом он нашел применение и паримийному описанию той же битвы “на Альте”, создав из него статью 6527/1019 г. Теперь нам осталось лишь сопоставить оба летописных описания Любецкой битвы (параллельное паримийное описание битвы “на Альте” уже приводилось и разбиралось выше):

Ярославъ же пришед, ста на брезѣ на Днѣпрѣ; стояша ту 3 мѣсяци, не смѣючи ся соступити.

Воевода Святополчъ, именовъ Волчи Хвостъ, ѣздя подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: «почто приидосте с хромичемъ темъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить».

И нача Днѣпръ мръзнути. И бяше Ярославъ мужъ воприязнь у Святополка; и посла к нему Ярославъ отрокъ свои ночью. Рекъ к нему «онъсии, что ты тому велишь творити: меду мало варено, а дружины много». И тъ рече мужъ: «рчи тако Ярославу: да аще меду мало, а дружинѣ много, да к вечеру дати». И разумѣ Ярославъ, яко в ночь велит сещися; а абие того вечера перевозися Ярославъ на ону страну Днѣпра и лоды отринуша от берега; и той ноци поидоша на сѣчу. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменайтеся, повивайте собѣ главы своя убрусомъ». И бысть сѣча зла... (НІЛ мл.: 175).

Приде Ярославъ на Святополка, и стаха противу обаполь Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ три противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: «что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще; а приставимъ вы хоромовѣ рубити нашихъ». Се слышавше новгородци рѣша Ярославу, яко: «заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его». Бѣ бо уже в заморозь.

Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю ночь пиль бѣ с дружиною своею.

Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣта перевезеса. И выседше на брегъ, отринуша лодѣ от берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ.

Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру, и вступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одаляти нача Ярославъ, видѣв же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав (ПВЛ: 96).

Сравнению этих двух описаний посвящена немалая часть недавней работы Мюллера; как и Вилкул, он настаивает на первичности версии ПВЛ. Так, по мнению Мюллера, укорение новгородцев воеводой Святополка должно повлечь за собой немедленную реакцию с их стороны, а потому следует признать первичным их описанное лишь в ПВЛ требование незамедлительно переправиться через Днепр. Также упоминание о «заморозе» предвещает последующий провал под лед, описанный лишь в ПВЛ. Эти аргументы мне отнюдь не кажутся убедительными. Попробуем же восстановить логику рассказа каждой из летописных версий.

Укоряющий новгородцев воевода Волчий Хвост назван по имени в НІЛ мл., в то время как в ПВЛ он остается анонимным. Нетрудно догадаться, что автор, описавший незадолго до этого успехи Волчьего Хвоста в сражении с радимичами, не считал уместным выставлять славного воеводу Владимира на стороне Святополка. Смысл же его укора вполне конкретен: после трех месяцев ожидания пора бы и начать обстраиваться, тем более, что наступила зима. Как тут же поясняет рассказчик, положение Ярославова войска было и в самом деле неблестяще. С одной стороны, «нача Днѣпръ мръзнути», и это могло взять недели, в течение которых через реку не переправиться ни на лодке, ни по льду, пока лед не окрепнет. С другой стороны, у Ярослава иссякли припасы, на что указывает фраза «меду мало варено, а дружины много». Иными словами, надо было срочно принимать решение, что Ярослав и проделал, посоветовавшись со своим тайным агентом в стане Святополка.

Источник ПВЛ приписывает переправу через Днепр героическому порыву новгородцев, которые в ответ на провокацию безымянного воеводы изъявляют готовность форсировать Днепр и сразиться со Святополком, даже если за ними никто не последует. Смысл этого вызова неясен, ибо по цифрам ПВЛ (отражающей якобы киевскую традицию) новгородцы, от которых он исходит, составляют более 97,5% войска Ярослава (а не 75%, как в НІЛ мл., отражающей якобы традицию новгородскую). Очень любопытно, однако, как летописец мотивирует это решение: «Бѣ бо уже в заморозъ». Слово «заморозъ» обозначает отнюдь не «заморозки» («первоосенние морозы» по Далю; cf. Мюллер 2005/6: 255, «die Zeit der ersten Fröste»), как указывается в словарях, а то время, когда замерзает река (НІЛ ст.: 94). Показательна частица «бо», создающая причинную связь с предшествующей фразой. Оказывается, автор прекрасно сознает, что решение о безотлагательной переправе вызвано замерзанием Днепра. Только он представляет себе некую промежуточную ситуацию, когда Днепр еще судоходен, а озера замерзли настолько, что войско Святополка могло уже вступить на лед. Не берусь судить, насколько это описание реалистично (ведь и озера под Любечем у самого берега Днепра, насколько мне известно, локализованы не были); подчеркну лишь, что необ-

ходимость скорой переправы через Днепр мотивируется в обеих летописях в общем сходно, только в НІЛ мл. причина формулируется более четко²⁵.

Автор источника ПВЛ, возможно, просто не понял иносказаний, которыми обменивается в НІЛ мл. Ярослав через посредство отрока со своим доверенным лицом в лагере Святополка. Но вероятнее другое. Он все же должен был объяснить читателю, как сорокатысячная армия могла переправиться на рассвете через Днепр, не будучи замеченной, без того, чтобы Святополковы печенеги перестреляли ее из луков до построения. Версия о том, что Святополк пропьянствовал с дружиною всю ночь, дает тому правдоподобное объяснение. Получается, что Ярославу (который, по версии ПВЛ, никаких шпионов в стан врага не посылал и знать о царящем там поголовном пьянстве заранее не мог) просто крупно повезло.

Читатель, привычный к традиционным категориям анализа разбираемых летописных пассажей, где центральное место занимает различие новгородской и киевской традиций («саг» по терминологии Л. Мюллера), не мог не обратить внимание на то, что я этими категориями не оперирую. В самом деле, я убежден, что категории эти мнимые, несовместимые с конкретными данными текста. Множество совпадающих оборотов и фраз не оставляет сомнения в том, что в основе обеих летописей лежит единый текст; одна из летописей сохранила его более точно, другая менее. На всем протяжении летописного пространства, отнесенного мною к древнейшему Сказанию, изначальность текста, сохраненного НІЛ мл., признается значительным большинством исследователей на базе доводов, которые пока никто не опроверг (Творогов 1976; Гиппиус 2006а). Ни традиции, ни саги на сохранность этого текста не влияют. Для описания похода Ярослава на Киев вдруг делается исключение. Мюллер, издавна примыкавший к шахматовской концепции соотношения НІЛ мл. и ПВЛ, не только отстаивает первичность ПВЛ для данного сегмента, но и делает из этого заключение, подрывающее традиционное доверие к НІЛ мл. как к отражению Начального свода: *Der Text der NPL ml. ist eine schlechte, flüchtige Überarbeitung des zugrunde liegenden Textes aus dem Načal'nyj svod* (Мюллер 2005/6: 260–261). П. В. Лукин, остроумно отстаивающий от Мюллера первичность текста НІЛ мл. в описании событий в Новгороде, специально оговаривается, что его аргументы и оценки не относятся к продолжению статьи за 6524 г., то есть к тому сегменту, что я

25 Шахматов (1908/2002: 397, 459) подметил, что частицу «бо», которая присутствует во всех рукописях ПВЛ, «нельзя оправдать предыдущим», а потому заменил ее в своей реконструкции текста на «же» («Бъ же уже в заморозь»). На самом же деле эта частица является тем родильным пятном, которое указывает на происхождение текста ПВЛ от того, что донесла до нас НІЛ мл., и веским аргументом против любой попытки возводить версию ПВЛ к некоему независимому новгородскому источнику.

представил выше (Лукин 2007: 5). Однако сам этот текст никаких оснований для выделения и для признания его за исключение не дает.

На отдельную историческую традицию, предположим киевскую, указывает, казалось бы, появление в ПВЛ на стороне Святополка печенегов. Правда, печенеги эти в сражении не участвуют. Более того, скажу сразу, что традиция об их присутствии в лагере под Любечем вряд ли может претендовать на историчность. Никакими посулами Святополк не сумел бы удержать войско печенегов в течение трех месяцев поздней осени и ранней зимы вдали от их кочевий: их кони давно бы передохли. Это не исключает возможности, что некая далекая традиция о союзе Святополка с печенегами до киевского летописца дошла, но перед тем, как переходить к выводам исторического порядка, обратим внимание на любопытную текстуальную деталь. Фразы «поидоша противу собѣ» и «бысть сѣча зла», заимствованные из Паримийных чтений, открывают в ПВЛ описание как Любецкой, так и Альтейской битвы. Они маркируют то место в тексте, где эти описания-близнецы ответвляются от единого ствола, причем не только паримийного, но и летописного, так как фразу «и бысть сѣча зла» автор Паримийных чтений позаимствовал из летописи (см. выше описание битвы под Любечем в НІЛ мл.). Автор источника ПВЛ вынес паримийное описание битвы “на Альте” в отдельную статью, но все же, работая с двумя источниками, он не мог проигнорировать тот факт, что в летописи пришедший из Новгорода Ярослав сражается с киевской дружиной, а в паримии с печенегами. Сходная коллизия описана Булгаковым в «Театральном романе»: что делать, если один авторитетный источник утверждает, что печка белая, а другой, что она, наоборот, черная? «Какая же она получится на сцене?», вопрошает наивный автор Максудов. «Белая, с черным пятном», отвечает опытный актер Бомбардов, и та же логика литературного компромиса проступает, на мой взгляд, и здесь. Бутафорские печенеги, которые не участвуют ни в битве, ни в поражении дружины Святополка, как раз и являются этим символическим черным пятном.

3. Конструкция решающей битвы

По классической концепции Шахматова (1908/2002: 74–75, 317–319), событийная канва статей 6523–6527/1015–1019 гг. ПВЛ – поход Ярослава на Киев, поражение Святополка в битве у Любеча, его бегство в Польшу и последующий захват Киева в союзе с Болеславом Храбрым, изгнание его Ярославом и, наконец, попытка вновь овладеть Киевом при поддержке печенегов, завершившаяся разгромом в битве на Альте – восходит к Древнейшему киевскому своду 1039 г. Более того, Шахматов писал, что своду Древнейшему предшествовал источник еще более древний, в котором он был склонен усматривать изначальное сказание о Борисе и Глебе и который

содержал в себе указание, древнейшим сводчиком опущенное, а именно точную дату Альтийской битвы: 24 июля 1019 г. 24 июля (1015 г.) вошло в церковную традицию как дата гибели Бориса, и Шахматов признавал, что окончательное поражение его убийцы в тот же день и на том же самом месте было бы совпадением невероятным. Поэтому он заключил, что во всей борисо-глебовской традиции произошла подмена даты гибели Бориса (которая остается от нас скрытой) датой битвы на Альте, местоположение которой также утвердилось как место гибели святого. Этот вывод никак не укрепляет доверие к дошедшей до нас традиции.

24 июля столь прочно утвердилось в современном сознании как дата битвы на Альте, что и не каждый специалист вспомнит, что она не фигурирует ни в одном описании битвы. Ее вычислил Шахматов, основываясь на сообщении ПВЛ (восходящем к паримии), что битва имела место в «пятюк», и на собственном наблюдении, что 24 июля 1019 г. выпадает на пятницу. Гипотеза Шахматова имела бы право на существование, если бы источники отмечали замечательное совпадение между датой гибели и поминовения Бориса и датой поражения его убийцы. Поскольку, согласно Шахматову, юбилеи победы отмечались Ярославом и его потомками, что было бы уместнее, чем включить в службу на 24 июля указание на то, что в день памяти святого празднуется и окончательный разгром его гонителя? Тот факт, что этого не произошло, лишь подчеркивает беспочвенность разбираемой гипотезы. Но исторические легенды живучи, и я несколько не сомневаюсь в том, что 24 июля 2019 г. толпы ряженых печенегов и русичей столкнутся на поле под Борисполем, дабы отметить тысячелетие славной даты.

Небывалый случай, последователи и противники Шахматова сходятся на том, что новгородский сводчик, располагая сведениями обо всех описанных в ПВЛ событиях, создал концовку статьи Н1Л мл. за 6524/1016 г. за счет радикального сокращения исходного текста. Напомню идею А. А. Гиппиуса (см. выше) о полном пренебрежении со стороны сводчика, ответственного за текст Н1Л мл., к той исторической истине, каковой являлись для него данные находящегося в его распоряжении источника: выкинув поляков и битву на Альте, он превратил Любецкую битву в то провиденциальное противостояние сил добра и зла, где Бог покарал Святополка. Гипотеза Т. Вилкул (2003б: 15–17) во многом сходна. В ее представлении текст Н1Л мл. в своей начальной части возникает за счет сокращения ПВЛ (см. ниже, III, 2), но для рассматриваемого участка делается исключение: он рисуется ей как некая мозаика, составленная сводчиком Н1Л мл. на базе летописи старшего извода, Паримийных чтений и анонимного Сказания о Борисе и Глебе. Эта кропотливая редакционная работа объясняется, как и в концепции Гиппиуса, гипертрофированным новгородским патриотизмом. Н1Л мл. выстраивает версию событий

«наиболее симпатичную новгородцу», ибо наиболее благоприятную «родона начальнику новгородских вольностей» – Ярослав²⁶.

Подобного рода допущения наводят на печальные выводы о мере надежности текста НІЛ мл. как источника. Более того, как с основанием отмечает Вилкул (2003б: 7), «если мы признаем, что новгородский компилятор мог свободно обращаться с исходными текстами, гипотеза Начального свода теряет свое оправдание». Но не будем впадать в пессимизм.

Черты сходства между текстами находят простое и экономное объяснение, если признать, что в составе НІЛ мл. до нас дошел тот самый летописный источник, который лег в основу событийной канвы Паримийных чтений. Сохраняя текстуальную близость с источником, чтения воспроизводят фабулу статей НІЛ мл. за 6523–6524/1015–1016 гг., с объявления в Новгороде о смерти Владимира и преступлениях Святополка до вокняжения Ярослава в Киеве. Как НІЛ мл., так и паримии известна только одна битва между Святополком и Ярославом, та что завершает поход Ярослава на Киев после убиения Бориса и Глеба. Поражение Святополка знаменует его окончательное отвержение и кару. Автор Паримийных чтений пишет, однако, не историю, а поучение. В этом контексте рассказ о насилиях, творимых варягами в Новгороде, об их избиении новгородцами и о мести Ярослава новгородцам ему приходится не ко двору, и он обходит его общей фразой. Еще менее подходит для его целей тот неприятный факт, что Ярослав идет на Киев во главе небольшого отряда в 4000 новгородских «плотников» и варяжских наемников, а на стороне Святополка, собравшего «бещисла множество вои» (НІЛ мл.: 175), сражается армия Владимира. Эти затруднения автор разрешает решительно и радикально. Увеличив число воинов Ярослава до 36000, он может утверждать, что тот «прииде ... в силѣ велицѣ». Перемещение места битвы из-под Любеча на Альту позволяет Ярославу обратиться с молитвой к убиенному там Борису.

Главная подмена происходит в определении состава войска Святополка: оно состоит уже не из киевлян, а из печенегов. Эта подмена изобличается элементами текста. В НІЛ мл. Ярослав внезапно атакует Святополка ночью, дабы тем самым компенсировать малочисленность своего отряда. В Паримийных чтениях этот последний фактор устранен, и оба войска сходятся на равных на восходе солнца. Несмотря на столь разительное различие в оформлении сцены, часть описания битвы, как мы видели, совпадает:

26 Исследовательница не объясняет, однако, почему же новгородский сводчик-патриот исключил в высшей степени лестные для новгородцев сведения ПВЛ о втором походе на Киев в 1019 г., приведшем к окончательному вокняжению Ярослава.

И бысть сѣча зла, оже за руки емлющеса сѣчаху и по удолиемъ кровь течаше (НІЛ мл. : 175).	И бысть сѣча зла, якаже не была въ Руси. И за руки ся емлюще сѣцаху, и по удолиемъ кровь тѣчаше, и съступишася тришьды, и омеркоша биющеса (Абрамович 1916: 120).
---	---

Опять возникает вопрос, является ли более пространный текст расширением или же, наоборот, более краткий текст сокращением параллельного пассажа. На первичность именно краткого варианта указывает фраза «оже за руки емлющеса сѣчаху». Эта фраза вполне оправдана в составе летописного рассказа как часть описания ночного рукопашного боя ратников-пехотинцев, где противники хватаются друг за друга, чтобы не потерять контакт. В контексте же паримийного описания она бессмысленна, так как биться «за руки ся емлюще» не могут ни два конника, ни русский пехотинец с конником-печенегом. Мне кажется невероятным, чтобы указанная фраза возникла в контексте, где она совершенно неуместна, и лишь обрела бы смысл во вторичном использовании.

Добавлю к вышеизложенному свидетельство Нестора о падении Святополка, которое принципиально игнорируется историками: «Крамолѣ бывшеи отъ людей и изгнану ему сущу не токмо из града, нѣ из области всея: избѣжавше же ему въ страны чюжи и тако животь свой сконца и разверже (...) Тако же по умертвии оканьнаго прия власть блаженую братъ, именемъ Ярославъ...». Согласно Нестору, который пишет лет шестьдесят спустя после событий, Святополк потерял власть и был изгнан из страны в результате народного восстания; лишь после этого на киевский трон вступил брат блаженных, Ярослав. Общеизвестно, что Нестор использовал некий летописный источник, будь то свод «Древнейший» или более поздний. По схеме, принятой со времен Шахматова, любой подобный источник содержал описание изгнания Святополка из Киева Ярославом и последующей битвы на Альте. Таким образом получается – хоть никто этот вывод открыто не сформулировал – что Нестор произвел цензурную правку истории сходную той, что приписывается позднему новгородскому сводчику: и он, оказывается, затушевал второй поход Ярослава на Киев и битву на Альте, лишив попутно Ярослава (к которому он весьма благорасположен) роли провиденциального мстителя за братьев. Не проще ли признать, что как источник Нестора, так и те, что использовались новгородскими сводчиками, подобных сведений не содержали и что Нестор сохранил для нас ту традицию (в целом, полагаю, справедливую) о падении Святополка, что донесла до него народная память?

Итак, одна лишь ПВЛ описывает две битвы, под Любичем и на Альте, причем в отличие от Паримийных чтений, битва на Альте помещается в ПВЛ после изгнания поляков, составляя материю статьи за 6527/1019 г.,

и знаменует провал вторичной попытки Святополка захватить власть в Киеве. В свете сказанного выше я не могу рассматривать раздвоение битвы между сыновьями Владимира иначе, как конструкцию летописца, каковая нуждается в объяснении. Объяснение же это я вижу вовсе не в конъюнктурно-политических соображениях, к которым принято в подобных случаях прибегать, а в характере работы летописца с источниками.

Паримийные чтения о Борисе и Глебе возникают на базе свода 1076 г. (о дате ниже, III,3), скажем, в 1080-е гг. Независимо от того, был ли их автором митрополит Иоанн II или иной авторитетный книжник, этот текст стал частью богослужения и приобрел в глазах любого печерского монаха авторитет, не соразмерный тому, на который могла претендовать летопись, тогда еще частная и мало кому известная компиляция. О том, что летопись послужила источником для чтений, монах, берущийся в 1090-е гг. за ее продолжение и обновление (о дате ниже, III,2), осведомлен не был. Так в вопросе столь насущном, как обстоятельства наказания убийцы свв. Бориса и Глеба, возник разрыв между двумя источниками, который сводчик 1090-х гг. поставил себе целью устранить. Как мы видели, он не принес один источник в жертву другому, а искал пути совместить их данные, заимствуя из паримии более или менее крупные блоки текста, сплошняком или чересполосно с летописным источником, в котором мы опознали свод, представленный Н1Л мл. Если описание битвы на Альте он выделил в отдельную статью, то предшествующий сегмент, где его два источника наиболее близки по изложению, он монтировал на уровне отдельных выражений и фрагментов фраз.

Приведенные соображения, вытекающие из проведенного выше анализа, объясняют, однако, лишь часть перестройки событийной канвы летописи. Сводчик, приступивший к работе в 90-х гг. XI в., обладал еще одним источником, который он использовал в нескольких статьях за первую половину этого столетия и который был определен Шахматовым (1908/2002: 183–202) как ныне утерянное Житие св. Антония Печерского, известное по ссылкам в Киево-Печерском патерике. Из них мы узнаем, что оно содержало в себе рассказ о судьбе Моисея Угрина, уведенного в польский плен вместе с Передславой и ставшего по возвращении на Русь сподвижником св. Антония (ср. ниже, III,2). К тому же источнику восходят те сведения о походе Болеслава на Киев, которые составляют реально-историческую основу статьи 6526/1018 г.: разгром Ярослава на Буге, увод княжих сестер Болеславом, последнее предательство Анастаса Корсунянина. Таким образом наш сводчик обладал достоверным письменным свидетельством, что окаянный Святополк вовсе не провалился в тартарары после его поражения в битве, имевшей место вскоре после убийства святых братьев, а еще вернулся потом в Киев с поляками. То представление о единой решающей

битве, будь то под Любичем или на Альте, что предлагали его источники, удовлетворить его теперь уже не могло. От Жития св. Антония пользы тоже было немного: там, очевидно, лишь кратко поминалось бегство Святополка из Киева. Поэтому наш сводчик конструирует собственную событийную канву, перелицовывая сведения всех доступных ему источников, но, как мы увидим, не всегда искусно заматывая швы.

Описание битвы на Буге строится сводчиком не без влияния им же отредактированного описания Любецкой битвы, а вымышленный (как показывает современный событиям рассказ Титмара) приказ Святополка избивать поляков, якобы вызвавший их бегство, имитирует сообщение о предательстве польских союзников князем Изяславом в статье 6577/1069 г. (Шахматов 1908/2002: 296). Приписанная Святополку анти-польская акция помещается, странным образом, после объявления о подготовке Ярослава с верными ему новгородцами похода на Киев. Лишенному союзников Святополку остается только бежать. Это построение является очевидной попыткой сводчика осмыслить тот факт, что киевский князь не пытается опереться на собственное войско против угрозы с севера (сохраненная Нестором традиция о восстании киевлян против Святополка сводчику не известна). Тут находит себе применение и фраза о бегстве Святополка к печенегам, которой завершался рассказ о его судьбе в Сказании 1016/7 г. Но самая любопытная для нас деталь, самый яркий показатель проходящего в летописном тексте шва заключаются в том, что Святополк в конце статьи за 6526/1018 из Киева бежит, а Ярослав в него не вступает.

Столь же показательна в этом отношении и фраза, завершающая как статью 6527/1019 г. в ПВЛ, так и Паримийные чтения в целом:

<p>А Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володи-мира (НЛЛ мл.: 175).</p>	<p>Ярославъ же пришьдъ и седе Киевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показая побѣду и трудъ великъ по брату свое (Абрамович 1916: 121).</p>	<p>Ярославъ же сѣде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ (ПВЛ : 98).</p>
---	---	--

Динамика становления текста следует знакомой нам модели. Сообщение НЛЛ мл. о Ярославе, который (после победы под Любечем) «иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего», сохраняется в форме «пришьдъ и седе Киевѣ» (после битвы на Альте) в Паримийных чтениях, но сводится к краткому «сѣде Киевѣ» в ПВЛ, где Ярослав прибывает ранее, но почему-то не в Киев. Именно в Паримийных чтениях Ярослав в описываемый момент захватывает Киев в результате победы, одержанной вскоре после гибели братьев: потому и «трудъ великъ по брату своею». Расхождения с ПВЛ возникли не в результате расширения летописной фразы, а за счет сокращения концовки паримии.

На этом наблюдении я завершаю сличение паримийного текста с летописными, подтвердившее основные положения Шахматова в гораздо более широком объеме, чем предполагалось самим исследователем. Паримийные чтения представляются как промежуточное звено между двумя последовательными этапами становления летописного текста, из коих более ранний отложился в НІЛ мл., а более поздний – в ПВЛ. Шахматов определял первый из этих этапов как Начальный свод 1090-х гг., но я приведу ниже (III,3) основания к тому, чтобы отождествить его как свод 1076 г. Соединение этого свода с текстом Паримийных чтений произошло, как я также покажу ниже, в своде 1090-х гг., а не в самой ПВЛ. Паримийные чтения послужили источником источника ПВЛ не только в выразительных пассажах, отмеченных Шахматовым, а повсеместно, повсюду где автор свода 1090-х гг. находил в этом тексте назидательные дополнения и данные, которые расходились с его основным источником, сводом 1076 г. Свод же 1076 г. лег в основу событийной канвы Паримийных чтений и отложился в их тексте, опять-таки не выборочно, а повсеместно, во всех тех пассажах, где усматриваются текстуальные параллели между паримией и НІЛ мл., сохранившей для нас этот свод. Попутно выяснилось, что конец статьи 6524/1016 г. воспроизведен в НІЛ мл. столь же достоверно, как и предшествующий текст свода, который Шахматов определил как «Начальный».

Для специалиста наиболее революционный вывод из проведенного анализа касается соотношения «Начального» свода и НІЛ мл. или точнее ее источника, новгородской Владычной летописи. Выясняется, что в сегменте, включающем описание похода на Киев, битвы под Любечем и вокняжения Ярослава, редактор Владычной летописи Герман Воята обращался с «Начальным» сводом точно так же, как и во всем предшествующем описании древнейшей русской истории, а именно бережно его переписывал, изредка дополняя, но отнюдь не переиначивая. Что же, казалось бы, примечательного в утверждении неисключительности указанного сегмента? Это поймет читатель, знакомый с усилиями, вложенными поколениями исследователей в обоснование идеи о том, что именно этот сегмент был полностью переключен новгородским компилятором.

Если же, однако, принять мой вывод о неисклучительности, то обе поставленные в начале этой главы проблемы находят простое прямолинейное решение. Ничто не препятствует признать Паримийные чтения целостным текстом, созданным на основе однократного обращения к летописному источнику – при условии, что текст этого источника соответствовал тому, который отложился на параллельном отрезке НІЛ мл. Создавать дополнительные нарративные источники для паримии никакой необходимости нет. Столь же просто и экономно разрешается проблема соотношения обоих дошедших до нас летописных текстов.

III. Киевские источники первых новгородских сводов

Сформулированные выше наблюдения позволяют во многом переосмотреть традиционную схему сложения ранних летописных памятников: киевских сводов 1070-х и 1090-х гг., новгородских сводов князя Всеволода и Германа Вояты, а также редакционной обработки владычной летописи при архиепископе Антонии. Здесь, как и ранее, я руководствуюсь принципом максимальной экономии промежуточных этапов, который находит себе выражение в уже приведенном мною афоризме Альфонса Дэна *potentia non sunt multiplicanda*.

1. Новгородский свод князя Всеволода: дата свода и источник второй части

Так называемый свод князя Всеволода, впервые выделенный Шахматовым, состоял, по его наблюдениям, из двух частей. В первой, в целом соответствовавшей первым 16-ти ныне утерянным тетрадам Новгородской синодальной летописи, подробно описывались события ранней русской истории; о характере изложения свидетельствует сохранившийся конец описания похода Ярослава на Киев в 1015 г. Вторая часть состояла из кратких заметок: события столетия, разделявшего победу Ярослава и вокняжение Всеволода в Новгороде в 1117 г., занимают в НЛЛ син. чуть менее одной тетради. Шахматов отметил, что летописные статьи по 6623/1115 г. включительно состоят в основном из заимствований из киевского источника, который он определил как ПВЛ в своей третьей и окончательной редакции, в то время как в статьях за последующие годы новгородская летопись приобретает чисто местный характер. Шахматов также подметил, что в статье за 6614/1106 г. имя черниговского князя Святоши сопровождается характеристикой «тъсть Всѣволожь», которой нет в параллельной статье ПВЛ и которая явно отражает интерес к родственнику правящего новгородского князя (Шахматов 1947: 123). В общих чертах анализ Шахматова был принят всеми, но в деталях, причем немаловажных, к нему были предложены различные поправки.

Начнем с того, что Шахматов датировал выделенный им свод достаточно широко, между 1119 г., к которому он относил составление третьей редакции ПВЛ, и 1136 г., годом окончательного изгнания князя Всеволода новгородцами. Однако уже Лихачев (1947: 203), а затем с более весомыми

аргументами Гиппиус (1997: 40–42) предложили датировать создание свода до 1132 г., года первого изгнания Всеволода, ибо, как показал Гиппиус, именно в этом году ведение летописи перешло с княжеского двора на епископский, что четко отразилось в ее содержании.

Что же касается даты *post quem* возникновения свода, то на нее, казалось бы, с очевидностью указывает приведенная выше помета «тъсть Всѣволожь». Брак Всеволода засвидетельствован в статье НІЛ ст./мл. за 6631/1123 г., и естественно заключить, что новгородский книжник, составлявший местную летопись на базе выписок из киевской, не охарактеризовал бы черниговского князя Святошу как Всеволодова тестя ранее этой даты. Это соображение не рассматривалось М. Х. Алешковским (1971: 27), который, существенно пересмотрев шахматовскую концепцию Начального свода 1090-х гг., представлял себе его как некую прото-ПВЛ, доведенную до 1115 г., и именно этот памятник считал источником новгородского свода. Обращение к первичной, «авторской» версии ПВЛ представлялось оправданным лишь до создания ее окончательной редакции, а потому Алешковский датировал возникновение новгородского свода последними годами княжения Мстислава, отъехавшего из Новгорода в Киев 17 марта 1117 г. (НІЛ: 20). Проблема даты женитьбы Всеволода не ускользнула от Гиппиуса, который высказал предположение, что помета «тъсть Всѣволожь» могла быть припиской на полях, внесенной в текст летописи поздним переписчиком, но все же счел наиболее вероятной принадлежность пометы самому составителю новгородского свода (1997: 40). Тем не менее в недавней работе, не возвращаясь специально к вопросу о помете, Гиппиус (2006б: 123) решительно высказывается в пользу создания новгородского свода при Мстиславе «около 1115 г.».

Перед тем, как обратиться к вопросу об источнике киевских выписок, я хотел бы подчеркнуть, что любая попытка устранить помету «тъсть Всѣволожь» как датирующий элемент путем превращения ее в маргинальную глоссу была бы произвольной. Идею создания новгородской летописи на базе киевского летописного материала я предлагаю связать с длительным пребыванием Всеволода у отца в Киеве, откуда он вернулся 28 февраля 1126 г. (НІЛ: 21). Эта сравнительно поздняя дата возникновения свода Всеволода прояснила бы и пустой год 6629/1121, последний пустой год НІЛ, трудно объяснимый, если бы новгородская летопись в это время уже велась «из года в год» (Гиппиус 2006б: 123), и ряд других деталей текста, на которые я укажу ниже.

При определении источника киевских выписок важно учесть наблюдение Лихачева, дополнившего наблюдения Шахматова. Согласно Лихачеву (1948/1986: 169–171), эти выписки не останавливаются на статье

1115 г., а захватывают также и 6624–6625/1116–1117 гг. Это замечание опять-таки ускользнуло от Алешковского, но его принимает Гиппиус, нашедший в своих наблюдениях над текстом новгородской летописи повод к соединению идей Лихачева и Алешковского. Однако перед тем, как рассмотреть соображения Гиппиуса, я хотел бы определить свою позицию по существу вопроса. Я не усматриваю связи между статьями Ипатьевской летописи и Н1Л за 6625/1117 г. Верно, что обе статьи начинаются с указания на отбытие князя Мстислава из Новгорода, несомненно наиболее значительное событие года:

Приведе Володимеръ Мъстислава из Новагорода, а дасть ему отецъ Бѣльгородъ, а Новѣгородѣ сѣде Мъстиславичъ сынъ его внуку Володимеровъ (ИпЛ: 284).	Иде Мъстиславъ Киеву на столъ из Новагорода марта въ 17; а сынъ посади Новѣгородѣ Всѣволода на столѣ (Н1Л: 20).
---	---

Однако, в киевской летописи главным действующим лицом является киевский князь Владимир Мономах, который отводит Мстиславу Белгород, оставляя Новгород за своим внуком, не названным по имени сыном Мстислава. Согласно Н1Л, Мстислав не только как бы по своей воле отправляется «Киеву на столъ», что предвосхищает его позднейшее вокняжение, но и распоряжается сам судьбой новгородского стола, чего, на мой взгляд, даже новгородский летописец не написал бы до того, как Мстислав стал киевским князем в 1125 г. И что, конечно, еще важнее, ни на уровне построения фразы, ни в оборотах речи, ни в отдельных словах никаких совпадений между обоими сообщениями не усматривается. Именно следуя этому критерию, я признаю очевидной генетическую связь между статьями ПВЛ и Н1Л за 6624/1116 г. в описании похода Мстислава на чудь. Из длинной статьи ПВЛ я выписываю лишь одно это сообщение, а статью Н1Л привожу целиком:

В се же лѣто Мъстиславъ Володимеричъ ходи на Чюдь с Новгородчи и со Псковичи и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа глава и погость бещисла взяша, и възвратишася въ свояси с многомъ полономъ (ИпЛ :283).	Иде Мъстиславъ на Чюдь с новгородыцы и взя Медвѣжю голову на 40 святыхъ. Въ то же лѣто Мъстиславъ заложи Новѣгородъ болии първаго. Том же лѣтѣ Павель, посадникъ ладожьскый, заложи Ладогу городъ камянь (Н1Л :20).
--	---

Новгородский компилятор сокращает по своему обыкновению летописную заметку (да ему и нет надобности объяснять своему читателю, что такое Медвежья Голова), но он полностью сохраняет структуру фразы и лексику источника. Составитель новгородского свода обладает

и собственными данными о походе, так как он указывает дату взятия Медвежьей Головы: на память 40 севастиийских мучеников, т.е. 10 марта 1116 г. К этой заметке, с которой логически начинается мартовский год, он добавляет две другие, также почти дословно выписанные из киевской летописи и также касающиеся Новгорода: о расширении новгородского детинца князем Мстиславом и о закладке каменной крепости в Ладоге посадником Павлом. Только на сей раз он ошибается в датировке, ибо в ПВЛ обе эти заметки фигурируют в статье за 6622/1114 г., и в точности этой даты сомневаться не приходится.

Представив эти данные вниманию читателя, обратимся к рассмотрению наблюдений Гиппиуса. Скрупулезный анализ текста Н1Л син. подводит его к выделению ряда рубежей, определяемых по перекрестным показателям и зачастую свидетельствующих о смене летописца. Один из таких рубежей разделяет статьи 6622/1114 и 6623/1115 гг. Этот рубеж выделяется по трем критериям. Во-первых, меняется форма титла. По 6622 г. преобладает титло в виде скобки, а с 6623 по 6633 г. используется исключительно титло в виде зигзага, до этого употреблявшееся лишь эпизодически; с 6634 г. используются обе формы (Гиппиус 2006б: 131). Во-вторых, в статьях за 6623 – 6625 гг. фигурирует редкая форма «местоименного» сокращения хронологической формулы: том же лѣтъ (6623, 6624) и въ то же лѣто (6625, но не 6624) (Гиппиус 2006б: 133). Третий критерий касается обозначения дневной даты: «Начиная с 6623 г. господствующим становится тип [марта въ 1], который сохраняет свои позиции по 6671 г.» (Гиппиус 2006б: 190). Отмечу, однако, что тот же тип используется уже в статье за 6603 г., затем следует сравнительно редкая форма типа «въ 1 марта» (6615 г.), затем идет дважды наиболее обычная форма типа «месяца марта въ 1», которая и в самом деле уступает место формуле типа «марта въ 1» в статье за 6623 г., но обе формы соседствуют в статье 6625 г. и далее. Так что я позволю себе отвести третий критерий как непоказательный и оставить для рассмотрения лишь первые два.

Объяснять смену формы титла – дело тонкое, и сам Гиппиус относит всю группу погодных записей с 6623 по 6640 г. (где проходит очень четкий рубеж) летописцу князя Всеволода, невзирая на “шов” между 6633 и 6634 гг. Однако, как я указал выше, ведение погодных записей новгородским летописцем начинаются не в 6623/1115, как считает Гиппиус, а, по всей очевидности, именно в 6634/1126 г., и очень может быть, что указанный Гиппиусом тонкий шов как и связан с переходом от ретроспективного описания событий к собственно летописанию.

Еще более любопытны колебания сводчика в написании хронологической формулы. Гиппиус (2006б: 208–209) рассматривает появление необычных форм сокращения в статьях за 6623–6625 гг. как индикатор повторного обращения новгородского сводчика к киевскому источнику, каковым изначально была «авторская» версия ПВЛ 1115 г. (по Алешковскому), а при вторичном обращении – «редакторская» версия (по Алешковскому), она же 3-я окончательная редакция ПВЛ (по Шахматову). Это объяснение кажется, однако, слишком громоздким при учете минимального объема заимствованных известий: кроме сообщения о переносе мощей Бориса и Глеба (кстати, входившего, по Алешковскому, в «авторскую» версию Нестора 1115 г.), речь идет о трех коротких заметках, касающихся новгородских событий. Для прояснения картины добавлю, что первое необычное сокращение формулы появляется в статье 6623 г. *после* сообщения о переносе мощей, а также напомним, что две из трех новгородских заметок датированы в НЛ с ошибкой в два года. И теперь само напрашивается очень простое объяснение. Тот, кто выписывал сведения из киевской летописи для будущего новгородского свода, последние новгородские события выписал без дат, положившись на осведомленность сводчика, которому во всяком случае предстояло адаптировать хронологическую формулу к месту события в годовой летописной статье. В случае с походом Мстислава на чудь компилятор не ошибся – сводчик, как мы видели, располагал собственными данными о дате похода. В случае же с новым новгородским детинцем и ладожской крепостью вышла накладка, ибо сводчик – работавший не два года спустя после событий, как полагал Алешковский, а лет двенадцать – точной даты их закладки не помнил, а выяснить поленился, тем более что работы в обоих случаях продлились наверняка больше года. Таким образом мимолетное появление необычного сокращения датирующей формулы маркирует тот момент, когда сводчику пришлось встать в этой области, если можно так выразиться, на собственные ноги, не полагаясь уже более на хронологические записи работавшего для него компилятора.

Идея о некоей летописи, предшествовавшей ПВЛ, а конкретно об «авторской» версии ПВЛ 1115 г. по Алешковскому, как об источнике новгородского свода Всеволода получила поддержку в работах А. А. Гиппиуса и тем обрела авторитет, которого она, на мой взгляд, не заслуживает. Сличая сообщения, заимствованные из киевского источника в НЛ син., с текстом дошедшей до нас ПВЛ, я отметил для себя лишь минимальные содержательные расхождения, а недавно А. А. любезно указал мне в письме на те расхождения, которые он со своей стороны считает значимыми. Речь идет

о статье за 6558 г., определенный лишь в НІЛ син. как год рождения Святополка Изяславича, за 6577 г., где отмечен пожар Подола, не указанный в ПВЛ, и за 6619 г., где очень краткое описание похода русских князей на половцев несколько различается в деталях с подробным рассказом ПВЛ и где тоже отмечен ряд пожаров, в ПВЛ не указанных. Мне же кажется, что год рождения Святополка, прокняжившего 10 лет в Новгороде, мог быть известен новгородскому летописцу и без посредства киевского источника. В описании похода на половцев компилятор допускает небрежность: в краткой выписке в НІЛ син. сообщается, что были взяты два половецких города, Сугров и Шарукань, а из подробного рассказа ПВЛ мы узнаем, что после недолгой осады Шарукань поклонился русским князьям рыбой и вином и разорен не был. Эта последняя версия несомненно верна. Что же касается серии пожаров, то она включает и пожар в Новгороде, а потому вероятно новгородское происхождение этого сообщения. Остается пожар Подола в 6577/1069 г. Неоднократно предпринимались попытки исторического осмысления этого известия (Лукин 2006, с обзором литературы), которое, однако, отсутствует равно в НІЛ мл. и в ПВЛ (статьи за 1069 г. идентичны), а потому не может претендовать на изначальность в тексте киевской летописи, и вряд ли на историчность²⁷. Любопытно, что статья за 1069 г. содержит угрозу киевлянам поджечь свой город (и эвакуироваться в Византию), если князья не придут к соглашению. Не эта ли угроза материализовалась под пером новгородского компилятора в форме пожара Подола? Как бы то ни было, этой единственной детали недостаточно для пересмотра оценки Шахматова и Лихачева, определивших источник свода Всеволода как дошедший до нас текст ПВЛ, и приведенные выше соображения о последних статьях, заимствованных из киевской летописи, поддерживают эту оценку.

Из вышесказанного с необходимостью вытекает, что новгородский сводчик работал именно с выписками из киевской летописи. Только этим можно объяснить ошибку в дате последних новгородских известий, только небрежностью выписок, сделанных на скорую руку, объясняется как неточность в описании похода русских князей на половцев в 6619/1111 г., так и классическая ошибка НІЛ син. в статье за 6547/1039 г., где давно покойному князю Владимиру приписывается освящение Десятинной церкви (в параллельной статье ПВЛ он упомянут как основатель). На-

27 Пожар 1069 г. не отмечен в монографии М. А. Сагайдака (1991), и как мне любезно подтвердила в письме сотрудница Центра археологии Киева Н. Хамайко, никаких следов пожара около этой даты археологами и по сей день не обнаружено.

помню, что, по гипотезе Алешковского, сводчик Василий привозил в Новгород летопись Нестора. В работах других исследователей форма контакта между текстами конкретизировалась по-разному, но общей их посылкой являлось наличие киевской летописи, ПВЛ или ее предка, в Новгороде, в тот момент, когда новгородский сводчик перемежал киевские сообщения с новгородскими. Признание того, что в той части Н1Л ст., где ее сообщения кратки и отрывисты, новгородский сводчик работал с выписками, многое меняет. Оно помогает нам по-новому подойти к вопросу о составе свода.

Предложенный анализ позволяет без затруднения признать, что свод князя Всеволода основывался на двух различных киевских источниках. Всеволод привез с собой в 1126 г. из Киева наверняка не копию, а оригинальную рукопись Сказания 1016/7 г. В самом деле, если бы он готов был вложить средства в создание новой рукописи, для него могли бы переписать и свежесоставленную ПВЛ. Однако из ПВЛ были сделаны в Киеве лишь очень краткие выписки, которые были затем переписаны начисто и разбавлены местными известиями в Новгороде. Теперь мы можем лучше себе представить, что конкретно проделал Герман Воята, обновляя владычную летопись (которая отложится в Н1Л мл.) и одновременно создавая протограф Н1Л ст. Он изъясил из владычной летописи-конволюта древний кодекс возрастом в 150 лет, конец последней тетради которого (оставшийся в 1017 г. незаполненным) содержал начало составленной при князе Всеволоде компиляции.

2. Киевский источник Н1Л мл. и его позднейшая обработка

Характер источника, использованного в Н1Л мл., определяется посредством систематического выявления и интерпретации расхождений между параллельными сегментами Н1Л мл. и ПВЛ. Подобного рода сопоставление обеих летописей успешно практикуется исследователями со времен Шахматова (см. в первую очередь Творогов 1976), и, конечно, в мои намерения не входит повторить его здесь в полном объеме. Основными участками, к которым я хотел бы привлечь внимание читателя, являются предполагаемые сбои в применении искомого источника – те два участка, где попавший в Новгород древний свод постулируется дефектным или намеренно сокращенным. Предлагая некие общие решения на основе этого разбора, я, естественно, признаю необходимость учитывать весь комплекс уже высказанных конкретных наблюдений по тексту летописи.

Первый участок, где в древнем своде усматривались утраты текста или сокращения, простирается со второй половины 10-х гг. по середину XI в. Редкие, краткие статьи Н1Л мл. резко контрастируют здесь как с подробным повествованием за более ранний период, так и с насыщенными погодными записями за третью четверть XI в. Нижняя граница участка определялась достаточно однозначно, а относительно верхней возникли некоторые колебания.

Нижняя граница утерянного или намеренно сокращенного текста традиционно пересекала статью Н1Л мл. за 6524/1016 г., считавшуюся целиком или в конечной части плодом импровизации новгородского сводчика. Проведенный выше текстуальный анализ показал, однако, что эта статья отразилась в Паримийных чтениях о Борисе и Глебе, а затем и в ПВЛ (через посредство промежуточного летописного свода) именно в той форме, в какой она фигурирует в Н1Л мл. Тем самым исключается идея о новгородском происхождении этой статьи, и становится очевидным, что вся она являлась частью того киевского источника, который отложился с некоторыми добавлениями в ранней части Н1Л мл. Исходным для автора этого источника был текст, кончик которого сохранился в начале Н1Л ст. и который завершался на первом вокняжении Ярослава в Киеве. Таким образом оказывается, что содержательность источника Н1Л мл. претерпевает резкий спад как раз после той статьи, на которой заканчивался его собственный источник. Утверждать, что именно в этот момент в нем происходит случайное выпадение текста или что новгородский сводчик, переписавший до этого многие десятки страниц летописи, никак не проявляя творческой активности, вдруг начинает резко сокращать свой источник, было бы надумано.

Верхняя граница участка определялась по-разному. По мнению Шахматова, разделяемому большинством его последователей, Н1Л мл. возвращается к полноценному воспроизведению Начального свода 1095 г. начиная с 6560 г. Гиппиус (1997: 35-37, с обзором литературы) передвигает эту границу на семь лет, отмечая последовательное воспроизведение «Начальной летописи» в Н1Л мл. с 6553 г. Правда, в Н1Л мл. отсутствует Сказание об основании Печерского монастыря, которое читается в ПВЛ за 6559/1051 г., но Гиппиус объясняет это дополнительным сокращением текста в рамках своей концепции о намеренном сокращении киевского источника новгородским сводчиком. Статья же 6553/1045 г., повествующая о закладке Софии Новгородской, якобы привлекла сводчика своим новгородским содержанием и стимулировала его на возобновление копирования. В свою очередь, Т. Викул (2003а: 22) привлекла внимание к статье Н1Л мл. за 6552/1044 г.: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну же Володимерь заложи Новъгород и сдѣла его», где известие о закладке новгородского

детинца Владимиром Ярославичем принадлежит к местной традиции, а поход на Литву находит параллель в ПВЛ, только под 6548/1040 г.: «Ярославъ иде на Литву». Оба исследователя сходятся в том, что текст Н1Л мл. возник на данном отрезке за счет кратких выписок из ПВЛ, только для Вилкул эти выписки начинаются на статью раньше (причем с известия, содержание которого не представляло особого интереса для новгородца). Как мы увидим, однако, здесь следует и вовсе отказаться от идеи о дефектности или сокращении летописного текста.

Второй значительный участок утраты или сокращения текста отмечается со статьи Н1Л мл. за 6582/1074 г., которая обрывается в самый трагический момент, накануне кончины Феодосия Печерского. Гиппиус, следуя за Шахматовым, признает здесь материальный дефект в источнике летописи. Лишь Вилкул (2003а: 31–32) постулирует сознательный акт новгородского сводчика, якобы столь «озабоченного проблемой возвеличивания новгородских святынь», что он выбросил не только дату смерти киевского подвижника (что отмечается Вилкул), но и финальное указание на факт его кончины (что ею никак не комментируется).

Работа Вилкул стала первой и пока единственной попыткой парировать традиционный упрек в адрес Истрина и, в особенности, Бугославского, создателей (в современной ее форме) концепции о возникновении Н1Л мл. в результате последовательного сокращения новгородским сводчиком текста ПВЛ. Как писал Насонов (1969: 15), идея была заявлена, а «сравнительного анализа содержания текстов не было произведено». Подобный анализ предлагает Вилкул на участке летописи с 6524/1016 по 6582/1074 г., с тем чтобы доказать возможность «отнести индивидуальные чтения Н1Л мл. на счет творческой обработки источников» новгородским сводчиком XV в., «не прибегая к гипотезе Начального свода» (Вилкул 2003а: 8). Избранный участок не оптимален. Первая его часть состоит в основном из кратких сообщений, дающих ограниченный материал для сличения, а во второй его части, с середины 50-х гг., «творческая активность» новгородского сводчика якобы заметно спадает, а затем и вовсе сходит на нет, пока ему не приходит в голову резко оборвать описание кончины Феодосия. Лишь статья за 6524/1016 г. содержит связный и хорошо дифференцированный нарратив, анализ которого позволяет составить идею о том, как рисует себе Вилкул метод «творческой обработки источников» новгородским сводчиком-патриотом. Поскольку тезис о первичности текста ПВЛ по отношению к Н1Л мл. не только ниспровергает шахматовский Начальный свод, но и для моего построения фатален, я считаю полезным разобрать аргументацию исследовательницы на этом конкретном примере.

<p>И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000, и поиде на нь.</p> <p>Святополкъ же то слышавъ, и собра бещисла множество вои, изиде противу его къ Любцю, и сѣде ту на полѣ со множествомъ вои.</p> <p>Ярославъ же пришед, ста на брезѣ на Днѣпрѣ; стояша ту 3 мѣсяци, не смѣющи ся соступити.</p> <p>Воевода Святополчъ, именемъ Волчии Хвостъ, ѣзда подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: «почто приидосте с хромичемъ темъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить» (НІЛ мл.: 175).</p>	<p>И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочих вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: «не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместникъ богъ крове братья моя, зане без вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную. Еда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грешнаго.»</p> <p>И поиде на Святополька. Слышавъ же Святополкъ, идуща Ярослава, пристрои бещисла множество вои, <u>Руси и печенѣгъ</u>, и изиде противу ему къ Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.</p> <p>Начало княженья Ярославля Киевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и стаща противу обаполь Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ три противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, ѣзда възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: «что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще; а приставимъ вы хоромовѣ рубити нашихъ» (ПВЛ: 96).</p>
--	---

Некоторые аспекты текста уже рассматривались выше. В предложенной мной интерпретации, число воинов Ярослава, первичное в НІЛ мл., возрастает до полного отрыва от реальности в специфическом контексте Паримийных чтений, где, однако, битва переносится из-под Любеча на Альту, и тем снимается элемент переправы через Днепр. В ПВЛ число воинов продолжает расти, но им вновь приходится сражаться под Любечем, а потому и переправляться через реку. Вилкул (2003а: 15) же, постулируя первичность цифр ПВЛ, просто отмечает, что «цифры изменялись как в сторону увеличения, так и уменьшения», не задаваясь вопросом о том, почему же сводчик-патриот решил столь радикально сократить число новгородских ополченцев Ярослава, вступая в противоречие не только с летописью, но и с Паримийными чтениями, обладавшими авторитетом, свойственным богослужебному тексту. Вопрос о молитве Ярослава, в которой принято усматривать вставку в ПВЛ из Паримийных чтений, исследовательницей не затрагивается. Вероятно, она считает текст ПВЛ первичным по отношению к паримии, а отсутствие молитвы в НІЛ мл. результатом сокращения ПВЛ. Однако предложенный ею анализ открывает

неожиданную черту новгородского сводчика. Обладая текстом Паримийных чтений и позаимствовав в нем фразу об ангелах, которая отсутствует в ПВЛ (Вилкул 2003а: 15–16), он, выходя, тщательнейшим образом вычистил из конструируемого им летописного текста все многочисленные пассажи ПВЛ, где та параллельна паримии. Только руководствуясь текстом чтений он мог проделать столь чистую работу! Далее из текста НІЛ мл. “выпадают” слова «Руси и печенѣгъ», определяющие состав войска Святополка в ПВЛ. Их отсутствие не случайно: в НІЛ мл. нет речи и далее ни о каких печенежских союзниках киевского князя. Следует ли предположить, что определение войска Святополка привнес источник ПВЛ, вводя, по указанной мной выше причине, бутафорских печенегов, или же что новгородский сводчик XV в. – из соображений, которые Вилкул нам не раскрывает – печенегов последовательно и ловко повсюду поизводил²⁸?

Однако основной элемент текста, на который я хочу обратить внимание читателя, состоит в заголовке и дате, которые разрывают повествование в ПВЛ. Для текстолога очевидно, что это искусственный разрыв, который породил повторы: о прибытии Ярослава и занятии им позиции на противоположном от Святополка берегу сообщается и до, и после даты (точно так же, чуть выше, вставка молитвы Ярослава повлекла за собой повтор фразы «И поиде на Святополька»). По системе же Вилкул, которая описанное явление не комментирует ни словом, новгородский сводчик проявляется здесь как гениальный стилист, который, решив устранить по одному ему ведомым причинам заголовок и дату, создает безупречный, лишенный повторов нарратив. Вилкул (2003а: 33) указывает, что ее отказ от рассмотрения НІЛ мл. в первой ее части, по статью 6523 г. включительно, «обусловлен выбранной методикой сравнения текстов», но, право же, ей ни в коем случае не следует накладывать на себя подобное самоограничение. Методика параллельного комментария может и должна быть распространена и на раннюю часть НІЛ мл., где сопоставление с ПВЛ возможно на значительном протяжении текста. Только в этом случае «творческая активность» новгородского сводчика сможет быть наглядно охарактеризована, только тогда обретут для нас реальность образ и труд этого парадоксально мыслящего историка и не

28 Печенеги фигурируют, однако, и в НІЛ мл. в ключевой фразе о бегстве Святополка к печенегам. Как утверждает Вилкул (2003а: 16), «Несколько битв Ярослава в НІЛ мл., также как и в Син., представлены как одна. При этом составитель НІЛ мл. свел в один год события 6524–6527 гг. совершенно сознательно». Подобные представления о методах новгородских летописцев, прямоком восходящие к Шахматову, переносят в сферу летописания стереотип новгородских вольностей, переходящих в чистое хулиганство.

имеющего себе равных «перелицовщика» ранних летописных сводов (ср. Вилкул 2003а: 7). Сравнительный комментарий летописей не должен носить, однако, выборочного характера, оставляя в стороне те аспекты текстов, которые однозначно не вписываются в предлагаемую схему.

В недавней работе Вилкул (2008: 276) признает, что «спор о Начальном своде не закончен (скорее, он едва начат)». Утверждать, ссылаясь на работы Вилкул, что Начальный свод низложен и что ПВЛ «в том виде, в каком она дошла до нас, представляет собой единый текст, выполненный не ранее 1116 г.» (Толочко А. 2008: 165), в таком случае явно преждевременно. Гипотезе о первичности текста ПВЛ на отрезке, завершающемся вокняжением Ярослава, противоречат все ранее полученные нами выводы. Текст НІЛ мл. очень близок к ПВЛ, но тоже, как известно, первичен и на отрезке с середины 1050-х по начало 1070-х гг. А если признать, что бедный содержанием промежуток между обоими отрезками не являл собой исключение, а просто не был заполнен сведениями в источнике НІЛ мл., то открывается возможность для ряда любопытных наблюдений.

Тот же киевский компилятор, который столь существенно дополнил рассказ о борьбе Ярослава с Святополком и, в частности, перенес поход Ярослава к Берестью из 6525/1117 г. в 6530/1122 г. (см. выше), проделал сходную операцию и с походом на Литву. Он и в данном случае нашел для заполнения статьи за тот год, под которым сообщение фигурировало изначально, более интересные сюжеты, включающие вокняжение Всеслава Брячиславича в Полоцке. Капитальное значение сообщения о вокняжении Всеслава для истории летописания было указано Шахматовым (1947: 119). Согласно ПВЛ за 6552/1044 г., колдовскую повязку, положенную на язву на голове князя при его рождении, «носить Всеславъ и до сего дне на собѣ, сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье». Смерть Всеслава датируется в ПВЛ 6609/1101 г., а из этого следует, что статья за 1044 г. была написана до этой даты, при жизни Всеслава, но когда жестокость полоцкого князя уже стала притчей во языцех. Тем самым мы обнаруживаем в ПВЛ несомненное отражение более древнего свода, в котором Шахматов усматривал свод 1090-х гг. Тот досадный факт, что крупнейшее родимое пятно Начального свода 1090-х гг. не просматривается в НІЛ мл., в которой этот свод якобы отложился, Шахматов объяснял дефектностью соответствующей части рукописи свода.

Наблюдение Шахматова приобретает новый вес и иное звучание в контексте проведенного выше анализа. Заметка о Всеславе Полоцком датирует киевскую переработку киевского же источника, который в свою очередь редактировал и дополнял текст Сказания 1016/7 г. Я признаю в этой переработке свод 1090-х гг. Тот факт, однако, что один из его основных маркеров

не отразился в НІЛ мл., служит дополнительным доказательством того, что в руки новгородского летописца попал не этот свод, а более ранний. Я добавлю ниже несколько замечаний к характеристике обоих сводов, а пока продолжим рассмотрение редакционного процесса, которому подвергся в 1090-х гг. ранее составленный летописный текст. На этом этапе становления летописи летописец начинает бояться пустоты, и нам предоставляется уникальная возможность проследить механизм ее заполнения.

Заметки о походах Ярослава к Берестью и на Литву являются не единственным примером перемещения сводчиком 1090-х гг. текста источника. Заметка об освобождении польским королем Казимиром русских пленнх помещена в НІЛ мл. под 6555/1047 г. в связи с победой Ярослава над мазовшанами: «Ярославъ иде на Мазавшаны и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру; тогда дасть Казимиръ 800 людий Руси полоненыхъ Ярославу шурина». Сходная информация фигурирует в ПВЛ ранее, под 6551/1043 г., в несколько ином контексте: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сот». Рассказ же о победе Ярослава над мазовшанами и о покорении их Казимиру оставлен без изменений в 6555/1047 г. Итак, освобождение пленнх представлялось изначально как знак признательности со стороны польского принца за покорение ему мазовшан, а в позднейшей обработке интерпретируется как подарок шурина к свадьбе. Сводчик 1090-х гг. не знает даты свадьбы – отсюда неопределенная формула «в си же времена» – и выбирает годовую статью для известия неудачно. Галл Аноним и Саксонский анналист независимо помещают брак Казимира I с Марией-Добронегой сразу по возвращении польского принца из изгнания, позволяя историкам датировать его концом 1038 или началом 1039 г. Сводчик же исходит из того, что в 6555/1047 г. Ярослав уже был шурином Казимира, и помещает известие о свадьбе наугад на несколько лет раньше.

Предложенные наблюдения проливают свет как на метод работы сводчика 1090-х гг., так и на использованный им источник. Этот источник связал освобождение русских пленнх со свадьбой Казимира I, не указывая ее даты. Он же ответственен за соединение известий о смерти Болеслава и о волнениях в Польше в статье 6538/1030 г.: «В се же время умре Болеславъ Великій в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земле Лядскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь». Форма датировки вновь выдает колебания сводчика, которые и на сей раз оправданы: Болеслав умер в 1025 г., а мятеж, направленный против церкви в Польше, датируется ок. 1037 г. Источник летописи, столь неплохо осведомленный о польских событиях, был определен Шахматовым (1908/2002: 183–202, ср. выше) как ныне утерянное Житие св. Антония

Печерского, содержащее рассказ о судьбе Моисея Угрина, плененного вместе с Предславой и освобожденного в результате упомянутых политических пертурбаций. В отличие от Шахматова (1906/2002: 185–186), я не вижу оснований возводить к Житию Антония, отразившемуся лишь в своде 1090-х гг. и возникшему немногим ранее, рассказ об обезглавлении Борисова отрока Георгия, и еще менее того – обе (!) летописные версии извещения Предславы. Эти элементы фигурируют в НЛ мл., что указывает в рамках предлагаемой мной ниже схемы на их присутствие в своде 1076 г. Дополню также анализ Шахматова наблюдением, что печерский инок Поликарп, один из авторов Патерика, использует при составлении жизнеописания Моисея Угрина не только Житие Антония, но и ПВЛ (ср. Русинов 1997), которую он первый в древнерусской традиции приписывает «блаженному Нестеру» и которая обладает для него большим авторитетом, чем анонимное Житие. Тот факт, что Житие послужило источником летописи, от него, естественно, ускользнул.

Анализ приемов, используемых автором свода 1090-х гг. для заполнения пустот, можно было бы пополнить, обратившись, например, к любопытным наблюдениям Т. Вилкул (2003б) над датами рождения и смерти родичей Ярослава: выстраиваясь в регулярные ряды, эти даты столь явно служат целям оформления летописного пространства, что возникают сомнения в их исторической достоверности. Приведенные соображения и в целом не способствуют доверию к датам за первую половину-середину XI в., которые впервые появляются в ПВЛ.

Впрочем, не сомневаюсь, что и сам сводчик за точность своих дат не поручился бы и что его усилия по заполнению пустоты были лишь побочным продуктом ревизии текста летописи, основная цель которой вырисовывается для меня достаточно четко. Два авторитетных источника, Паримийные чтения о Борисе и Глебе и Житие св. Антония Печерского, существенно дополняли, а кое в чем и меняли представления о событиях прошлого, отраженные в летописи (своде 1076 г.). Сводчик 1090-х гг., как истинный историк, почел своим долгом выправить летописное повествование по новым данным. Позволю себе предположить, что именно в этом и состоял основной импульс к созданию нового свода, так как желание отметить открытие мощей Феодосия Печерского, подвигшее автора на продолжение летописи, завершавшейся кончиной печерского игумена, могло быть исполнено и без переработки наличного текста. Я тем более готов настаивать на этом объяснении, что наш автор поступил точно также примерно 20 лет спустя, когда в его руки попали новые документы, изменившие его представления о начальной русской истории еще более радикально: договоры Руси с греками.

3. К характеристике свода 1076 г.

Киевский источник Н1Л мл. определялся Шахматовым и его ближайшими последователями как свод 1090-х гг., а Алешковским и Гиппиусом как тот же свод, продолженный записями до 1115 г. Вилкул определяет этот источник как саму ПВЛ, развивая идею Бугославского о том, что расхождения между ПВЛ и Н1Л мл. в параллельных пассажах объясняются не большей древностью источника этой последней, а вмешательством позднейших новгородских летописцев. Стоит особняком недавно сформулированная теория В. К. Зиборова (1995: 129–156), согласно которой источником Н1Л мл. стал свод не 1090-х, а 1070-х гг. Казалось бы, что логичнее? Параллелизм между Н1Л мл. и ПВЛ обрывается на середине 1070-х годов, что заставило Шахматова предположить, что в руки новгородского летописца попал свод с оборванным концом. Напомню, что Шахматов прежде выделил (вслед за Татищевым) свод 1090-х гг., который он назвал Начальным и на основе которого он объяснил соотношение между Н1Л мл. и ПВЛ, и лишь позднее заключил, что этому своду предшествовал другой, составленный в 1070-е годы. Идея, что именно этот свод и отложился в Н1Л мл. кажется логическим продолжением мысли Шахматова, даже если сам ученый к ней и не пришел. Тем не менее концепция Зиборова серьезного отклика не получила, надо думать потому, что являлась во многих моментах спорной и заключала в себе существенные лакуны. Однако схема, в которой исходный объем киевского источника Н1Л мл. соответствует его реальному отражению в новгородской летописи, имеет явное преимущество перед попытками постулировать дефектность рукописи, в которой он содержался, или отказ новгородского летописца от полного его копирования. Поэтому я попытаюсь вновь предложить здесь основную идею Зиборова, пересмотрев и дополнив его аргументы и прежде всего отказавшись от выдвинутой им идентификации Нестора как автора свода 1070-х годов.

Признав оборванную на середине фразу в описании кончины Феодосия за следствие некоего материального дефекта в передаче текста, постараемся понять, какого. Согласно концепции Шахматова, текст Начального свода был внесен в протограф Н1Л мл. сводчиком первой трети XV в., работавшим достаточно механически и не заметившим его дефектность. Ныне основная посылка этой гипотезы принадлежит прошлому. Как убедительно показал Гиппиус (1997), киевский источник, заключающий в себе статью за 6582/1074 г., был введен в Новгородскую владычную летопись гораздо раньше, в 1167 г., Германом Воятой. Воята проводил сложную работу по соединению источников, дополняя источник киевский,

который был для него основным, за счет новгородского (по Гиппиусу, даже двух: Древнейшего Новгородского свода середины XI в. и свода Мстислава-Всеволода). Вновь предполагается, что киевский источник (ПВЛ по Гиппиусу) был лишен конца, и потому Воята, не обратив внимания на дефектность статьи за 6582/1074 г., перешел со следующего года к своему новгородскому источнику. Мог ли, однако, Воята не заметить, что Феодосий, объявив князю Святославу «се, отхожую свѣта сего», не исполнил своего обещания? Я должен отклонить эту гипотезу хотя бы уже и потому, что новгородским источником Вояты был свод Всеволода, отложившийся в НІЛ ст., где исход оборванной сцены резюмирован в статье за тот же 6582/1074 г.: «Прѣставися Феодось, игумень Печерьскый, мѣсяця мая въ 3». Дата смерти святого составляла столь капитальный элемент статьи о его кончине, что не заметить ее отсутствия (как и отсутствия указания на саму кончину) Воята, конечно же, не мог. И так, дефект статьи за 6582/1074 г. мог укорениться в тексте НІЛ мл. за счет механической работы переписчика, но никак не в результате деятельности «редактора-составителя» Германа Вояты.

Проведенный Гиппиусом анализ процесса создания Воятой свода 1167 г. позволяет мне в свою очередь предложить возможный сценарий утери окончания статьи за 6582/1074 г. Как мы теперь знаем, Воята заново отредактировал и переписал лишь ту часть владычной летописи, которая завершалась как раз на статье 6582/1074 г. Изъятый им из владычной летописи древний текст читается ныне в НІЛ ст., а сама владычная летопись в своем материальном оформлении приобрела вид конволюта, где до 6582/1074 г. шел текст, переписанный Воятой, а далее, за почти столетие, текст, созданный летописцем князя Всеволода (ок. 1126 г. по предложенной выше датировке) и его владычными продолжателями, предшественниками Вояты. Нет сомнения, что Воята пытался подгадать так, чтобы окончание переписываемого им текста совпало с концом тетради: любой сведущий книжник знал, что вставной лист посреди рукописи имел все шансы затеряться, и даже при переплете (а эта перспектива для постоянно пополняемой летописи была достаточно далекой) его трудно было закрепить. Воята в этом предприятии не преуспел, и тетрадь закончилась ранее, чем описание кончины Феодосия. Описание это Воята переписал до конца, добавив вставной лист, который со временем выпал. Позднейший переписчик, не подвергавший текст редактированию и в него не вчитывавшийся, не заметил лакуны потому, что за нею шла, как и следовало после окончания статьи, новая годовая статья (пустая) за 6583/1075 г.

Предложенный сценарий позволяет объяснить утерю конца статьи НІЛ мл. за 6582/1074 г., исходя из материальных условий сложения

текста летописи и не приписывая ее наиболее выдающемуся составителю невероятную небрежность. Сам по себе этот сценарий не исключает возможности того, что киевский источник Вояты выходил по своему хронологическому охвату за те пределы, в которых он отразился в НІЛ мл. Мой сценарий лишь заставляет признать, что если в руки Вояты попала, скажем, ПВЛ, как то предполагает Гиппиус, то он сократил ее конечную часть сознательно, а не в силу случайной (им самим якобы незамеченной) утраты текста. Объяснить подобного рода решение было бы непросто, но главное не в этом. Каким бы ни было предложенное объяснение, оказалось бы, что Герман Воята, вовсе не будучи критиком текста летописи, решил использовать находящийся в его распоряжении обширный летописный текст в точности в объеме его более раннего источника. Правда, согласно Шахматову, свод 1070-х гг. завершился на статье 6581/1073 г., по мнению Гиппиуса (который следует за Черепниным) останавливался на статье 6580/1072 г., а согласно Зиборову захватывал также и статью 6583/1075 г. Поэтому необходимо разобраться в критериях, служащих к выделению этого свода.

Основные соображения, ведущие к выделению свода 1070-х гг., сформулировал Шахматов в соответствующей главе «Разысканий» (1908/2002: 284–309). Чтение этой главы для современного читателя затрудняется тем, что для Шахматова задача выделения свода была неотделима от определения его автора, в котором он усматривал Никона Печерского. Это отождествление основывается на том, что в летописи за 1060-е гг. заметное место занимают сведения, касающиеся Тмутаракани, где Никон провел немало лет, вероятно и впрямь к нему восходящие (я не вижу лучшего объяснения сохранения, например, точной даты смерти тмутараканского князя Ростислава в статье за 6574/1066 г.). Однако это определение автора свода создает и ряд противоречий, из коих наиболее, пожалуй, разительное от Шахматова не скрылось. В статье за 6573/1065 г. повествуется о новорожденном уродце, тело которого было выловлено рыбаками в Днепре и на которого бегали смотреть зеваки, включая и автора летописной статьи («егоже позоровахомъ»). Никон же в тот год пребывал в Тмутаракани и участником киевских событий быть не мог. Предложенное Шахматовым (1908/2002: 291) объяснение чрезвычайно сложно. По его гипотезе, «позоровахомъ» принадлежит не Никону лично, а «монастырской братии», и указывает «на совокупную работу, происшедшую над монастырской летописью», и на «другого автора, быть может и не единоличного», которому свод 1070-х гг. принадлежит наравне с Никоном. Одного этого затруднения довольно, чтобы отказаться от идеи авторства Никона, как, собственно, и поступают многие современные

исследователи. Я же специально остановился на этом пункте, так как гипотеза об авторстве Никона была определяющей для Шахматова при установлении даты свода: поскольку Никон покинул Киев вскоре после победы Святослава весной 1073 г., составленная им летопись не могла идти дальше описания княжеской уособицы в первой части летописной статьи за этот год.

В остальном же аргументация Шахматова строится на том, что начиная с середины 1060-х гг. не только значительно обогащается содержание летописных статей, но и становится очевидной живая актуальность для летописца описываемых им событий. Сходный уровень содержательности и актуальности обнаруживается ранее лишь в статье о смерти Ярослава за 6562/1054 г., но, как убедительно показал Шахматов, эта статья стоит в теснейшей связи со статьей за 6581/1073 г., и обе были написаны одновременно. Я не буду повторять аргументы Шахматова, к которым в целом присоединяюсь, а только задержусь на спорных моментах, в первую очередь на статусе статьи за 6582/1074 г., заключающей описание кончины Феодосия.

В статье за 6582/1074 г. Шахматов различал две части: само описание кончины святого, которое он считал изначальным, и последующие заметки о праведных старцах Печерского монастыря, которые он считал привнесёнными (когда и откуда для нас сейчас безразлично). Сходное деление предложил Зиборов на основе более подробного анализа текста. Предложенный мною выше сценарий возникновения лакуны в конце статьи Н1Л мл. за 6582/1074 г. в свою очередь предполагает, что Герман Воята использовал источник, где эта статья завершалась на сцене кончины Феодосия. В самом деле, если бы Воята располагал также и жизнеописаниями Печерских подвижников, они бы дали ему материал для дополнительной тетради, и ему не пришлось бы вставлять изолированный лист. Статьи за последующие годы Воята мог, предположим, опустить намеренно, но в “удлинении” статьи за 6582/1074 г. он имел самый живой интерес. Итак, при разборе статьи за 6582/1074 г. я имею в виду лишь первую ее часть, посвященную кончине печерского игумена. Шахматов (1908/2002: 294–296) справедливо усмотрел в этой части рассказ очевидца: «ввиду точности и хронологической определенности рассказа в этом не может быть сомнения». Более того, эмоциональная насыщенность описания в явной связи со вспыхнувшими в монастыре после смерти Феодосия раздорами не позволили ученому отнести его к своду 1090-х гг. Специально ради рассматриваемой статьи Шахматов выделил дополнительный этап в истории сложения летописи (не вошедший в хрестоматийные очерки его концепции): если свод “Никона” представлял для него первое продолжение Древнейшего свода, то описание

кончины Феодосия составило «второе продолжение к Древнейшему своду, относящееся ко времени едва ли раньше, чем 1078 г.». Я считаю важным напомнить это забытое положение Шахматова, хотя мне и предстоит его оспорить, а в особенности его формулировку, которая свидетельствует, как мне кажется, о некотором колебании в отношении предложенной поздней даты. В самом деле, если признать Никона автором свода 1070-х гг., то отделение от этого свода статьи за 6582/1074 г. неизбежно. Ну а если мы отбрасываем эту атрибуцию?

Комментируя статью за 6582/1074 г., Шахматов справедливо отметил, что она содержит в себе весьма нелестные для игумена Стефана детали. В ней открыто и без обвиняков рассказывается о том, что выбор Феодосия пал изначально на пресвитера Якова (нигде больше в источниках не упомянутого), и лишь после того как тот был отвергнут братией, Феодосий назначил своим преемником Стефана. Более того, указывается, что имя Якова было выдвинуто Феодосием «по божию повелѣнию», то есть, очевидно, открылось ему на молитве, а назначения Стефана братия добила, сотворив «свою волю». Шахматов заключает, что такое описание могло быть составлено лишь после изгнания Стефана из монастыря и замещения его Никоном в 1078 г. Этот вывод был бы неоспорим, если бы та же статья не несла в себе дополнительные детали, которые Шахматов не комментирует, но к которым привлекает внимание Зиборов. За избранием игумена следует сцена посещения монастыря князем Святославом и его сыном Глебом, которым умирающий Феодосий поручает защиту монастыря, но странным образом не от внешних врагов, а от внутренних распрей, и в первую очередь защиту самого Стефана: «предаю ти монастырь на соблюдение, еда будетъ что смятение в немъ; и се, поручаю игуменьство Стефану, и не даи его в обиду». Это завещание Феодосия, которым утверждается не только легитимация Стефана как игумена, но и стремление умирающего подвижника оградить своего преемника от будущих покушений со стороны братии, однозначно снимает гипотезу о составлении статьи после Никонова переворота. Как отмечает Зиборов, летописная статья свидетельствует о ситуации, в которой Стефану среди братии уже составила оппозиция, искавшая себе оправдание в обстоятельствах его избрания, очевидно именно таких, как описаны в летописи. Летописец со своей стороны не стал ни скрывать, ни сглаживать события, имевшие место совсем недавно на глазах у всей братии, но не преминул и подчеркнуть, что избрание Стафана, «мужа по всему обычаемъ блага и кротка, тиха и смирена» (эта характеристика была выкинута позднейшим редактором и в ПВЛ не вошла), было одобрено Феодосием и более обжалованию не подлежит.

Переворот 1078 г., возведший Никона в игумены, превращается таким образом из термина *post quem* в термин *ante quem* для составления летописной статьи. Ее хронологию можно уточнить и еще. Роль защитника монастыря в ней отводится князю Святославу, узурпатору киевского престола и фигуре в печерской традиции весьма неоднозначной. Как известно, Никон покинул Киев вскоре после завершения усобицы, вознесшей в начале 1073 г. Святослава на престол, и вернулся только после смерти князя. Феодосий не оставил свой монастырь (хотя, согласно Несторову Житию, Никон его к тому и призывал), но и ему было нелегко смириться с незаконным свержением Изяслава. Житие Феодосия, написанное Нестором в игуменство Никона²⁹, уделяет немало внимания проблеме отношений печерского подвижника с новым князем, очевидно еще обсуждавшихся братией. Согласно Нестору, Феодосий пробовал сначала обличать Святослава, а потом понял, что от обличений проку нет, и наладил с князем вполне корректные отношения, принимая его в монастыре, да и сам навещая его на княжем дворе (где он оговорил, что музыканты будут прекращать игру при его появлении). Таким образом летописная сцена посещения Святославом умирающего Феодосия вполне правдоподобна. Однако законным киевским князем Феодосий Святослава не признал и в качестве компромисса приказал поминать на ектении обоих князей: первым Изяслава и лишь затем Святослава. Представить читателю Святослава в роли защитника монастыря можно было, пока тот правил в Киеве, но после его смерти подобная идея летописцу в голову не пришла бы. К тому же Святослав (+27.12.1076) пережил Феодосия всего на два с половиной года, что, с точки зрения летописца, пишущего после смерти князя, печерский игумен должен был бы предвидеть; выбор столь недолговечного покровителя звучал бы в этой перспективе как упрек Феодосию в неспособности прозреть будущее. Показательно, что Нестор, знакомый с летописной статьей о смерти Феодосия (Зиборов 1995: 67–68), отмечает одной строкой визит князя (не упоминая о его сыне, который немного пережил отца и никого уже не интересовал), но не предусматривает для него роли в охране монастыря.

Предлагаемая датировка статьи за 6582/1074 г. ранее конца 1076 г. делает очевидной ее принадлежность к своду 1070-х гг., но вступает в противоречие с датой свода, предложенной Зиборовым. Сложный анализ данных

29 Подробный обзор дискуссии о датировке Жития читатель найдет в работе Ю. А. Артамонова (2003: 253–277). Автор высказывается в пользу даты не ранее 1108 г., однако отмечает, что большинство его предшественников придерживалось ранней датировки, на мой взгляд, не без основания (ср. Русинов 1995).

статьи за 6579/1071 г. о пророчестве прельщенного бесом волхва, согласно которому «на 5 лѣто потещи Днѣпру въспясть, а землямъ преступати на иная мѣста, яко стати Гречьскои земли на Руской земли, а Руской земли на Грѣчьскои землѣ», приводит исследователя к выводу о том, что в словах пророчества закодировано описание событий 6585/1077 г., а расхождение в год ($6585 - 6579 = 6$, а не 5) является следствием применения различных хронологических систем. 1077 г. становится датой составления свода. Я же никакой связи между статьями за 1071 и 1077 гг. не усматриваю и вообще считаю, что попытки соотнести пророчество волхва с некоей отраженной в летописи реальностью, которые делались и раньше (напр. Алешковский 1971: 39–40), обречены на провал. Исследователи странным образом норовят побить летописца на его же собственном поле: если он находил в словах волхва лишь бесовский соблазн, то они доказывают, что в них содержится истинное пророчество о событиях, самим же летописцем и описанных. Я думаю, что летописец привел это пророчество, в самом деле памятное и красивое, чтобы показать, что ровно пять лет прошло и ничто из предсказанного не исполнилось. Очевидно, что ранее 1076 г. эта статья написана быть не могла. Тем самым дата свода определяется с точностью до года.

Для определения контуров свода Зиборов использует статью за 6583/1075 г., где указывается, что Стефан начал отстраивать в 1075 г. церковь Богородицы на фундаменте, заложенном Феодосием, и тут же добавляется, что постройка была закончена «на третье лѣто, мѣсяца иуля 11 день», то есть, очевидно, летом 1078 г. Затем следует рассказ о немецком посольстве к Святославу. Зиборов привлекает эту статью в версии Тверского сборника, где содержится лишь указание на начало постройки, а не на ее окончание, считая эту версию первоначальной. Тем самым по его реконструкции эта статья замыкает свод 1070-х гг., не выходя за установленные им временные рамки. Однако изначальность версии Тверского сборника, автор которого многое себе позволял, не только недоказуема, но и очень мало вероятна. А взятая целиком статья за 6583/1075 г. не вписывается ни в хронологические рамки составления свода, указанные Зиборовым, ни тем более в те, более узкие, что предложил я. Соединение в одной статье событий за три года, для предыдущих погодных записей нетипичное, свидетельствует скорее о восполнении летописи после долгого перерыва. Ровно на ту же мысль наводит и характер рассказа о немецком посольстве. Летописец не говорит ни кто были эти немцы, ни кто ими правил, ни в чем состояла цель посольства. Весь рассказ сводится к анекдоту о том, как Святослав стал показывать послам «бещисленное множество, злато, и сребро, и паволокы», а те ему

напомнили, что не богатство главное, а «мужи», которые «доищють и болше сего». Затем следует нелестное сравнение Святослава с Иезекией, царем Иудейским, уведённым в Вавилонское пленение, и еще менее лестное замечание: «так и по сего смерти все имѣнье расыпаса разнѡ». Лежащий в основе рассказа исторический факт стёрся до афоризма, да и размышление о наследии Святослава явно ретроспективно. Контраст с насыщенным конкретными деталями описанием кончины Феодосия очень резок и лишь подчеркивает тот факт, что статья 6583/1075 г. открывает собой новый этап становления летописного текста.

Еще одно соображение, ранее не привлекавшееся, подтверждает датировку свода ранее конца 1076 или, во всяком случае, начала 1077 г. Статья за 6581/1073 г. содержит следующее сообщение о судьбе Изяслава после его поражения в борьбе за киевский престол: «Изяславъ же иде в Ляхы с имѣниемъ многымъ (...), глаголя, яко “сим налѣзу вои”, еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь от себе». Поляки и в самом деле обобрали и выставили Изяслава, но как показали исследования, привлекающие западные источники, произошло это в конце 1074 г., в связи с наметившимся союзом между Болеславом Смелым и Святославом, результатом которого стал поход Владимира Мономаха и Олега Святославича «ляхомъ в помочь на чехы» летом 1075 г. (Головко 1988: 53–56; Назаренко 2001: 529–537). Итак, летописец, составляющий статью за 1073 г. не ранее 1075 г., не видит для Изяслава никаких перспектив в Польше. Поэтому полной неожиданностью для читателя становится статья за 6585/1077 г., из которой он узнает, что Изяслав вернул себе власть весной 1077 г., подойдя к русской границе во главе польского войска. Современные историки без труда объясняют перемену русской политики Болеслава Смелого после смерти Святослава и возобновление его союза с Изяславом. Однако в летописи этого объяснения нет, и статьи за 6581/1073 и 6585/1077 гг. явно не стыкуются. Это не покажется удивительным, если признать, что они принадлежат к разным слоям становления летописи (а принадлежность к позднему слою описания похода на чехов объяснит его неверную датировку: 6584/1076 вместо 6583/1075 г.). Если же считать, что статьи за 6581/1073 и 6585/1077 гг. были написаны “в один присест” летописцем 1090-х гг., то его непоследовательность необъяснима.

Реконструкция свода может быть существенно дополнена благодаря недавней работе Гиппиуса (2006а), который убедительно показал, что космографическое Введение, которое читается ныне в ПВЛ, воспроизводит в значительной части введение свода 1070-х гг. (ср. ниже, III,4). Гиппиус опирается на исследование С. Франклина (1982/2002: 6–12), который не только указал на идейную близость завета сыновей Ноевых

во Введении «не преступати никому же въ жребий братень» с летописными статьями за 1054 и 1073 гг., но и, главное, выявил общий источник, одинаково четко проступающий и в приведенной фразе Введения, и в статье за 1073 г.: 28-ой «Вопрос и ответ» Анастасия Синаита (известный в славянском переводе по Изборнику 1073 г.). Франклин возводит все три пассажа к своду 1070-х гг., автор которого нашел случай осудить узурпацию Святослава, переосмыслив привлекаемый богословский текст и придав ему несвойственное ему политическое звучание: «it well illustrates the way in which the Kievans could put Byzantine material to distinctly un-Byzantine use (p. 12)». Тем более удивительно, что Гиппиус продолжает придерживаться идеи Черепнина, согласно которой свод был составлен в 1072 г. и завершался сценой освящения Борисо-глебовской церкви в Вышгороде, редким примером братского сотрудничества Ярославичей. Создается парадоксальное положение, в котором проницательный автор свода предусмотрел преступление Святослава и заложил его осуждение в летопись, а некий позднейший «летописец, описавший изгнание Изяслава в 1073 г., развил аналогию между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава, заданную его предшественником» (Гиппиус 2006а: 73). Более того, этот летописец опознал по одной строчке очень редкий источник, использованный сводчиком «1072 г.», и продолжал его применять, столь же резко его переосмысляя. Гиппиус справедливо указывает, что один из сыновей Ноевых назван правильно Симом во Введении и ошибочно Сифом в статье за 1073 г., и усматривает в этом доказательство смены летописца. Но подобная путаница обоих имен не является, по его признанию, исключением, а главное, следует обратить внимание на указанный Франклином характер использования летописцем своего источника: «patchy and semi-coherent nature of the chronicler's references» (p. 10). Летописец явно цитировал по памяти, и неудивительно, что ошибся.

Предложенная реконструкция свода 1076 г. вступает в противоречие и с недавними идеями А. Тимберлейка (2006, ср. 2001; 2004), который отходит от шахматовской модели сводов и считает, что летопись нарастала небольшими сегментами (лишь в период с 1050-го по 1087-ой г. он различает четырех летописцев), подвергаясь время от времени ретроактивной редакционной обработке. Именно к такой обработке (editorial episode), связываемой им с Начальным сводом 1093 г., он относит интересующие нас части статей не только за 1054 и 1073, но и за 1078 г. (относя при этом приведенную выше фразу Введения автору ПВЛ, который якобы вновь обратился к тому же источнику, что и его предшественник). Однако я в целом затрудняюсь принять методологию Тимберлейка: различение летописцев и деление летописных статей на

изначальный текст и вставки мне кажутся слишком субъективным. Не вижу причины последовать за ним и здесь³⁰.

Итак, из приведенных наблюдений вытекает, что свод 1070-х гг. был составлен еще при жизни князя Святослава, два года спустя после смерти Феодосия Печерского. Яркая сцена его кончины, вероятно, с самого начала планировалась летописцем как финальная, а то, что именно на ней и завершался свод, следует как из внутреннего анализа текста, так и из его отражения в НІЛ мл. Предложенный анализ расходится с позицией Шахматова, но следует четко очертить наши разногласия. Шахматов убедительно показал, что НІЛ мл. отражает более ранний этап летописного текста, чем ПВЛ. Он показал, на мой взгляд, столь же убедительно – хотя, как мы увидим ниже, я принимаю не все его аргументы – что 90-е гг. XI в. знаменуют собой новый этап в становлении летописного текста. Отождествление же раннего летописного источника, отложившегося в НІЛ мл., с текстом 1090-х гг. потребовало огромных натяжек, а единственным его обоснованием стала предложенная Шахматовым датировка Предисловия НІЛ мл., которую нам и предстоит напоследок разобрать.

30 Приведу один показательный пример. Комментируя характеристику Всеволода в статье за 1054 г.: «бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братья», Тимберлейк (2006: 107) утверждает, что она «could have been written only by a chronicler who favored Vsevolod and who would have been free to express his bias after the demise of Iziaslav and Sviatoslav». Симпатия летописца к Всеволоду несомненна, но вполне объяснима в контексте середины 1070-х гг. на фоне столкновения амбиций его старших братьев (независимо от чувств, которые мог испытывать к нему Ярослав). Более того, я не считаю, что делая эту запись, летописец имел основания опасаться, что ее прочтут тиуны Святослава и загребут его в участок. Следует ли нам признать вместе с Тимберлейком, что один и тот же редактор летописи сначала формулирует завет Ярослава Изяславу в статье за 6562/1054 г.: «аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты помагаи, егоже обидять», а затем конструирует гибель Изяслава в статье за 6586/1078 г. как результат его готовности «сложить голову свою» за брата Всеволода? Я несколько в этом не убежден. Нарративная конструкция гибели Изяслава на редкость искусственна, ибо очевидно, что нашествие половцев в союзе с князьями-изгоями Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем угрожало ему не менее, чем Всеволоду, и что он обязан был выступить против них независимо ни от каких братских чувств. Поэтому проще объяснить “перекличку” между обоими статьями не изначальным единством авторского замысла, а неуклюжей попыткой летописца 1090-х гг. творчески развить мотив, найденный им в раннем своде.

4. Предисловие НІЛ мл. и Введение ПВЛ

Предисловие НІЛ мл., ранее датированное началом XIII в., было отнесено Шахматовым к Начальному своду 1090-х гг. и широко им использовано для определения идейного настроения и даты свода. В пользу поздней даты Предисловия высказывались противники шахматовской концепции Начального свода, наиболее аргументировано А. Г. Кузьмин (1977: 93–101), а недавно В. Я. Петрухин (2006), хоть к этому направлению и не принадлежащий, высказался в пользу его датировки уже даже не началом, а серединой XIII в. С подробным ответом Петрухину выступил Гиппиус (2006а), поддержавший с небольшой поправкой (1091 или 1092 г. вместо 1095 г.) дату Шахматова. Признавая основательность многих аргументов, приведенных в этой последней работе, я все же считаю необходимым вступить в свою очередь в спор и поддержать позднюю датировку Предисловия, правда не началом и не серединой, а двадцатыми годами XIII в.

Ключевым пассажем в аргументации Шахматова стало обличение неправого княжеского суда в Предисловии: «тѣи бо князи [т.е. древние князи] не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ вѣсладаху на люди, но оже будяше правая вира, а ту возьма, дааше дружинѣ на оружье». Эти резкие строки Шахматов сблизил с некрологом князя Всеволода в статье за 6601/1093 г., где этому добродетельному и благочестивейшему князю ставится в упрек то, что на старости лет он пренебрег дружиной своей первою и «нача любити смыслъ уных», а те, воспользовавшись этим, стали не допускать людей до праведного княжеского суда, «грабити люди и³¹ продавати, сему не вѣдущу в болѣзняхъ своихъ». Шахматов сделал вывод о принадлежности обоих пассажей одному автору, и так, через контаминацию с Предисловием НІЛ мл., автор некролога князя Всеволода приобрел ореол трибуна-обличителя князей неправды, каковой он до сих пор носит во многих ученых трудах. С таким же успехом, однако, можно сопоставить и уравнивать и ныне прозябающий «Крокодил» с давно забытой «Хроникой текущихъ событий». Автор Предисловия обличает неправду княжеского суда как системную, практикуемую всеми современными ему князьями, ибо направленную на их личное обогащение. Что же касается киевского летописца, руководимого жалобами видного представителя «первой дружины» Яна Вышатича, то тот лишь позволяет себе критическое замечание в адрес отдельных неудачно выбранных приближенных

31 Поправка Гиппиуса (2006а: 64, прим. 7).

князя, личная добродетель которого при этом всячески подчеркивается. Поэтому, при отсутствии текстуальных параллелей, связь между обоими пассажами оказывается мнимой. Когда популярная у византинистов тема градации категорий «критики властителя» (Kaiserkritik) перейдет в историографию Киевской Руси, то станет очевидным, что летописец 1090-х гг., свято верящий в «праведный княжий суд», и автор Предисловия далеко отстоят друг от друга не только в плане идей, но и во времени.

Столь же мало показательно предложенное Шахматовым сближение фразы Предисловия «за наше несътоство навель Богъ на ны поганья, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своих злыхъ дель не останемъ» с сетованиями летописца по поводу половецкого набега в той же статье за 6601/1093 г. Конечно же, в этой статье «на ны Богъ попусти поганья ... да быхомъ ся востягнули от злыхъ дель», но другой причины для нашествия поганых летопись просто не знает. Подобных рассуждений в ней можно найти очень много, начиная с рассказа о половецком вторжении 6576/1068 г. и кончая описанием первого татарского вторжения в статье Н1Л ст./мл. за 6732/1224 г., отзвук которого в статье за 6738/1230 г. – текстуальное совпадение с Предисловием (Кузьмин 1977: 99–100) – иногда безосновательно связывается с нашествием 1230-х гг. (Богданов 2004: 119–122). Напомню также, что в описании половецкой победы 1093 г. летописец делает особый упор на взятии после долгой осады города Торческа, наверное не единственного, ибо русские пленные «со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: “Азь бѣхъ сего города”, и други: “Язь сея вси”», в то время как в Предисловии Н1Л мл. речь идет лишь о захвате сел и скота. Сходные соображения заставляют Гиппиуса (2006а: 62) признать, вслед за Алешковским, что в Предисловии подразумеваются менее разрушительные нападения половцев конца княжения Всеволода Ярославича. Тем самым приведенная фраза Предисловия перестает быть репером для датировки. Но что же мешает признать в ней реминисценцию битвы на Калке, памятуя, что первое татарское вторжение сопровождалось грабежом неукрепленных поселений, а не осадами и не взятием городов?

Дополнительная линия аргументации, восходящая к Шахматову и развитая недавно Гиппиусом, касается киевоцентричности мышления автора Предисловия. В самом деле, фраза «И тако бо есть промысль Божиия, еже явѣ в послѣдня: куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святагя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть, и т.д.» очевидным образом описывает святыни Киева, эталона благочестия новообращенной Русской земли. Как справедливо отметил Гиппиус, удивительно, что этот пункт стал предметом спора, поскольку в предыдущей фразе Киев представлен как «в нашей странѣ... градъ» того же уровня, что

в иных странах Рим, Антиохия, Селевкия и Александрия. Зато Новгородская волость упоминается на первом месте в первой фразе Предисловия: «... и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстом, прежде Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киевъ». Летопись (ПВЛ) и в самом деле сообщает об основании Новгорода прежде, чем о Киеве, а синтаксис фразы не дает оснований заподозрить в этом упоминании вставку. Я готов признать, что сделав сей реверанс, автор более не стремится придать Предисловию местный колорит, но это признание не противоречит идее о новгородском происхождении текста, так как у нас нет сведений о существовании в начале XIII в. новгородского партикуляризма, который требовал бы противопоставления и открытого предпочтения Новгорода Киеву.

Тогда как аргументы Шахматова и его последователей в пользу признания Предисловия киевским текстом 90-х годов XI в. в лучшем случае неоднозначны, доводы в обоснование его поздней даты и привязки к Новгороду гораздо более доказательны. Первый из них приводился неоднократно, ибо он-то и лег в основу исходной датировки Предисловия началом XIII в. Предисловие завершается фразой: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, от Михаила цесаря до [Олексы] и Исакья», объявляющей намерение автора довести повествование до времени правления византийских императоров, при которых Константинополь был захвачен крестоносцами в 1204 г. Сторонники ранней датировки Предисловия выдвигают идею о том, что имена современников падения византийской столицы были вставлены на место имен более ранних византийских правителей, но эта идея неприемлема. Летопись в целом, и в своей части за конец XI в. в особенности, не затрагивает событий византийской истории; единственным заметным исключением является Повесть о падении Царьграда в НЛ ст./мл., о которой и предоповещает читателя Предисловие. Итак, с позиции гипотезы о ранней дате, речь может идти лишь о дополнении, как и в случае с Новгородской волостью, а не об исправлении написанного. Однако и фраза «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ» вряд ли могла существовать самостоятельно, как синтаксически, так и потому что она не заключает в себе хронологического ориентира. Приходится признать, что весь конец Предисловия был заново написан сводчиком, внесшим в летопись Повесть о падении Царьграда.

Еще один довод в пользу позднего новгородского происхождения Предисловия ранее не приводился, хотя, на мой взгляд, он более весом. Одной из причин несправедливого княжеского суда и налагаемых князем произвольных штрафов являлись для автора Предисловия непомерные требования княжеских дружинников относительно оклада их жалования; он ставит им в пример древних воинов, которые «[не жадаху] глаголюще: “мало есть намъ, княже,

двусотъ гривень”». Мне не встретились комментарии оклада в 200 гривен, и я тем менее склонен пересчитывать его “в твердой валюте” на серебро, что недавняя заметка И. Леймуса (2001) показала всю шаткость предложенных исследователями курсов гривны. Однако несложно установить относительную ценность подобной зарплаты дружинника в обе интересующие нас эпохи. В датировке Шахматова Предисловие отстоит лишь на два десятка лет от Правды Ярославичей, где вира за убийство свободного человека составляет 40 гривен, а впервые вводимая вира за убийство княжего чиновника восходит до 80 гривен. Эти штрафы неоднократно сравнивались комментаторами с другими штрафами Русской Правды, в частности за имущественный ущерб, и мне нет здесь надобности доказывать, что эти суммы были очень значительны и что зарплата дружинника не могла покрывать два с половиной раза виру за убийство княжего тиуна.

Иначе обстоит дело в первой четверти XIII в. в Новгороде. Первое интересное для нас указание читается в статье НІЛ ст./мл. за 6723/1215 г. В Новгороде недород и дороговизна: кадь ржи стоит 10 гривен, кадь овса 3 гривны, и трупы умерших от голода лежат на торгу, на улицах и в поле. Иная ситуация описывается в статье за 6736/1228 г. Союзное войско разбивает лагерь под Новгородом и на торгу подсакивают цены: кадь ржи идет по 3 гривны, кадь пшеницы по 5, а пшеница по 7 гривен. Любопытно, что летописец отмечает, что цены как поднялись, так и остались на этом уровне «по 3 лета», то есть до того момента, когда он с запозданием восполняет статью за 1228 г. Голод эти цены не провоцируют, никто на улицах не мрет, а союзное войско давно уже вернулось в Переяславль. Таким образом летописец описывает, не умея это выразить современными терминами, процесс инфляции гривны, который вряд ли начался внезапно в 1228 г. Специалисты по экономической истории Новгорода со временем объяснят нам его механизм. Здесь же мне достаточно отметить, что та покупательная способность гривны, что проявляется в статье за 1228 г., не только сопоставима с окладом дружинников в 200 гривен, но и объясняет их стремление добиться прибавки к жалованию.

Работы последних лет заострили внимание на том, что Предисловие НІЛ мл. не перерастает органически в летописный рассказ, а просто приложено к тексту летописи, который открывается на полуфразе: «живяху кождо съ родомъ своимъ». В своем недавнем обзоре истории вопроса Гипшиус отмечает, что на грамматическую несуразность фразы, начинающейся с «живяху», указывал еще А. И. Соболевский; он цитирует далее замечания ряда современных исследователей (М. Х. Алешковского, О. В. Творогова, В. Я. Петрухина), признающих, по его выражению, «усечение» в НІЛ мл. изначального космографического Введения, замененного на Предисловие. Эта «ущербоность» вводной части НІЛ мл. особенно четко

выступает при сравнении с ПВЛ, где читается текст в целом параллельный, переработанный и дополненный автором Повести, но обладающий логически построенным началом. Гиппиус (2006а: 87) убедительно восстановил «урезанный» в НІЛ мл. вводный пассаж по ПВЛ: «И тако разыдеся словѣньскый языкъ / и живяху къждо с родѣмъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще къждо родѣмъ своимъ». Для объяснения «усечения» он выдвигает ряд положений (Гиппиус 2006а: 73):

- а. Космографическое Введение возникло не в ПВЛ, как полагал Шахматов, и не в своде 1090-х гг., как думают сторонники поздней даты Предисловия, в первую очередь В. Я. Петрухин³², а восходит к своду 1070-х гг. (ср. выше).
- б. Введение «было отброшено и заменено на Предисловие в Начальном своде» 1090-х гг.
- в. Оно «было восстановлено в ПВЛ путем нового обращения к источнику Начального свода», но в несколько переработанной форме.

Предлагаемая схема «зигзагообразного развития текста» мне кажется мало правдоподобной. Но дело тут не в общих методологических посылках, а в том, что предложенный сценарий не несет в себе решения основной проблемы построения текста. Если начальная часть Введения была устранена в результате редакционной переработки свода 1076 г., то как объяснить столь явно ущербный конечный результат? Автор свода 1090-х рисуется нам как квалифицированный книжник, который, если бы и вздумал сокращать Введение (к чему он особых причин не имел), именно сократил бы его, а не «усек». Переход от Предисловия к обрубку Введения, сохраненному в НІЛ мл., сработан столь топорно, что вся конструкция заставляет вспомнить о пресловутой двери из «Недоросля», определяемой как прилагательное, поскольку она не подвешена, а лишь приложена. Это всеми признанное свойство текста в первую очередь и нуждается в объяснении.

Совокупность приведенных наблюдений наводит на простое, ранее не выдвигавшееся решение: появление Предисловия явилось следствием замены первого листа Новгородской владычной летописи в двадцатых годах XIII в.

32 Удачное определение Петрухина (2006: 41) подводит итог не только цитируемой работы, но и его более ранних выступлений по теме. Исследователь указывает на «отсутствие текстологических оснований, которые позволили бы в реконструкции отрывать содержание Начальной летописи от заглавных вопросов (о происхождении Русской земли) и тем более от космографического введения». Иными словами, невозможно рассматривать соединение Предисловия и рассказа о начале земли Русской в НІЛ мл. как органическое целое, так как очевидно, что элементы Введения, читаемого в ПВЛ, изначально предшествовали и тому рассказу, что следует за Предисловием в НІЛ мл.

Объем Предисловия приблизительно соответствует листу рукописи (ок. 2000 знаков печатного текста с раскрытыми титлами), а причину замены найти нетрудно. Первый лист переплетенной пергаменной рукописи быстро истирался и пачкался, а постоянно пополняемая владычная летопись, которая вероятно представляла собой связку тетрадей, была особенно подвержена износу. Лет шестьдесят после того, как свод 1076 г. был переписан во владычную летопись Воятой, новый владычный летописец, а быть может и сам владыка, подметил, что первая страница уже практически не читалась, и решил заменить первый лист, подменив бифолий (что в переплетенной рукописи было сделать очень просто). Неразборчивый текст, равно как и еще неплохо читавшийся текст на обороте, он заменил на свое пространное Предисловие, подогнав покороче начало собственно летописного повествования под тот сегмент текста, что помещался в начале второго листа рукописи. Предложенное решение не предполагает ни создания новой копии владычной летописи, ни редакционного пересмотра ее текста, выходящего за пределы первого листа. Как указывал Гиппиус, в частности в недавнем споре с Петрухиным, текстологические показатели в пользу создания нового новгородского свода в первой половине XIII в. отсутствуют. Однако немалая часть наблюдений над редакционными изменениями текста Новгородской летописи за начало XIII в., которые привели В. Л. Янина (1981) к гипотезе о создании нового Временника в 1204 г., а М. Х. Алешковского (1981) к идее свода конца 1220-х гг., возникшего по возвращении на кафедру архиепископа Антония, остается в силе. Факт существенной редакционной обработки летописного текста за этот период не отрицает и Гиппиус. Как же следует представлять себе сложение обеих новгородских летописей за первую четверть XIII в.?

Детальное обследование стратиграфии Н1Л ст., на результаты которого я уже имел случай опереться выше, позволило Гиппиусу выявить по совокупности языковых, стилистических и палеографических критериев ряд слоев в тексте летописи, в целом совпавших со сроками пребывания на кафедре новгородских (архи)епископов. Результат этот подтвердил на богатейшем конкретном материале то, что ранее предполагалось в общих чертах, а именно ведение владычной летописи доверенным лицом каждого архиепископа. Бывало, что один и тот же летописец сохранял эту роль при двух архиереях подряд. Наиболее любопытный для нас результат – поддержанный максимальным числом выявленных исследователем критериев – касается отрезка за 6719/1211–6734/1226 гг., атрибутированного летописцу архиепископа Антония (Гиппиус 2006б: 215, ср. 204–205). Трудно поверить, однако, что в этот период, один из самых беспокойных в истории новгородской кафедры, один и тот же летописец сохранил доверие трех сменившихся на ней иерархов. Гораздо более вероятно, что после

возвращения Антония на новгородскую кафедру в 1225 г. его летописец переработал описание событий за 6 лет его изгнания, когда кафедру вновь занимал сведенный с нее в 1209 г. Митрофан, а за ним чернец Арсений. Есть основания полагать, что деятельность редактора не ограничилась указанным отрезком времени. Я связываю именно с ней вставку в статью владычной летописи (НЛ мл.) за 6701/1193 г., из которой мы узнаем, что Митрофан был выдвинут уже тогда кандидатом в архиепископы, но был обойден Божьей благодатью (жребий выпал не на него). Вынужденный переписать значительную часть тетради с текстом, который он не собирался основательно переделывать, редактор походя вносил в него мелкие изменения (ср. Гиппиус 1997: 24–27, который датирует редакторскую правку ок. 1199 г.)³³. Основная работа над текстом летописи началась со статьи за 6711/1203 г. (см. Конявская 2006), во второй части которой редактор заменил новгородские известия (НЛ ст.) на общерусские (НЛ мл.), а главное за 6712/1204 г., где он весьма неуклюже вставил описание взятия крестоносцами Царьграда, составленное архиепископом Антонием.

Недавно Т. В. Гимон предпринял попытку «абстрагироваться от возможности, <что текст новгородской владычной летописи подвергся редактированию уже в первой трети XIII в.>, и попытаться объяснить хронологическую пестроту НЛ через *процесс работы летописцев, пополнявших летопись впервые, а не редактировавших чужой текст*» (Гимон 2006: 93–94). Анализ Гимона пролил свет на образ становления отдельных статей, но в целом он, на мой взгляд, показал, сколь нелегко сформулировать реальную альтернативу гипотезе о редакционной обработке текста летописи, совпадающей по времени с возвращением Антония на архиепископский трон в 1225 г. Не вдаваясь в спор о деталях, попыта-

33 Я отношу тому же редактору и выявленную Гиппиусом (1997: 25) в той же годовой статье за 6701/1193 г. вставку о предательстве Савки. Этот редактор, по предлагаемой мной гипотезе летописец архиепископа Антония, был автором статьи за 6735/1227 г., которая обнаруживает его близость с Вячеславом Прокшиничем, в котором Гиппиус (1997: 27) усматривает брата Яковца Прокшинича, предстающего во вставке как основная жертва предателя Савки. Замечу попутно, что я не считаю, в отличие от Гиппиуса (1997: 26), похвалу Мартирия в статье за 6704/1196 г. привнесенной после его смерти в 1199 г. Точно также как архиепископ заслужил царствие небесное своими трудами по строительству церкви Богородицы, два брата, Константин и Дмитрий, заслужили согласно той же статье вечную память постройкой церкви св. Кирилла, но из этого отнюдь не вытекает, что к моменту составления статьи оба скоропостижно скончались. На возможность участия летописца архиепископа Антония в редакционной правке летописи уже на этом раннем отрезке недавно указал в тезисной форме и сам А. А. Гиппиус (2007а).

юсь показать, что значимость этого «редакционного эпизода» в истории владычной летописи не ускользнула и от самих новгородцев.

Напомню исходное наблюдение Гиппиуса (1992). Он убедительно показал, что два первых почерка НІЛ ст., традиционно относимые двум разным писцам, принадлежат одному и тому же переписчику и разнятся лишь калибром: посреди фразы, в самом начале статьи за 6708/1200 г., почерк претерпевает разительное укрупнение, что и породило мнение о двух писцах. Исследователь предложил два возможных объяснения этого явления: смена пера или разрыв во времени между двумя этапами копирования. Лишь второе объяснение правдоподобно: ведь переписывая сотни страниц летописи, копист менял перо неоднократно. Смена пера не ведет к смене манеры письма, которая становится более четкой и гармоничной. Я бы предложил объяснить эту перемену практикой копирования богослужебных книг и признать, что две части фразы были скопированы с промежутком в несколько лет. В позднейшей работе Гимон и Гиппиус (1999) показали, что завершение второго этапа копирования НІЛ ст. (крупным почерком) современно последней переписанной статье, за 6742/1234 г. Не будет неправомерно датировать первый этап копирования концом 1220-х гг. Остается объяснить – ибо подобного объяснения не предлагалось – многолетний перерыв в копировании летописи, который курьезно реализуется посреди фразы.

Это объяснение, да и само возникновение Синодального списка НІЛ, я связываю с той правкой, которую претерпевает конечная часть владычной летописи по возвращении архиепископа Антония. Гениальное изобретение Германа Вояты, резервная копия владычной летописи, что уже многие десятилетия пополнялась в Юрьеве монастыре, представляла собой, как мы помним, конволют, древнейшей части которого было за 200 лет, и несомненно нуждалась в поновлении. Его-то и предпринимает наш писец, вероятно с повеления владыки. Он знает, что от начала служения архиепископа Митрофана летопись была заново отредактирована. Поэтому он использует в качестве протографа находящуюся в Юрьеве монастыре старую летопись лишь до статьи об успении Мартирия; увлекшись, он переписывает несколько слов из начала статьи за следующий год, но беды в этом нет, ибо массивное редактирование начинается чуть ниже. Протограф для окончания своего труда, официальную владычную летопись, наш писец получает, однако, не сразу, а быть может, какое-то время его и не доискивается. В самом деле, Антоний опять покидает кафедру, на сцене вновь появляется и тут же исчезает чернец Арсений, в суматохе избирается Спиридон: у писца есть все основания полагать, что прошлое Новгорода может еще раз измениться. Лишь в середине 1230-х гг. он исполняет, наконец, свой долг и пополняет вверенную ему back-up сору из единственного авторитетного источника.

Предложенные наблюдения позволяют уточнить разработанную Гиппиусом реконструкцию возникновения текста НЛ ст. Нет оснований полагать, что Юрьевская летопись Германа Вояты была продолжена лишь до 6703/1195 г., а затем оставлена на 30–40 лет в небрежении. Отсутствие после этой даты специфических юрьевских известий (на которое упирает Гиппиус) свидетельствует лишь о том, что ответственный за нее писец больше не вносил в нее отсебятины. Юрьевская летопись продолжала пополняться как резервная копия владычной и после 1195 г., и этот восходящий к Вояте конволют послужил протографом ранней части Синодального списка. Переход писца к прямому копированию владычной летописи я помещаю на четыре года позже, чем Гиппиус, в начале статьи за 6708/1200 г., как показывает изменение почерка. Для понимания становления текста важно помнить, что писец обладал и изначальной версией владычной летописи за начало XIII в. в том объеме, в котором та была уже перенесена в Юрьевскую резервную копию, и изредка отдавал ей предпочтение (как то в статье за 6711/1203 г.).

Что же касается самой владычной летописи, сведение редакционного вмешательства летописца архиепископа Антония к первому листу и последней паре тетрадей не позволяет говорить о создании нового свода, но и не лишает почвы историографические амбиции, выраженные в Предисловии. Автор задает в нем вселенскую тему падения Царьграда, которую затем развивает в тексте летописи. Осмысляя историю в общерусском ракурсе в Предисловии, он вносит в текст общерусские статьи, столь нетипичные для новгородского летописания.

Завершая разбор Предисловия НЛ мл., я добавлю последний аргумент в пользу его поздней даты, для меня весьма весомый. Речь идет об определении аудитории, того «стада Христова», к которому обращается его автор. Это аудитория светская, городская – именно к ней направлены призывы не гнаться за накоплением богатств, творить милостыню и проявлять странное любие. «Братия моя возлюбленная» Предисловия – это не монастырская братия, которую странно было бы призывать отказаться от несытства, творения насилия и прочих грехов, не монахам свойственных. Это «братия» в значении «собратья, сограждане», словарные примеры которого происходят как раз из статей НЛ за 1214 и 1228 гг. (СДРЯ I: 308, кол. 1). Подобного рода обращенности в светский мир я в ранней летописи не усматриваю. Мир сводчиков 1070-х и 1090-х гг. – это их монастырь, а принятое в научной литературе представление о публицистической направленности летописи восходит в конечном счете к тому же Предисловию. Автор же Предисловия, в котором нельзя не заподозрить самого архиепископа Антония – это и в самом деле проповедник и публицист, для которого летопись – это текст, обращенный к миру и обладающий общественным звучанием. Подобная позиция летописца явилась бы в XI в. полнейшим анахронизмом.

***Заключение. От Сказания 1016/7 г.
к Повести Временных Лет 1116/7 г.***

Таинственной и трудной для описания остается для меня фигура автора Сказания 1016/7, первого известного нам исторического, да и просто литературного текста, созданного на Руси. Человек образованный и начитанный, замечательный знаток библейской истории, он сочиняет Сказание без книг: все библейские цитаты в тексте кратки и явно приводятся по памяти, да и житие Константина Философа не цитируется, а лишь поставляет модель «необращения» властителя. Итак, текст-экспромт, излагающий русскую историю на основе устной традиции, бедной за первые две трети X в. (правление Олега, Игоря и Ольги), более подробной (хоть и немногим более достоверной) в описании походов Святослава, последних участников которых автор застал еще в живых. Полагаю, что автор находился с Ярославом в Новгороде летом 1015 г.: ему не приходит в голову охарактеризовать для читателя Раком, где Ярослав пребывал в ночь избияния варягов; описание выступления Ярослава на вече на редкость реалистично. Автор Сказания формулирует «новгородскую» версию прибытия Рюрика и его братьев, которую побывавший в Ладоге автор ПВЛ заменит на «ладожскую» (ср. Вилкул 2008). Впрочем, наш автор благорасположен и к полянам, мужам мудрым и смышленным, предкам киевлян. За каждым сообщением, благоприятным для Киева, принято искать автора-киевлянина, за сообщениями, касающимися Новгорода – автора-новгородца; над этой традицией в летописеведении подтрунивал Я. С. Лурье. Что же касается автора Сказания, то вряд ли он мог получить свое образование на Руси и вряд ли был ее уроженцем.

Никакой локальный патриотизм автору Сказания не свойственен, и именно к нему восходит, несомненно, криминальная формулировка: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася Русью, и от тех слывет Русская земля (Н1Л мл.: 106)». Эта фраза содержит в себе ответ на вопрос, поставленный в заглавии ПВЛ: «отъкуду есть пошла Русьская земля и къто в ней поча(ль) пьрвѣе къняжити и отъкуду Русьская земля стала есть» (ср. Островски 2003: 1). Как уже отмечалось, Н1Л мл. утратила начало свода Германа Вояты, восходящее к своду 1076 г., а через него к Сказанию, но я полагаю, что Предисловие ПВЛ вобрало в себя вводную часть обоих ранних текстов и сохранило в заглавии тот основной вопрос, который автор Сказания ставил перед читателем. Подобная постановка проблемы характерна для широкого круга литературных памятников, объединяемых иногда в жанровом определении *origines gentium* («происхождение народов»), но на деле весьма разнородных и по форме, и по времени их возникновения.

Богословское образование автора Сказания заставляет признать в нем клирика, но тогда тем более бросается в глаза его безразличие к вопросу организации и управления русской церкви, в особенности к роли Византии. В самом деле, автор отдает предпочтение восточному обряду, будь то в церковном пении или в совершении причастия, описывает с воодушевлением крещение Руси и постройку храмов Владимиром, но не говорит ни слова о иерархическом подчинении новосозданной церкви или о ее собственной иерархии. Лишь благодаря епископским notiциям, изученным Э. Хонигманом (1944/5: 142–148), мы знаем, что византийская митрополия возникает на Руси одновременно с ее обращением; лишь от Титмара Мерзебургского мы узнаем, что киевский «архиепископ» (т.е. митрополит) приветствовал короля Болеслава на пепелище Св. Софии в августе 1018 г. Наш автор ничего на эту тему не сообщает, полагаю, из-за того, что ситуация была достаточно сложной, ибо подобная сдержанность для клирика удивительна.

Сказание 1016/7 отложилось в Н1Л мл. почти целиком через посредство свода 1076 г., за исключением истории гибели Глеба, которую автор свода сознательно заменил. В остальном же сводчик главным образом дополнял ранний текст, и его вторжения носили столь механический характер, что при достаточном объеме их нетрудно опознать. Другое дело, «микровторжения»; твердых критериев для их выделения может иногда и не оказаться. Тем не менее задача реконструкции Сказания 1016/7 г. мне кажется весьма актуальной. Любопытно отметить, что в том небольшом отрывке древнейшего Сказания, который дошел до нас в начале Синодального списка Н1Л, сохранившийся текст материально отстоит от авторского всего на одну промежуточную рукопись.

Автор свода 1076 г. предстает перед нами столь же безымянным, как и автор Сказания, но типологически несравнимо более прозрачным. Созданный им текст дошел до нас в составе Н1Л мл. практически полностью, за исключением первого листа, который восстанавливается по ПВЛ, и нескольких утерянных строк в конце статьи за 6582/1074 г. Текст этот отягощен в Н1Л мл. двумя рядами вставок, из коих древнейший принадлежит Герману Вояте, а позднейший новгородскому сводчику начала XV в. Все эти вставки однозначно выявляются посредством сличения с Н1Л ст. и с ПВЛ. Таким образом созданный в 1076 г. свод в целом столь же материален и конкретен для нас, как и сама ПВЛ.

В авторе свода следует признать создателя летописного жанра на Руси. Воспринятая им анналистическая модель – чисто западного образца, попытки отыскать ее источник в византийской традиции мне кажутся натяжкой. Следуя избранной модели, автор упорно членит свой основной

источник, Сказание, на годовые статьи, но, по счастью, его не смущают многочисленные пустые годы, которые он скрупулезно вписывает, но, как правило, оставляет без искусственного заполнения. Те дополнения, которые он вносит в ранней части, носят зачастую литературный характер. В переводном хронографическом источнике, в котором принято признавать Хронограф по великому изложению, он отыскал упоминание Руси в связи с походом на Константинополь при императоре Михаиле. Это позволило ему с грехом пополам датировать «начало земли Русской», а само описание похода он лишь вписал в текст Сказания, не пытаясь связать данные обоих источников по смыслу. Описание похода 941 г., почерпнутое в хронографе, поставило нашего автора перед более серьезным испытанием, ибо тот же поход был описан и в Сказании, но совсем по-иному. Он разрешил противоречие между обоими описаниями, создав два похода, следующие один за другим, но и здесь он не потревожил текст Сказания, который восстанавливается в своей изначальной форме за вычетом очевидной вставки (Цукерман 2007: 346). Автору свода принадлежат многочисленные вставки библейских цитат, антилатинский экскурс в описании крещения Владимира и еще ряд дополнений.

Не вдаваясь в идейную характеристику свода, я все же не хотел бы оставить у читателя впечатление некой аморфной компиляции: перед нами построенный текст. Тот сквозной стержень, на котором крепится постройка – это завет сынов Ноевых не преступать предел братний. Он задает зачин своду в той краткой вводной части, которая предваряет начало древнейшего Сказания; он сформулирован вновь устами Ярослава в статье 6562/1054 г., с которой начинается по существу собственное повествование автора; на нем же зиждется, наконец, осуждение поступка князя Святослава в статье 6581/1073 г., на которой завершается рассказ о мирской истории (описание кончины Феодосия Печерского следует как приложение: «скажем же и успение его мало»). Свод 1076 г. – это типичная монашеская хроника в том смысле, что фигура автора остается в нем на заднем плане. Она проявляется как голос из толпы: «егоже позоровахомъ» в описании выловленного в Днепре уродца, размышления о «грехах наших», приведших к половецкому нашествию. Эта фигура замечательно соответствует стереотипу монаха-летописца, чего не скажешь ни о его предшественнике, ни о его преемнике. Неслучайно созданная автором летопись остается произведением келейным. Нестор, монах того же монастыря, не знает о ней, когда приступает к написанию жития Бориса и Глеба (в монастырской библиотеке он находит текст Сказания); она попадает в его руки лишь позже, когда он принимается за житие Феодосия Печерского.

Все, что свод 1076 г. выигрывает в построенной мной схеме в наглядности и осязаемости, свод 1090-х гг. пропорционально теряет. Выясняется, что он не отложился независимо в НІЛ мл. и в ПВЛ, а лишь отразился в переработанном виде в ПВЛ. Этот вывод не ставит под сомнение его реальность. Я не буду повторять те доводы, не всегда совпадающие с доводами Шахматова, которые заставляют меня в свою очередь признать, что в 90-х гг. XI в. некий печерский монах выправил и довел до своего времени летопись, ранее составленную в его монастыре. Непосредственным толчком к актуализации летописи послужило открытие мощей Феодосия Печерского (1091), а пересмотр ее более ранней части был вызван стремлением пополнить летописное повествование данными Жития св. Антония Печерского, и что еще важнее, привести описание борьбы Ярослава с Святополком в соответствие с тем, что содержалось в недавно вошедших в богослужебный обиход Паримийных чтениях о Борисе и Глебе. Об объеме редакционного вмешательства на этом этапе в более древнюю часть летописи мы можем только гадать.

Недавние исследования показали, однако, что проект сводчика 1090-х гг. был более амбициозен. Тогда как для его предшественника анналистическая модель послужила лишь формой, в которую тот облек наличный, уже собранный материал, для нового летописца она стала руководством к действию, и летопись в его руках обрела не только вид, но и реальный характер погодно ведущихся записей. Развивая идеи Алешковского, Гиппиус выдвинул ряд убедительных аргументов, доказывающих, что свод 1090-х гг. был продолжен погодными записями до второго десятилетия XII в. и что весь накопленный материал был заново переработан в середине этого десятилетия, приобретя известную нам форму ПВЛ. Я в целом принимаю эту схему, но в деталях, как всегда, находится немало предметов для спора, которому здесь не место. Поэтому я ограничусь тем, что попытаюсь кратко предложить наиболее экономную, на мой взгляд, реконструкцию редакционного процесса, приведшего к созданию ПВЛ.

Исходным пунктом для меня послужат недавние наблюдения В. Н. Русина (2003: 123–125), выявляющие в тексте ПВЛ ряд пассажей, в которых слышится голос летописца – носителя очень яркого авторского «я». Голос этот впервые звучит в повествовании об основании Печерского монастыря, помещенном в ПВЛ под 6559/1051 г., а в последний раз в статье за 6622/1114 г., и из этого исследователь выводит заключение «о принадлежности всего комплекса летописных статей за 1051–1117 г. (...) одному автору», в котором он усматривает печерского монаха Василия, автора рассказа об ослеплении князя Василька Теробовльского (Русинов 2003: 145). Вывод этот, несомненно, слишком широк. Повествование об

основании Печерского монастыря не фигурирует в НЛ мл. и не может быть отнесено к своду 1076 г; также не принадлежит к нему и вторая часть статьи за 6582/1074 г. (жизнеописания печерских старцев), где тот же авторский голос раздается во второй раз. Таким образом наблюдения Русинова по сути добавляют аргументы в пользу выделения свода 1070-х гг., реальность которого исследователь отрицает. С этой немаловажной поправкой я готов, однако, признать, что оптимальным объяснением совокупности данных текста летописи явилось бы объединение в одном лице сводчика 1090-х гг., продолжившего свой свод погодными записями, и редактора середины 1110-х гг., создателя ПВЛ. Перечитывая проделанный Гиппиусом (2007б) анализ повести об ослеплении Василька и полностью признавая ее двуслойность, я все более убеждаюсь, что правил ее тот, кто изначально ее и написал: оценка автором действующих лиц кое в чем изменилась в соответствии с политической конъюнктурой, но единство мысли и стиля говорит за то, что он правит свой собственный текст. В таком случае сводчиком 1090-х гг. и автором ПВЛ, первым русским летописцем, следует и в самом деле признать печерского монаха Василия.

Исходя из этой посылки, вообразим следующий сценарий. Вернувшись в 1115 г. из поездки в Новгород и Ладогу, летописец Василий обнаружил в Киеве новые для себя исторические источники: договоры Руси с греками, которые привез из Царьграда кто-то из членов русского посольства, оповестившего византийцев о приходе к власти Владимира Мономаха. Эти документы вынудили его переосмыслить древнейшую историю Руси, так же как данные Паримийных чтений заставили его ранее переписать историю убоицы Ярослава с Святополком. Именно в появлении новых источников я вижу наиболее вероятный стимул к коренной переделке древнейшей части летописи, повлекшей затем и пересмотр последующего повествования. Узнав о создании новой летописи, выдубицкий игумен Сильвестр выпросил для переписки летом 1116 г. все тетради отредактированного текста, кроме последней, над которой летописец еще работал. Василий занес последнюю запись в эту тетрадь осенью 1117 г., примерно тогда же, когда Сильвестр получил назначение епископом в Переяславль. Завершить копирование тот так и не сумел и замкнул колофоном незаконченный текст³⁴. Василий же продолжил пополнять и править по мелочам вернувшиеся к нему тетради, а когда весной 1117 г. в Киев прибыл его

34 В защиту представления о Сильвестре как об авторе ПВЛ выступил недавно А. Толочко (2008), предложивший подробный разбор приписки-колофона выдубицкого игумена. Однако даже если принять мнение исследователя, что «приписка Сильвестра не содержит никаких указаний на то, что он (...) не считал себя автором (летописи),

новгородский знакомец, князь Мстислав, он добавил на полях целую серию заметок о событиях, связанных с этим князем. Как справедливо отметил Творогов, нет необходимости предполагать создание новой редакции (читай: новой рукописи) ПВЛ для объяснения этих очень ограниченных по объему изменений (Творогов 1997, ср. Мюллер 1967)³⁵.

Копия Сильвестра отбывает с ним в конце 1117 г. в Переяславль, оригинал Сказания отсылается в 1126 г. в Новгород, а еще 40 лет спустя туда же попадает и свод 1076 г. (думаю, в авторской рукописи, изъятой за неактуальностью и за ветхостью из монастырской библиотеки). Лишь в эти годы феномен летописания приобретает общественный резонанс, становится из келейного публичным, из киевского общерусским; примечательно, что в те же 1110–1120-е годы зарождается историография также в Польше и в Чехии. Но за все первое столетие своего существования древнерусская историография сводится к трем авторам и четырем текстам, которые вряд ли имели хождения вне Печерского монастыря. Филиация этих текстов в

стр. 159», она в еще меньшей степени доказывает, что Сильвестр не считал себя переписчиком. В качестве положительного показателя авторства Сильвестра указывается факт использования им в приписке индиктной даты, продолжающей «непрерывную серию» индиктных дат в статьях за 1074, 1091, 1093, 1096, 1107, 1112 и 1115 гг. (стр. 161–2). Однако и переписчик, скопировав серию индиктных дат, мог быть подвигнут на использование той же системы датировки в добавленном им колофоне. Весомым аргументом против авторства Сильвестра является предшествующая колофону лакуна, которая обрывает статью за 1110 г. А. Толочко объясняет эту лакуну возможностью «утраты в древности последней тетради рукописи (стр. 156)» или же тем, что в протографе Лавр. «последняя тетрадь утратила свое первоначальное местоположение (стр. 160)». Но тут встает со всей остротой вопрос, в какой же тетради (пост-последней?) был в таком случае записан Сильвестров колофон, не утраченный и не перемещенный? Эту проблему, А. Толочко не затронутую, но для его построения капитальную, снимает предложенный мной сценарий. П. Толочко (2008, см. в особенности стр. 131) отстаивает мнение о Сильвестре как о переписчике ПВЛ, но собственного объяснения лакуны не предлагает.

- 35 Единственный весомый аргумент в пользу различения двух редакций ПВЛ заключался до недавнего времени в том, что в Радз. и Ипат. читается «ладожская» версия прибытия Рюрика, а в Лавр. – якобы «новгородская», близкая Н1Л мл. Замена «новгородской» версии на «ладожскую» представлялась редакционным вмешательством, разделяющим реально дошедшие до нас тексты ПВЛ, единственным, которое невозможно объяснить авторской припиской на полях (или актом позднейшего переписчика). Однако Т. Вилкул (2008) блестяще показала, что традиционно производимое издателями внесение «новгородской» версии в текст Лавр., якобы следуя тексту Троицкой летописи, основано на недоразумении и что «ладожская» версия была свойственна ПВЛ как таковой (а в Троицкой летописи наблюдалась та же порча текста, что и ныне наблюдается в Лавр., восходящая к их общему протографу).

Киеве представляется предельно простой: свод 1076 г. нарастает на Сказание 1016/7 г., а затем в свою очередь поглощается сводом 1090-х гг. и ПВЛ. По мере того, как «отходы» киевского летописания попадают в Новгород, Сказание 1016/7 г. ложится в основу первого новгородского свода князя Всеволода (отложившегося в НЛ ст.), а свод 1076 г. – в основу свода Германа Вояты (остававшегося до XV в. основой новгородской Владычной летописи, известной нам через посредство НЛ мл.). Историографические тексты обогащались по ходу их редакционных переработок за счет заимствований из внелетописных источников, борисо-глебовского цикла и переводных, которые можно пересчитать по пальцам.

Предложенный пересмотр источниковедческой схемы Шахматова неизбежно чреват ревизией исторических построений и оценок, основанных на летописи. Сведения о событиях по середине XI в., которые не фигурируют в НЛ мл., представляются теперь мало достоверными, а даты их – более, чем шаткими. Описание же усобицы 1015 г. оказывается, напротив, непосредственным свидетельством очевидца. И если проведенная мной ревизия не меняет радикально стратиграфию древнейших сводов, уточнения в границах слоев позволяют предложить комплексное решение проблемы, которую Шахматов оставил неразрешенной: объяснения процесса совмещения разновременных источников в реально дошедших до нас летописных описаниях событий от «начала земли Русской» по второе десятилетие XII в. Для этого следует отнюдь не множить древние повести, своды и редакции, а наоборот, свести число предполагаемых источников к минимуму и оперировать лишь теми, которые оставили четкий материальный след в сохранившихся летописях.

Литература и источники

- Абрамович 1916 — *Д. И. Абрамович*, Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Пг., 1916 (Памятники древнерусской литературы, 2); переиздано: L. Müller (hsg.), Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb, München, 1967 (Slavische Propyläen, 14).
- Алешковский 1971 — *М. Х. Алешковский*, Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси, М., 1971.
- Алешковский 1981 — *М. Х. Алешковский*, Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980 г., М., 1981, 104–111.
- Артамонов 2003 — *Ю. А. Артамонов*, Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова, М., 2003, 173–277.
- Баловнев 2000 — *Д. А. Баловнев*, Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России, сб. 4, М., 2000, 5–46.
- Белецкий 2001 — *С. В. Белецкий*, Династическая война на Руси в 1-й четв. XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тыс. христианской эры, СПб., 2001, 99–112.
- Бережков 1963 — *Н. Г. Бережков*, Хронология русского летописания, М., 1963.
- БЛДР 1997 — Библиотека литературы Древней Руси, т. 1: XI–XII века, М., 1997.
- Богданов 2004 — *С. В. Богданов*, К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской Первой летописи // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции: Великий Новгород, 27-29 января 2004 г.), Великий Новгород, 2004, 105–130.
- Бугославский 1914 — *С. А. Бугославский*, К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 19, 1914, кн. 1, 131–186; кн. 3, 153–191.
- Бугославский 1941/2006 — *С. А. Бугославский*, «Повесть временных лет»: списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть: статьи и исследования / Ред. Н. К. Гудзий, М.; Л., 1941, 7–37; переиздано: С. А. Бугославский, Текстология Древней Руси, т. 1: Повесть временных лет / Сост. Ю. А. Артамонов, М., 2006, 281–312.
- Бугославский 2007 — *С. А. Бугославский*, Текстология Древней Руси, т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов, М., 2007.
- Буров 1994 — *В. А. Буров*, Очерки истории и археологии средневекового Новгорода, М., 1994.
- Вилкул 2003а — *Т. Вилкул*, Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica, 11, 2003, 5–35.

- Вилкул 2003б — *Т. Вилкул*, Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // *Ruthenica*, 2, 2003, 108–114.
- Вилкул 2004 — *Т. Вилкул*, Текстология и Textkritik. Идеальный проект... // *Palaeoslavica*, 12, 2004, 171–203.
- Вилкул 2008 — *Т. Вилкул*, Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*, 16, 2008, 272–280.
- Вортли, Цукерман 2004 — *J. Wortley, C. Zuckerman*, The relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle // *Византийский временник*, 63, 2004, 67–74.
- Гайдуков, Хорошев 2006 — *П. Г. Гайдуков, А. С. Хорошев*, Новые находки привесок — литых копий с монет типа «Ярославле серебро» в Новгороде // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год: Новое в нумизматике*, М., 1996, 204–210.
- Гимон 2006 — *Т. В. Гимон*, Новгородское владычное летописание первой четверти XIII века: Хронология и процесс пополнения летописи // *Средневековая Русь*, вып. 6, М., 2006, 80–118.
- Гимон, Гиппиус 1999 — *Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус*, Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*, вып. 7 [17], СПб., 1999, 18–47.
- Гиппиус 1992 — *А. А. Гиппиус*, Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике середины XIII в. // *Информационный бюллетень МАИРСК*, вып. 25, М., 1992, 59–86.
- Гиппиус 1997 — *А. А. Гиппиус*, К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*, вып. 6 [16], СПб., 1997, 3–72.
- Гиппиус 2001 — *А. А. Гиппиус*, Рекоша дружина Игорев: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*, 25, 2001, № 2, 147–181.
- Гиппиус 2006а — *А. А. Гиппиус*, Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова* / Ред. А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован, Р. А. Евстифеева, М., 2006, 56–96.
- Гиппиус 2006б — *А. А. Гиппиус*, Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005* / Отв. ред. А. М. Молдован, А. А. Плетнева, М., 2006, 114–251.
- Гиппиус 2007а — *А. А. Гиппиус*, Архиепископ Антоний и новгородский культ Софии // *В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX–XV вв.: Материалы конференции. Великий Новгород – 26-28.07.2007*, СПб.; Великий Новгород, 2007, 20.
- Гиппиус 2007б; 2008 — *А. А. Гиппиус*, К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение*, 2007, № 5, 20–44; 2008, № 2, 3–24.

- Головко 1988 — *А. Б. Головко*, Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв., Киев, 1988.
- Данилевский 2004 — *И. Н. Данилевский*, Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов, М., 2004.
- Дьяконов 2005 — Титмар Мерзебургский. Хроника в 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова, М., 2005.
- Етимологічний словник 1985 — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі, Київ, 1985.
- Живов 2000/2002 — *В. М. Живов*, Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Из истории русской культуры, т. 1: Древняя Русь, М., 2000, 552–585; переиздано (с Addenda et corrigenda): В. М. Живов, Разыскания в области истории и предыстории русской культуры, М., 2002, 116–169.
- Зиборов 1995 — *В. К. Зиборов*, О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в., СПб., 1995.
- Ильин 1957 — *Н. Н. Ильин*, Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа, М., 1957.
- Истрин 1923; 1924 — *В. М. Истрин*, Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 26, 1921 (1923), 45–102; 27, 1922 (1924), 207–251.
- Конявская 2006 — *Е. Л. Конявская*, «Южнорусские статьи» в новгородских летописях (первое десятилетие XIII в.) // ROSSICAANTIQUA 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, СПб., 2006, 170–174.
- Кузьмин 1977 — *А. Г. Кузьмин*, Начальные этапы древнерусского летописания, М., 1977.
- Леймус 2001 — *И. Леймус*, Русский денежный счет XII в. – свой или заимствованный // Монета: Международный нумизматический альманах, вып. 8, М., 2001, 23–30.
- Литаврин 2000 — *Г. Г. Литаврин*, Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII в.), СПб., 2000.
- Литвина, Успенский 2006 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*, Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники, М., 2006.
- Лихачев 1947 — *Д. С. Лихачев*, Русские летописи и их культурно-историческое значение, М., 1947.
- Лихачев 1948/1986 — *Д. С. Лихачев*, «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки, 25, 1948, 240–265; переиздано: Д. С. Лихачев, Исследования по древнерусской литературе, Л., 1986, 154–184.
- Лукин 2006 — *П. В. Лукин*, «...нам неволя: зажегше град свои, ступим в гречьску землю»: К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // ROSSICAANTIQUA 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, СПб., 2006, 229–259.

- Лукин 2007 — *П. В. Лукин*, События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история, 2007, № 4, 3–20.
- Лурье 1990 — *Я. С. Лурье*, Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ, 44, 1990, 185–195.
- Матвеевко, Щеголева 2006 — *В. Матвеевко, Л. Щеголева*, Книги временные и образные Георгия Монаха, т. 1, кн. 1-2, М., 2006.
- Милютенко 2006 а — *Н. И. Милютенко*, Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // ROSSICA ANTIQUA 2006. Исследования и материалы / Ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, СПб., 2006, 156–169.
- Милютенко 2006 б — *Н. И. Милютенко*, Святые князья-мученики Борис и Глеб, СПб., 2006.
- Михеев 2005 — *С. М. Михеев*, Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: К проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение, 2005, № 2, 28–42.
- Михеев 2006 — *С. М. Михеев*, [Рец. на: Милютенко 2006б] // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*, 2, 2006 (Universum Hagiographicum. Mémoial R. P. Michel van Esbroeck, s. j., 1934-2003), 446–456.
- Михеев 2007 — *С. М. Михеев*, Различия в описаниях событий и взаимоотношения текстов борисоглебского цикла // Славяноведение, 2007, № 5, 3–19.
- Мусин 2006 — *А. Е. Мусин*, [Рец. на: Милютенко 2006б] // *Ruthenica*, 5, 2006, 268–281.
- Мюллер 1967 — *L. Müller*, Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag, Heidelberg, 1967, 171–186.
- Мюллер 2001 — Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von *Ludolf Müller* (=Handbuch zur Nestorchronik, IV; =Forum Slavicum, 56), München, 2001.
- Мюллер 2004 — *L. Müller*, Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb (5). Die Quellen der Chronikerzählung: 1. Die Erzählung über die Geburt Svjatopolks von einer griechischen Nonne // Zeitschrift für Slavische Philologie, 63, 2004, 23–49.
- Мюллер 2005/6 — *L. Müller*, Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb (6). Die Quellen der Chronikerzählung: 2. Die Erzählung über die Schlacht bei Ljubeč // Zeitschrift für Slavische Philologie, 64, 2005/2006, 245–278.
- Назаренко 1984 — *А. В. Назаренко*, О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники. 1984 г., М., 1984, 13–19.

- Назаренко 2001 — *А. В. Назаренко*, Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв., М., 2001.
- Насонов 1969 — *А. Н. Насонов*, История русского летописания XI – начала XVIII века, М., 1969.
- Невзорова 2004 — *Н. Н. Невзорова*, Паримии Борису и Глебу: опыт прочтения // ТОДРЛ, 56, 2004, 428–452.
- Никольский 1930 — *Н. К. Никольский*, Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании // Сборник по русскому языку и словесности АН СССР, 2/1, Л., 1930.
- Н1Л — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова, М.; Л., 1950.
- Островски 2003 — *D. Ostrowski*, The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis, vol. 1-3, Harvard, Mass., 2003.
- Островски 2005 — *D. Ostrowski*, Scribal Practices and Copying Probabilities in the Transmission of the Text of the *Povest' vremennykh let* // Palaeoslavica, 13, 2005, 48–77.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подг. текста, статьи и ком. Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, под. ред. В. А. Адриановой-Перетц, М., Л., 1950.
- Петрухин 2006 — *В. Я. Петрухин*, Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ, 57, 2006, 33–41.
- Писаренко 2006 — *Ю. Писаренко*, Почему «потаиша» смерть князя Владимира (К летописной статье 1015 г.) // Ruthenica, 5, 2006, 238–248.
- Писаренко 2007 — *Ю. Писаренко*, К поиску смысла посмертного ограбления правителей // Український історичний збірник, вип. 10, Київ, 2007, 9–14.
- Поппэ 2003 — *А. В. Поппэ*, Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // ТОДРЛ, 54, 2003, 304–336.
- Приселков 1940/1996 — *М. Д. Приселков*, История русского летописания XI–XV вв., Л., 1940; переиздано: СПб., 1996.
- Русинов 1995 — *В. Н. Русинов*, «Житие Феодосия Печерского» и проблемы его научной критики // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы, Нижний Новгород, 1995, 3–23.
- Русинов 1997 — *В. Н. Русинов*, Послание инока Поликарпа к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы, Нижний Новгород, 1997, 4–23.
- Русинов 2003 — *В. Н. Русинов*, Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История, 2003, 1(2), 111–147.

- Сагайдак 1991 — *M. A. Сагайдак*, Давньокиївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології, Київ, 1991.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. 1, М., 1988.
- Сиггаар 1973 — *K. N. Ciggaar*, Une description anonyme de Constantinople du XIIe siècle // *Revue des études byzantines*, 31, 1973, 335–354.
- Скилица/Турн 1973 — *Ioannes Scylitza*, Synopsis Historiarum, recensuit Ioannes Thurn, Berlin; New York, 1973 (=Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 5).
- Соловьев 2007 — *К. А. Соловьев*, Культ Бориса и Глеба во властных отношениях Древней Руси, М., 2007.
- Сотникова, Спасский 1983 — *М. П. Сотникова, И. Г. Спасский*, Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв., Л., 1983.
- Стефанович (в печати) — *П. С. Стефанович*, Налоги и поборы в Киевской Руси, ч. 1: Загадочное известие начального летописания: первое установление дани в Киеве.
- Страхова 2008 — *О. Б. Страхова*, Рекоша дружина Игореви... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Palaeoslavica*, 16, 2008, 217–258.
- Творогов 1974 — *О. В. Творогов*, Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // *ТОДРЛ*, 28, 1974, 99–113.
- Творогов 1976 — *О. В. Творогов*, Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // *ТОДРЛ*, 30, 1976, 3–26.
- Творогов 1992 — *О. В. Творогов*, Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // *Славяноведение*, 1992, № 2, 54–59.
- Творогов 1997 — *О. В. Творогов*, Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // *In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье*, СПб., 1997, 203–209.
- Творогов 1999 — *Летописец Еллинский и Римский*, т. 1: Текст, СПб., 1999.
- Тимберлейк 2001 — *A. Timberlake*, Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*, 2000, № 1, 219–238.
- Тимберлейк 2004 — *A. Timberlake*, Intervals of the Kiev Chronicle (1050–1110) // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 63, 2004, 51–70.
- Тимберлейк 2006 — *A. Timberlake*, «Не преступати предѣла братна»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / Ред. А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован, Р. А. Евстифеева, М.*, 2006, 97–112.
- Титмар — *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung (Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon) / Herausgegeben von Robert Holtzmann*, Berlin, 1935 (=Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. NS, IX).

- Тихомиров 1960/1979 — М. Н. Тихомиров, Начало русской историографии // Вопросы истории, 1960, № 5, 41–56; переиздано: М. Н. Тихомиров, Русское летописание, М., 1979, 46–66.
- Толочко А. 2008 — А. Толочко, Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica, 7, 2008, 154–165.
- Толочко П. 2003 — П. П. Толочко, Русские летописи и летописцы X–XIII вв., СПб., 2003.
- Толочко П. 2008 — П. Толочко, Редакция Повести временных лет игумена Сильвестра // Ruthenica, 7, 2008, 130–139.
- Франклин 1982 — S. Franklin, Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. NS, 15, 1982, 1–27; переиздано: S. Franklin, Byzantium – Rus – Russia: Studies in the translation of Christian culture, Aldershot, 2002, № III.
- Хонигман 1944/5 — E. Honigmann, Studies in Slavic Church History // Byzantion, 17, 1944/5, 128–182.
- Шахматов 1908/2002 — А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908; переиздано: А. А. Шахматов, История русского летописания, т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1, СПб., 2002.
- Шахматов 1947 — А. А. Шахматов, Киевский Начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сборник статей и материалов, М.; Л., 1947.
- Шляков 1900 — Н. В. Шляков, О Поучении Владимира Мономаха // Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. 329, 1900, май, стр. 96–138; июнь, стр. 209–258; ч. 330, июль, стр. 1–21.
- Цукерман 2007 — К. Цукерман, Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов и А. Е. Мусин. СПб., 2007, 343–351.
- Черепнин 1948 — Л. В. Черепнин, «Повесть временных лет»: ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки, 25, 1948, 293–333.
- Янин 1970 — В. Л. Янин, Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. 1: Печати X – начала XIII в., М., 1970.
- Янин 1981 — В. Л. Янин, К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г., М., 1981, 153–181.

